ВКЛАД В БУДУЩЕЕ
Благотворительный фонд Сбербанка

Ксения Кнорре Дмитриева

УЧИТЕЛЯ — РОДИТЕЛЯМ

Сборник интервью

Издательская группа «Точка»
Москва, 2017

УДК 371.15
ББК 74.204
К53

Издание подготовлено при содействии Фонда научных, образовательных и культурных инициатив «Траектория»

Кнорре Дмитриева К.
К53 Учителя — родителям. — М.: Издательская группа «Точка», 2017. — 248 с.

ISBN 978-5-9909347-3-3

Издание представляет собой сборник интервью учителей и директоров российских школ и содержит ответы на актуальные родительские вопросы по современному российскому школьному образованию. В этой книге учителя доверительно обращаются к каждому ответственному и думающему родителю, который стремится лучше понять школьника и учителя, выбрать лучшую школу для своего ребенка и осознать роль родителя в процессе школьного обучения. Важнейшей целью издания этой книги является реализация одной из основных идей современного образования — включение родителя в школьный образовательный процесс. Кроме того, книга познакомит родителя с живой практикой и скрытыми механизмами учебного процесса.

Книга предназначена родителям, родственникам и опекунам школьников, — настоящих и будущих, — а также всем, кто работает с детьми.

УДК 371.15
ББК 74.204

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме, электронными или механическими средствами (включая фотокопирование, запись, хранение и извлечение информации) без разрешения правообладателя.

ISBN 978-5-9909347-3-3

© Благотворительный фонд Сбербанка «Вклад в будущее», 2017
© Идея, оформление — Издательская группа «Точка», 2017

Ксения Кнорре Дмитриева

УЧИТЕЛЯ — РОДИТЕЛЯМ

Сборник интервью

ВКЛАД В БУДУЩЕЕ
Благотворительный фонд Сбербанка

Благотворительный фонд Сбербанка «Вклад в будущее» был создан в 2015 году. Его основная задача — поддержка развития современного российского образования с учетом вызовов XXI века и развитие инклюзивной среды, обеспечивающей членам общества равные возможности самореализации и полноценной жизнедеятельности вне зависимости от особенностей развития и здоровья. В фокусе внимания фонда — компетенции и навыки, актуальные для быстро меняющегося современного мира.

Аристотель писал, что «учителя еще более достойны уважения, чем родители, ибо последние дают нам только жизнь, а первые — достойную жизнь». Так это или нет — решать каждому, но невозможно спорить с тем, что роль школьных педагогов в развитии наших детей необычайно велика. И когда мы повторяем вслед за Сократом, что «нет ничего более важного, как образование самого себя и своих ближних», мы должны в первую очередь задуматься над тем, как и от кого нам самим получить уроки и напутствия в области образования.

Следуя сократическим наставлениям, авторы этой книги подготовили для вас сборник бесед с выдающимися учителями российских школ, помогающий понять, как работает современная школа, осознать роль и место родителей в школьном обучении детей. Более двадцати ярчайших педагогов разным предметам из разных школ доброжелательно и щедро поделились своим опытом, мыслями и убеждениями. Я уверена, что для родителей настоящих и будущих школьников некоторые из советов станут «путеводной звездой», освещающей путь их детей к успешному учению.

«Как человек был обучен, таким и станет, пожалуй, весь его будущий путь», — сказал Платон две с половиной тысячи лет назад. Для того, чтобы путь ваших детей в образовании был более надежным, а для вас — понятным, прочтите эту книгу.

С благодарностью всем учителям,

Юлия Викторовна Чечет,
Исполнительный директор
Благотворительного фонда Сбербанка
«Вклад в будущее»

СОДЕРЖАНИЕ

Список школ, упоминаемых в книге 11

От автора 13

Навигатор по книге 16
Другие дети 18
Новые инструменты обучения,
новое содержание образования 21
Работа с разными детьми 24
Выбор учеником своего пути 25
Хороший учитель 27
Школа и мир 28
Взаимодействие школы с родителями 30
Выбор школы и профиля 34

Сергей Леонидович Иванов 36
Баланс свободы и контроля 38
«Зачем мы это учим?» 39
Работа с чистого листа 40
Естественная дисциплина 42
Как выбрать школу 43
Учитель — это помощник 44
Хороший учитель прежде всего хороший человек 46
Ставить цели и думать о ЕГЭ 47

Алексей Алимович Бабетов,
Мария Владимировна Калужская 48
Маугли с планшетом 50
Как научить учиться? 53
Хорошая школа — какая она? 53

Елена Вячеславовна Гусева **58**
Что может и чего не может семья 60
Доверия нет 62
Как выбрать начальную школу 64

Сергей Владимирович Реутский **70**
Рухнула дворовая среда 72
Рухнул традиционный уклад 73
Физкультура как главный урок для обучения важнейшим жизненным навыкам 74
«Чем вас сегодня порадовали ваши дети?» 77
Вкладывайтесь в детей 78

Владимир Михайлович Гуровиц **80**
Хорошие учителя могут быть разными 82
Современная система образования несовременна 83
Одних знаний и искусственно созданных задач недостаточно 84
Почему учителя учат по-старому? 85
Главное — импульс 86
Научите пользоваться знаниями 87
Как найти идеальную школу? 89

Константин Владимирович Левушкин **92**
Образование повсюду 94
«Проклятие знания» и другие педагогические ошибки 94
Любимый учитель, который ничему не научил 97
Внутренние пружины знаний 98

Ольга Анатольевна Самошкина **100**
Результат — не только оценка 102
Новое время, новые дети 102
Новые родители 103
Уроки вместе: надо ли? 105

Новые методы 107
Самое тяжелое в учительской работе 109

Максим Яковлевич Пратусевич 110
Мы конкурируем с интернетом 112
Школа — это территория неформальных отношений 113
Наши выпускники — не только математики. И это хорошо 115

Константин Михайлович Столбов 118
Главное, чему должна научить школа 120
Из чего складывается атмосфера школы 121
Школьная любовь важна для общего развития ребенка 123

Елена Александровна Хотунцева 126
Как школа помогает ребенку быть успешным? 128
Помогите детям состояться 128
Хочешь научиться плавать — не ходи по берегу 130
Пусть говорят с ошибками, но говорят 132
Самое сложное 132

Дмитрий Эммануилович Шноль 134
Школа нарушает границы 136
Родители нарушают границы 139

Римма Анатольевна Храмцова 142
Зачем нужны уроки литературы 144
Литература знакомит с оттенками 145
Литература рассказывает, что жить можно по-разному 146
ЕГЭ — не самоцель 147
Уроки для родителей 147

Владимир Федорович Овчинников 150
«Ты еще здесь?» 152
Набрать хороших учителей и не мешать им работать 154

Работа с родителями 155
Атмосфера — это важно 156
Слово «интересно» должно быть в школе всегда 156

Марина Моисеевна Бельфер 158
Школа как остров 160
Что дают уроки литературы 162
Изучение литературы невозможно без доверия 163
Как отучить детей ругаться матом 165
Запоминается незапланированное и прекрасное 167
Литература вместо уроков патриотизма 168
Нужны ли в школе уроки труда? 169

Валерий Адольфович Рыжик 172
Учитель-исследователь 174
Если есть дар, он должен развиваться 174
Зачем нужна математика? 175
Нашим детям интересно неизвестное 178

Алексей Михайлович Каменский 180
Школа без отбора и с профилями 182
Школа свободы выбора 185
Школа-город 187
Педагогика авторитета и теория соленого огурца 190
Проекты, интересные и детям, и взрослым 192

Елена Владимировна Андреева 196
Прямой путь в профессию 198
Олимпиадное движение 199
Каждого научить нельзя, но можно
дать попробовать 200
О плюсах и минусах ЕГЭ 201
Другие системы, другие проблемы 203
Дети изменились, образование нет 204

Пора менять систему 205
Что ждет нас впереди 206

Дмитрий Леонидович Блидман 210
Пришел доказать и остался 212
Почему мало учителей по экономике 213
Кто учится экономике 215
Олимпиады по экономике становятся математическими 217
Чем на самом деле занимается экономика 218
О горящих глазах и профессиональном выгорании 221

Артур Викторович Заруба 222
Что имеем — не ценим 224
Понимание красоты не для избранных — оно для каждого 225
Музыка во всем 226
Классическая музыка — это часть обычной жизни 227
Музыка воспитывает нравственно 228
Петь может каждый 230

Ефим Лазаревич Рачевский 232
Как мы стали самой большой школой Москвы 234
Объединение — шанс для слабых 236
Как школа рекультивировала свой район 238
Школа без образовательных тупиков 240
Образование без насилия невозможно 242
Признаки успешности 243

Предметно-тематический указатель 246

СПИСОК ШКОЛ, УПОМИНАЕМЫХ В КНИГЕ[1]

1. Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение (ГБОУ) «Лицей № 1535» (лицей № 1535), Москва.
2. Некоммерческая школа-пансион «Летово» (школа «Летово»), Москва.
3. Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение Гимназия № 210 «Корифей» (гимназия «Корифей»), Екатеринбург.
4. ГБОУ «Гимназия № 1514» (гимназия № 1514), Москва.
5. Частное общеобразовательное учреждение «Хорошевская школа» («*Хорошкола*»), Москва.
6. ГБОУ «Школа с углубленным изучением физики и математики № 2007» (ФМШ № 2007), Москва.
7. ГБОУ «Школа № 218» (Центр образования № 218), Москва.
8. ГБОУ «Пятьдесят седьмая школа» (Пятьдесят седьмая школа), Москва.
9. Лицей Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Лицей НИУ ВШЭ), Москва.
10. Автономная некоммерческая общеобразовательная организация «Областная гимназия имени Е. М. Примакова» (гимназия имени Е. М. Примакова), Москва.
11. ГБОУ «Президентский физико-математический лицей № 239» (школа № 239), г. Санкт-Петербург.

---

[1] В порядке появления в тексте интервью.

12. Федеральное ГБОУ высшего образования и науки «Санкт-Петербургский национальный исследовательский Академический университет Российской академии наук», Академический лицей «Физико-техническая школа» (лицей «ФТШ»), Санкт-Петербург.
13. ГБОУ «Школа “Интеллектуал”» (школа «Интеллектуал»), Москва.
14. ГБОУ «Лицей “Вторая школа”» (лицей «Вторая школа»), Москва.
15. ГБОУ лицей № 590 Красносельского района Санкт-Петербурга (лицей № 590), Санкт-Петербург.
16. Специализированный учебно-научный центр (факультет) — школа-интернат имени А. Н. Колмогорова Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (СУНЦ МГУ), Москва.
17. Частное образовательное учреждение средняя общеобразовательная школа «Ломоносовская школа» («Ломоносовская школа»), Москва.
18. Государственное автономное общеобразовательное учреждение «Центр образования № 548 “Царицыно”» (*Центр образования № 548 «Царицыно»*), Москва.

ОТ АВТОРА

Общаясь в процессе создания этой книги с лучшими учителями и директорами школ нашей страны, я постоянно пыталась сформулировать для себя, какими качествами должен обладать хороший учитель. Постепенно, встречаясь и беседуя с абсолютно разными учителями, у которых не было почти ничего общего, кроме увлеченности своим делом, я интересовалась этим вопросом все больше. Результатом стало мое выступление с докладом на Московском международном салоне образования на тему «Хороший учитель: кто это?» В докладе я приводила ответы учителей на этот вроде бы простой вопрос, и какие же неожиданные характеристики обнаруживались в очевидном, на первый взгляд, наборе признаков хорошего учителя! Об этом можно бы было написать отдельную книгу — и о заочной дискуссии между моими собеседниками о том, является ли любовь к детям необходимым условием для того, чтобы быть хорошим учителем, и о строгости как проявлении этой любви, и о том, что количественный результат (отметки за экзамены, места на предметных олимпиадах, процент поступления выпускников в вуз) — далеко не всегда показатель качества работы учителя.

Учителя — герои этой книги — очень разные, но результат их работы один: они делают жизнь наших детей интересной и становятся для них теми самыми наставниками, которые берут их за руку и ведут за собой в огромный мир науки, культуры, искусства, эмоций и человеческих отношений.

Пути героев наших интервью к учительству также очень различны — многие из них начинали разговор со слов «я никогда не собирался стать учителем» и «в школе я оказался случайно». Вероятно, мне повезло общаться с теми, кто нашел свое призвание, — а пришли они к нему разнообразными дорогами и по разным причинам. Вместе с тем у некоторых склонность к профессии учителя

обнаружилась еще в детстве или юности: кто-то играл в учителя, кто-то хотел вырасти и вернуться в школу, чтобы все в ней сделать «как надо», кто-то вынес из своей школы ощущение необходимости присутствия в ней настоящих наставников. Это говорит об огромной важности школы в нашей жизни — школы, которая закладывает не только теоретическую основу для будущего, но и показывает нам модели этого будущего, положительные и отрицательные, учит нас строить отношения, дарит нам друзей и Учителей на всю жизнь.

Конечно, в этом сборнике представлены далеко не все лучшие учителя России. В огромном учительском сообществе нашей страны множество блестящих профессионалов, и мы, к сожалению, не имели возможности пообщаться со многими яркими и авторитетными педагогами городских и сельских школ. Но в нашей книге — имена тех, кто безусловно авторитетен в профессиональном сообществе и имеет как государственные, так и специальные награды фондов Сороса и «Династии», высоко ценимые среди учителей.

Эта книга предназначена в первую очередь родителям школьников, вторая книга проекта — учителям школ, но это разделение не строгое: обе книги, записи наших бесед с учителями, могут быть одинаково интересны и учителям, и родителям. Я старалась сохранить в тексте непосредственную атмосферу рассказа, речевые портреты моих собеседников, их юмор и тональность нашей беседы, а фотограф Галина Индрупская сделала удивительно живые фотопортреты, замечательно, как мне кажется, иллюстрирующие такие разные и такие яркие характеры наших героев. Учителя и директора школ охотно шли на контакт с нами, приглашали в гости, и мы с огромным удовольствием оказывались то в солидном физико-математическом лицее, то в большом и разноцветном образовательном комплексе, то в потрясающей воображение частной школе.

Огромное спасибо редактору Лидии Буровой за терпение, деликатность и за то, что мы полностью совпали стилистически. Спасибо мудрому издателю Микаэлу Горскому, с которым мы тоже понимали друг друга с полуслова. Спасибо благотворительному фонду Сбербанка «Вклад в будущее» — мы работали одной командой,

вместе решали рабочие вопросы, спорили и обсуждали каждую деталь будущих книг, потому что для нас были важны все мелочи. Спасибо Галине Индрупской — фотографу, окончившей мехмат МГУ, о чем я часто упоминала во время съемок и интервью, потому что это сразу повышало наш статус в глазах учителей. Спасибо нашим семьям, терпевшим командировки и приступы вдохновения по ночам, помогавшим советом и просто поддержкой. И огромное спасибо дорогим учителям и директорам, которые нашли для нас время, отнеслись со всей серьезностью к нашей затее и были с нами искренни и открыты. Спасибо за гостеприимство, за многочасовые разговоры, за дружбу и за то, что вы дарите свой талант, ум и свою жизнь нашим детям.

НАВИГАТОР ПО КНИГЕ

Дорогие родители,

Цель книги, которую вы раскрыли, — помочь вам:

- в выборе той школы, где будет учиться ваш ребенок;
- в формировании вашего отношения к тому, что происходит в школе вашего ребенка, в школах России и мира.

Я также очень надеюсь, что эта книга поможет родителям во взаимодействии со школой, даст возможность понять, что делает школа и почему это полезно для детей, а также что, по мнению учителей, родители могут сделать сами, чтобы помочь своим детям в учебе и жизни.

Вам предлагается взгляд на школу изнутри, с позиции учителя, который говорит в первую очередь о себе, о проблемах, с которыми он сталкивается, о том, чего ему удалось достичь, о достоинствах и недостатках сегодняшней школы и о том, что ожидает школу завтра. Все это имеет прямое отношение к тому, какую школу родителям искать для своих детей, как ее выбирать. Учителя уделяют внимание и непосредственно проблеме выбора школы для ребенка, некоторые соображения приведены в конце этого предисловия.

Важно, что учителя говорят не только о школе сегодняшнего дня, но и о том, что может с ней произойти в ближайшем будущем. И в значительной степени именно от родителей зависит, пойдут ли их дети в школу, которая пытается твердо следовать традициям, или в школу, которая старается соответствовать изменениям в современном мире.

Цель настоящего предисловия-навигатора в том, чтобы систематизировать информацию, «рассыпанную» по текстам учителей, и дать

читателю представление обо всем спектре обсуждаемых проблем. Если какой-то вопрос вас заинтересует более других, вы можете сразу открыть интервью того учителя, который высказывался по этой теме, и прочитать его полностью, компенсируя недостаток «вырывания из контекста» или приблизительность пересказа в нашем предисловии. Полный текст интервью каждого учителя можно найти по оглавлению книги, а вернуться к наиболее интересным для вас вопросам — с помощью предметно-тематического указателя в конце книги.

Отмечу, что во все упомянутые в книге школы, кроме центра образования «Царицыно», санкт-петербургской школы № 590 и частной «Хорошколы», детей принимают по конкурсу, то есть тех, кто при поступлении показывает способности выше среднего. Эти школы имеют возможность принимать детей не только из своего микрорайона, а также устраивать отбор при приеме в старшие классы. Некоторые из школ представлены в «высшей лиге» олимпиадников по математике, физике, информатике, химии. Это московские СУНЦ, лицей «Вторая школа», Пятьдесят седьмая школа, ФМШ № 2007, а также школа № 239 и лицей ФТШ в Санкт-Петербурге.

В списке представлены три частные школы. Одна из них существует уже 20 лет — это Ломоносовская школа Москвы, другая — «Хорошкола» — впервые приняла детей в детский сад и начальную школу пять лет назад, а в этом году начала учить детей и в средней школе, третья — школа «Летово» — откроется в 2018 году. Замечу, что роль частных школ в российском обществе сегодня радикально меняется, перестает быть маргинальной. Видимо, в течение ближайших нескольких лет именно в частных школах будут комплексно реализованы наиболее перспективные образовательные модели.

Я сама, закончив филологический факультет МГУ, была учителем начальной школы (в одной из школ, представленных в списке), а до этого — учителем русского языка и литературы в школе, которая ни в каких списках не представлена. Я организовывала две школы и сейчас руковожу третьей, и мне очень важно, чтобы родители услышали учителей.

ДРУГИЕ ДЕТИ

Учителя замечают существенные изменения в поведении и психологии нынешнего поколения детей по сравнению с предыдущим. Они связывают это — видимо, справедливо — в большой степени с новой цифровой цивилизацией. Как предсказывал Л. С. Выготский, изменение инструментов деятельности приводит к изменению психических процессов. Но подчеркнем, что учителя обращают внимание на явные изменения личности и того ребенка, который не сидит перед компьютером и не держит в руках мобильник. Влияние на учеников цифровых устройств (гаджетов) наиболее очевидно и наглядно, но заметны и изменения, вызванные социальными процессами и не связанные напрямую с «цифровизацией» и информатизацией, и понимание этого факта учителями и родителями очень важно.

Вот что говорят об этом учителя:

Мария Владимировна Калужская: «В нашем обществе появился новый тип детей, которые приходят в школу из домашнего “вакуума”. В своей дошкольной жизни они практически не контактируют с другими детьми и другими взрослыми. Их лучший друг — планшет или телевизор… Я их назвала домашними маугли, потому что они вне социума, хоть и живут дома, у них свой лес и свои волки… Домашнее воспитание сузилось до границ квартиры и набора гаджетов».

Описывая ситуацию, учитель при этом не указывает на негативное влияние использования гаджета как такового, а говорит о том, что привыкание к гаджету усугубляется одновременным изменением социального контекста, облегчает уход семьи от некоторых ее функций: «Семьи практически перестали жить с бабушками и дедушками, ребенка на весь вечер оставляют наедине с телевизором, телефоном или дорогими конструкторами, но все равно он как бы сам с собой… К ребенку еще в утробе матери нужно обращаться лично. Недаром нянюшки-бабушки постоянно говорили с ребенком, даже когда он еще ничего не понимал, пели ему колыбельные, вместе читали и так далее. А современные дети-маугли еще и лишены лексического богатства, которое естественно формировалось в семейном общении…

Это не хорошо и не плохо, просто меняется культура. Когда-то устная культура сменилась письменной, сейчас снова перелом, и школе нужно как-то научиться с этим жить и работать».

И вот следствия этого исчезновения контекста семейного воспитания, сужения круга общения ребенка, которые Мария Владимировна наблюдает в школе:

«...Учитель на уроке в первом классе говорит: “А теперь, ребята, все открыли учебники на странице такой-то”, а какой-нибудь мальчик или сразу несколько детей сидят и ничего не делают. Учитель спрашивает о причине бойкота и получает ответ: “Я не ребята, я Виталик”. То есть они не понимают слова “мы”, не знают, что такое сотрудничество, не умеют что-то делать вместе и считают, что учитель, как родитель, должен общаться с ними тет-а-тет и реагировать на любой каприз. Таких детей всю начальную школу учат простым вещам, которым раньше учили в детских садах и во дворах».

Далее следует ключевая фраза для школьного контекста: «И поскольку их все больше и больше, учителям приходится осваивать особые технологии общения с такими детьми, они к этому совершенно не готовы, но учиться необходимо».

Мы видим, что здесь учитель формулирует задачу и для школы, и для семьи. Об этом стоит подумать и разобраться, что с этим делать.

О сходных проблемах детей постарше говорят и другие педагоги.

Алексей Алимович Бабетов: «Появилось особое поколение детей, которых дома опекают, в школе им ничего сказать не могут, и они растут вообще без этических норм. Учитель ребенку что-то говорит, а тот просто не понимает, о чем идет речь, он вырос в другом, “Я-центрированном” мире... Родители организуют для школьников развлечения, дети ничего не решают — не занимают себя сами, не принимают решений, даже в отношении своего досуга или выбора друзей... Некоторые ребята, не нашедшие друзей в своем классе, уходят в сетевые группы, им там хорошо и комфортно, и для них мнение этого сообщества важнее, чем живое мнение окружающих... Для детей этого поколения важными становятся не реальные отношения со сверстниками, а отношения в сетевом сообществе».

Таким образом, здесь добавляется еще одна проблема. Это уже не просто гаджеты, как в начальной школе, а целые сетевые сообщества, непривычные для учителей, для старшего поколения.

Это подтверждает **Елена Владимировна Андреева:** «Они (ученики) на уроках между собой предпочитают уже не переговариваться, не перебрасываться записками — никаких записок уже давно нет, — а общаются в социальных сетях». И продолжает, говоря о тех изменениях в поведении и установках детей, которые не имеют непосредственного отношения к цифровым технологиям: «...Есть дети, которым вообще ничего не надо... Если задано что-то, что можно быстро сделать, он еще сделает, если же надо сидеть со сложными задачами, думать, работать, у них на это нет времени и желания... Они не способны к учебе как к большому труду... Те, кто не играет, все равно смотрят фильмы, общаются, они тратят на все это безумное количество времени».

Своим взглядом на причины происходящих с современными детьми изменений, который не сводится к констатации влияния гаджетов и цифровой реальности, делится **Сергей Владимирович Реутский:** «Раньше все общеучебные способности — и социальные, и творческие — развивались до школы, и не в секциях, не в развивающих группах, а во дворах — детской разновозрастной игровой среде. Поэтому детей, которые приходили в школу, социализировать было не нужно, и учить их осмысленно рисковать тоже было не нужно, потому что в их жизни этот опыт уже был до школы. То, чем занимались во дворах, этому способствовало — и физической подготовке, и умению учиться, — ребята притаскивали во двор самые разные игры, друг у друга учились с ними управляться; ходили с родителями в походы, умели сами поймать рыбу и приготовить ее... Когда эта среда рухнула, у детей упала общая умелость, а также физическая и психологическая подготовка — мы потеряли то, что сейчас можно бы было назвать социальным умением общаться... Есть еще проблема в современной семье. Традиционная семья была большая: много детей, много родственников, и в этой команде обязательно находился человек с педагогическими способностями, который занимался

детьми... Еще был двор, куда все выходили. Дворовая среда была разновозрастной, там легко было учиться и находить учителей — примыкали к тем командам, которые нравились. Ситуация поменялась — и мы получили школу, где надо искусственно создавать условия для того, что раньше происходило само собой».

О том, что могут сделать родители для того, чтобы изменить ситуацию, вы можете прочитать в интервью Сергея Владимировича, а мы посмотрим, что может сделать для этого школа, по мнению наших учителей.

НОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ОБУЧЕНИЯ, НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Цифровая реальность, которая так сильно меняет жизнь ребенка вне школы, влияет и на школьное образование, но это влияние идет с большим запаздыванием. Мы с вами, когда надо что-то сосчитать, сразу обращаемся к калькулятору, а в школе все еще учат складывать числа в столбик. Однако процесс *цифровизации* школы — приведение используемых ею инструментов в соответствие с теми, которые уже широко применяют менее консервативные институты, — все же идет.

Вот что говорит об этом **Елена Владимировна Андреева:** «...На протяжении нашей жизни отомрет ручное письмо. Мы все перестанем писать ручкой и будем печатать... На мой взгляд, это абсурд — заставлять учеников средних и старших классов писать сочинение ручкой, я не понимаю, почему нужно разбирать их каракули... Финляндия собирается отменить письмо рукой, а она считается одной из передовых стран в области образования... Учителям предметов, где письма не так много (география, биология), вообще надо как можно быстрее интегрироваться в современные технологии и связывать с ними как можно больше заданий по своему предмету, делать то, что могут позволить современные технологии — осваивать те же 3D-принтеры... На геометрии можно делать многогранники,

которые у нас долгие годы лепили... Можно делать модели молекул на химии, можно использовать это на физике».

Но наряду с развитием информационных инструментов деятельности ученика большое значение имеет материальная и информационная среда школы.

Мария Владимировна Калужская: «Хорошая школа создает гибкую, интересную, подвижную внутреннюю среду, где дети могут, например, сами по-разному поставить парты. Школа — это живой конструктор, где все меняется. И даже когда она спроектирована абсолютно кондовым образом, сделана по стандартному проекту, все равно с этим можно работать, и хорошие школы успешно пытаются это делать».

Далее Мария Владимировна говорит о таком признаке хорошей современной школы, как *медийность*: «Современная школа умеет продвигать себя, говорить о себе, имеет свой сайт, сетевые каналы информирования и продвижения. Есть школы, у которых очень скромные сайты, но они, допустим, активно взаимодействуют с аудиторией через сетевые сообщества (школы, педагогов, проектные команды), через личные сайты или блоги учителей».

И здесь мы подходим к ключевой проблеме образования, о которой говорят многие учителя и где школе требуется понимание и поддержка родителей. Это — новое содержание образования. И вопросы нового содержания образования (они отражены сегодня в Федеральных государственных образовательных стандартах) — это не только проблема использования в школе новых инструментов деятельности или внутренней школьной среды. Намного серьезнее то, что мир сегодня требует от школы новых образовательных результатов.

Владимир Михайлович Гуровиц: «...Школьное образование в его нынешнем виде — это не образование, соответствующее XXI веку. Для того чтобы оно было таким, нужно тренировать навыки, которых требует жизнь... нужно поощрять самостоятельную деятельность школьников, выбор того, что они делают, самостоятельную постановку задач, умение рисковать... Нужно учить их работать вместе, нужно учить их учиться».

Константин Михайлович Столбов: «Все важнее, на мой взгляд, становятся социальные навыки — умение общаться с другими людьми, коммуникабельность, лидерские качества».

Ефим Лазаревич Рачевский: «Один из признаков успешности — это возможность взаимодействия с чужими, с чужой культурой, с чужой едой, с чужим образом жизни. Это способствует умению видеть себя в новых предлагаемых обстоятельствах. Если эта база есть, то можно овладеть и математикой, и профессией программиста. Роль школы — содействовать этому формированию. Но это умеет делать редкая школа: не мешать и помогать».

Вместе с тем учителя уверены, что и в стремительно изменяющихся обстоятельствах школа и даже отдельный преподаватель могут дать ученикам очень многое, и каждый из них стремится к этому.

Константин Владимирович Левушкин: «По моим ощущениям, сейчас я уже неплохо научился учить детей тому, что сейчас на все лады называется критическим мышлением. Заболел я этим года два назад, когда понял, что история — это про первоисточники и что изучение истории — это почти детективный процесс. Я начал приносить ученикам разные источники, и это превратилось в систему».

Про смысл образования по отдельным предметам и тенденции развития его содержания вы можете прочитать в интервью учителей:

- Начальная школа — Ольга Анатольевна Самошкина, Елена Вячеславовна Гусева.
- Английский язык — Елена Александровна Хотунцева.
- Информатика — Елена Владимировна Андреева, Владимир Михайлович Гуровиц.
- История — Константин Владимирович Левушкин.
- Литература — Марина Моисеевна Бельфер, Римма Анатольевна Храмцова.
- Математика — Максим Яковлевич Пратусевич, Валерий Адольфович Рыжик, Дмитрий Эммануилович Шноль.

- Мировая художественная культура и музыка — Артур Викторович Заруба.
- Обществознание — Мария Владимировна Калужская.
- Русский язык — Сергей Леонидович Иванов.
- Физкультура — Сергей Владимирович Реутский.
- Экономика — Дмитрий Леонидович Блидман.

РАБОТА С РАЗНЫМИ ДЕТЬМИ

Интересны мнения учителей разных школ относительно разнообразия состава учащихся.

Сергей Леонидович Иванов: «Все школы разные, и каждая ориентирована на конкретный тип детей, способных работать в определенном режиме. Где-то ценятся дети, которые умеют себя раскрыть творчески, и, соответственно, они чувствуют себя комфортнее там, где им больше помогают развивать творческие способности, а где-то детям нужно, чтобы им помогали развивать исследовательские навыки. То есть все очень индивидуально. Поэтому сказать, что есть какая-то одна уникальная хорошая для всех школа, я не могу и пока не представляю себе, чтобы она могла существовать».

Алексей Михайлович Каменский: «Моя принципиальная позиция была в том, чтобы не делать никакого отбора детей, никаких тестов “вот этих берем, этих не берем”. Если воспринимать школу как институт социализации, подготовки к будущей жизни, то я уверен, что в этой будущей жизни человеку очень трудно будет решить — вот с этими общаюсь, с этими не общаюсь, с глупыми не встречаюсь, а с умными встречаюсь, ведь у нас все вокруг намешано: бедные, богатые, глупые, добрые, злые, умные...»

Марина Моисеевна Бельфер: «Когда был конкурсный набор, к нам попадали другие дети. Был другой уровень культуры и детей, и родителей. Сегодня у нас такие проблемы, о которых мы раньше даже не задумывались. Например, приходится вести ученика за тряпкой, чтобы он помыл унитаз, на котором стоял ногами. И это теперь каждо-

дневная упорная работа... Или проблема мата. Сейчас это актуальный вопрос... <Я> думаю, как провести на эту тему занятия с шестым классом, чтобы объяснить детям историю происхождения этих слов, их сакральный смысл, как сделать это на самом высочайшем научном уровне, чтобы их удивить, чтобы они поняли, что происходит, когда они произносят эти слова, где это употребимо, а где нет и почему».

Ефим Лазаревич Рачевский: «Работать с неотобранными детьми в чем-то сложнее, в чем-то проще. Если мы возьмем родителей, чьих детей отобрали в школу для одаренных, и родителей, чьи дети ходят в соседнюю школу, то у последних будет меньше претензий и больше доверия к школе, потому что школа и учитель ими рассматриваются либо как равные, либо как более высокая социальная страта. А если мы возьмем контингент родителей из школы с отбором, то для них учитель — это представитель массовой профессии, человек из сферы услуг, которым можно пренебречь. В этом сложность работы в селективной школе, которой нет у нас».

ВЫБОР УЧЕНИКОМ СВОЕГО ПУТИ

Каких бы детей ни была готова учить конкретная школа — только высокомотивированных или самых разных, — хорошо, если она сможет предоставить каждому ребенку возможность выбора своего пути, и еще лучше, если этот выбор будет основан на его собственном опыте.

Алексей Михайлович Каменский: «В пятых классах мы давали курсы занимательных наук такой вертушкой: допустим, 5 “А” на первую четверть объявляется физмат классом, на вторую — гуманитарным, на третью — естественнонаучным. Это не раннее изучение физики, а мотивационный курс... Начал заниматься, и у тебя получается лучше, быстрее, чем у других, тебе нравится — делай дальше, нет — ищи для себя что-то другое... В нашей школе мы достигаем широты через вариативность, разнообразие форм, целей и методов обучения, темпов, условий».

Если вас это заинтересовало, прочитайте в интервью Алексея Михайловича раздел «Школа-город».

Ефим Лазаревич Рачевский: «По окончании начальной школы у наших детей есть выбор. Профилем это назвать нельзя, но есть усиленные направления подготовки — например, китайская школа, художественная, квазиинженерная школа с пятого класса. И есть так называемые универсальные классы — как правило, их выбирают семьи, где еще не определились с направлением обучения ребенка (у них есть вторая возможность определиться после окончания седьмого класса, там опять происходит перекомплектование), или туда идут те, кто усиленно занимается спортом, музыкой, балетом и им нужно свободное время вне школы. Они учатся, приглядываются и потом могут опять сделать выбор. Правда, в китайскую школу они уже не попадут — ну и не надо, потому что только 20 процентов выпускников нашей китайской школы продолжают образование, связанное с Востоком, — в ИСАА или еще где-нибудь, а остальные идут в медицину, инженерию, экономику, математику со знанием китайского языка».

Алексей Алимович Бабетов: «Еще одно важное свойство хорошей школы — она учит детей тому, что мир пластичен, что он не застывшая штука, в которую надо встроиться, как винтик, — нет, вы, дети, можете в этом мире что-то делать, изменять, вы можете его формировать, находиться в активной жизненной позиции. Это достигается очень просто: мнение ребенка ценно, инициативы детей поддерживаются, их дела подхватываются... Школа может давать ребенку возможность пробовать разное, а лет с 12-13 — возможность выбирать себе виды деятельности, сроки освоения предметов, занятия, формы активности, в которых он участвует, и так далее... надо дать ему почувствовать себя творцом, а на школьных стенах писать, что мир полон открытий».

Елена Владимировна Андреева: «Мы с коллегами из современных IT-отраслей (ABBYY, Яндекс и многих других компаний) даже немножко меняли программу основной школы, чтобы там обязательно было программирование. Они говорят так: “Мы понимаем,

что каждого ребенка научить этому нельзя, но нужно каждого познакомить с таким видом деятельности, чтобы все те, кто талантлив в этой сфере, поняли, что это такое, и, возможно, захотели этим заниматься, иначе это может просто пройти мимо ребенка и он не узнает, что это его”».

ХОРОШИЙ УЧИТЕЛЬ

Конечно, мы хотим, чтобы нашему ребенку достался хороший учитель. Мы много раз слышали, что учитель — профессия массовая, и каждый ученик не может попасть к учителю выдающихся талантов. Но так или иначе, как говорит **Ефим Лазаревич Рачевский,** «Кадры — это ключевой ресурс, и я нахожусь в постоянном состоянии охоты за хорошим учителем. Если я вижу, что идет мужчина с хорошими глазами, я его спрашиваю: “Ты не учитель, нет?”»

Владимир Михайлович Гуровиц: «Есть разные типажи учителей, про которых можно сказать, что они хорошие, и если попытаться их сравнить, то окажется, что у них нет ничего общего. Хорошим учителем может быть человек, который много общается со школьниками, активно участвует вместе с ними в чем-то; может быть человек, который просто проводит урок, а после урока никак с детьми не взаимодействует. Один умеет отлично давать материал на уроке — так, что дети от него выходят с пониманием и интересом, и, собственно, им больше от него ничего и не надо, а другой может их заряжать энтузиазмом, возить на олимпиады, в летние школы и так далее, а при этом, может быть, на уроках он для них не такой уж ценный источник знаний, но он их направляет в нужную сторону, заставляет интересоваться предметом. Зачастую роль учителя не в том, чтобы что-то вложить в школьника, а в том, чтобы его просто растормошить, чтобы он сам начал заниматься».

Сергей Леонидович Иванов: «Моя основная задача скорее не научить: мне ближе слово “помочь” — помочь детям справиться с теми трудностями, которые возникают у них в процессе обучения,

помочь им осознать, что легко, что трудно, определиться с тем, что им интересно, а что нет... В современной школе более успешным будет учитель, который умеет учить не заставляя, а мотивируя, помогая найти что-то свое, который будет прислушиваться к мнению ученика, откликаться на его просьбы и следовать его рекомендациям... Такому учителю не боятся задавать вопросы, пускай сложные, на которые, может быть, он не сразу даст ответ, но будет его искать — порой, может, вместе с учениками. Учитель завоевывает уважение тем, как ведет себя с учениками, а не тем, что он постоянно говорит: это — белое, а это — черное».

Владимир Федорович Овчинников: «Хороший учитель — это объемное понятие. Это человек, который занимается своим делом, у него есть педагогическая жилка, он любит детей, умеет с ними общаться, может им многое дать и получает удовольствие от пребывания в классе с умными детьми. Казалось бы, не так много требований, но на самом деле найти такого человека не очень просто».

ШКОЛА И МИР

Почти все учителя удивительно много говорят не о предметах и уроках, а о важности взаимодействия школы — учеников, учителей — с окружающим, «внешним» миром. Так, директор санкт-петербургской школы № 590 **Алексей Михайлович Каменский** рассказывает о нескольких реализованных в школе идеях. Одна из них — литературный конкурс «Добрая лира», в котором в этом году участвовало уже более 500 авторов из 35 регионов России. «Идея вот какая: мы обещаем автору-победителю то, чего ни один другой конкурс в мире не обещает — не денежный приз и не издание книги, — мы обещаем обеспечить вдумчивое прочтение его произведений. Их читают наши дети, родители, педагоги из нашей школы и 20 партнерских школ только по Питеру... В течение года в разных номинациях наши дети выполняют конкурсные задания по этим произведениям».

«Еще один конкурс, в котором мы участвуем, — «Школьный патент», посвященный поддержке детского изобретательства... по итогам конкурса Роспатент оформляет ребенку авторское свидетельство... Другой хороший наш проект — «Южнобережные олимпийские игры». Сначала все это было на базе только нашей школы, потом присоединились близлежащие, потом весь район, а сейчас участвуют три района... У нас в образовании сильно недооценен потенциал творческих сообществ. Они — художники, писатели, ученые, спортсмены, политики — рвутся в бой, все это на некоммерческой основе, — вот этим я и пытаюсь насытить школу».

Мария Владимировна Калужская: «Учитель может только делать все от него зависящее, чтобы вытащить детей в настоящую жизнь: устраивать для них маленьких игры, путешествия, интересные встречи, для старших — стажировки, образовательные поездки, волонтерские проекты. Просто включать в их жизнь как можно больше событий, создавать возможность живого контакта, причем не только внутри школы, но и за ее стенами, — побуждать выходить наружу, устраивать поработать где-то на каникулах, ездить куда-то вместе, ходить помогать в дом престарелых или в детский дом — все что угодно... И лучшие школы сегодня — это школы событийные... В настоящей школе нет каникул и выходных, нет понятий “учебная” и “внеучебная” деятельность, потому что люди максимально заинтересованы в событийности и в образовательном эффекте, а лучший образовательный эффект — это когда после окончания учебного года заинтересованные, мотивированные дети охотно собираются на разные интересные программы».

Марина Моисеевна Бельфер: «Дети помнят всю жизнь именно такие вещи — строго говоря, нарушение нормы, проявление чего-то совершенно незапланированного, но такого важного, нужного, человечного». В тексте Марины Моисеевны много примеров образовательных внеурочных событий — поездок, тематических встреч, просмотров старых фильмов...

Максим Яковлевич Пратусевич: «У нас достаточно сильные традиции внеурочного общения — это наши походы, трудовые лагеря,

экскурсии и прочее, то есть мы стараемся, чтобы учитель для учеников был прежде всего человеком, а уже потом учителем. Учитель — это функция, и она не на первом месте. Судя по всему, дети это ценят. У них в жизни часто достаточно мало значимых взрослых, и мы этот пробел восполняем».

Владимир Федорович Овчинников: «Школа много работает и вне уроков — как с нашими учениками и их родителями, так и со всеми желающими. Стараемся держать детей в курсе последних новостей науки. У нас есть “Умная гостиная”, когда собираются наши ребята, в том числе и шести-семиклассники, и перед ними выступают настоящие ученые. Иногда это дискуссия по научным вопросам, иногда просто лекция и, естественно, сотни вопросов от детей после нее — пока их не разгонишь, они все спрашивают и спрашивают. Это форма поддержания их знаний о современных научных исследованиях на хорошем уровне... Мы каждое лето вывозим детей на учебно-отдыхательные мероприятия. В этом году ребята с учителями ездили в Татарстан — у нас там была так называемая Летняя математическая школа. Физики и гуманитарии тоже устраивают это в каникулы, что очень любят ребята: утром они получают заряд знаний, а потом у них обычный отдых».

Подводя итог этого раздела, приведем цитату **Ефима Лазаревича Рачевского:** «И я снова повторю мысль о том, что учителя принято наделять сверхчеловеческими способностями, считается, что он за все отвечает и все определяет; но учитель не решает всех проблем. Очень важна среда: кто рядом с тобой, с кем ты общаешься, с кем играешь и так далее».

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ШКОЛЫ С РОДИТЕЛЯМИ

Конечно, вам интересно знать, что замечательные учителя — герои книги — говорят о взаимоотношениях школы с родителями учеников. Это одна из главных тем данной книги, и мы познакомим вас с многообразием мнений педагогов.

Владимир Федорович Овчинников: «...Сегодня родители имеют право давать советы и даже настаивать на выполнении этих советов. Нельзя сказать, что это нам сильно мешает, но мешает, конечно. Не хочется обидеть родителя, который искренне желает помочь школе, а с другой стороны, мы прекрасно понимаем, что далеко не все советы разумны и применимы. Но бóльшая часть наших родителей ведут себя совершенно лояльно, и если какие-то идеи у них есть, они их также лояльно и высказывают. В нашей школе это не острая проблема, а кроме того, мы активно работаем с родителями — наши психологи ведут для них семинар, сами родители приходят к психологам с вопросами в индивидуальном порядке, у нас это приветствуется и поощряется. Работа с родителями — это важная часть нашей школьной жизни».

Сергей Леонидович Иванов: «Если бы я мог обратиться к широкой родительской аудитории, я бы, наверное, напомнил, что дети требуют к себе повышенного внимания, даже если речь идет о старшеклассниках, которых многие воспринимают практически как взрослых, но даже им нужны внимание, забота, любовь, и все они хотят, с одной стороны, определенной самостоятельности в своих действиях, а с другой — им всем нужна защита и поддержка. И еще необходимо помнить о том, что мы воспринимаем ребенка по-разному: дома он один, в школе другой, это абсолютно разные социальные роли. Нужно спокойно относиться к тому, что он в этих ролях может быть разным — например, послушным сыном, но при этом непослушным учеником».

Елена Александровна Хотунцева: «Плохо, когда родители начинают в полной мере реализовывать свои амбиции через детей. Такое у нас в лицее случается. Иногда ребенок уже зеленый, смотришь на него и понимаешь, что ему бы поспать, погулять и поесть, а мама его записала в 54 секции, у него 10 репетиторов, занятия каждый час, и ребенок просто не соображает... Во всем нужна умеренность. Лицей старается участвовать в решении подобных вопросов, и если мы видим, что есть перекос, перебор, мы можем что-то посоветовать родителям. Но захотят ли прислушаться к нашим советам — это вопрос.

Мы же не можем категорически сказать: “Прекратите”. Это их выбор, и все родители считают, что они действуют во благо своих детей».

Ольга Анатольевна Самошкина: «Родитель должен помочь ребенку овладеть алгоритмом качественного выполнения работы, объяснить, какая работа может считаться качественной, какая нет, и показать ему: мне важен твой труд, мне важно, что ты делаешь, мне интересно, это сейчас самое важное для тебя, и мне это небезразлично. Если родитель будет находиться рядом, ребенок будет ощущать эту поддержку. Можно постепенно уменьшать свое присутствие в школьной жизни ребенка, но тем не менее находиться поблизости, во всяком случае контролировать выполнение работы, а не формально спрашивать: “Ты все уроки сделал?”, — для ребенка-первоклассника этого мало. Необходимо просматривать, обсуждать работу, показывать ему — это мне нравится, ты написал красиво, а вот тут не очень, или говорить: “Ты выполнил не все задания, давай мы с тобой сядем и доделаем”. Лучше первокласснику подсказать, может быть, даже там, где это необязательно, но у него должно быть чувство защищенности».

Дмитрий Эмануилович Шноль: «Одна из основных проблем нашей школы связана с границами, вернее, с неумением их выстраивать и соблюдать. У нас плохо определены границы ответственности — за что отвечает учитель, за что ученик, за что семья в целом... вся школьная жизнь ученика, включая его домашние задания, является сферой его личной ответственности, прямо с первого класса, с шести-семи лет. Если ребенок хочет, он показывает эту часть жизни родителям, не хочет — не показывает. Просит помощи, если нужно, или не просит, если считает, что сам справится. Но есть и обратная проблема — желание родителей контролировать домашние задания детей, даже когда те уже в седьмом, восьмом классах. “А что нам задали?” — спрашивают такие родители. Вам — не задали ничего. Задали вашему сыну, дочери, которым надо попробовать все возможности — пробалбесничать месяц, получить свой результат, исправить его, не смочь исправить, найти помощь, не найти. Это же все очень важные ситуации, которые ребенку надо проиграть, пока он в школе».

Елена Вячеславовна Гусева: «Главная проблема в отношениях между родителями и школой сегодня — разрушено доверие. Сегодня родитель приводит ребенка в сад и говорит воспитателю не “Здравствуйте, мы сегодня прекрасно выспались, у нас высокая активность”, а: “Так, посмотрите при мне — ни одного синяка, видите? Если вечером я получу ребенка с синяком, вы закончите день в прокуратуре”. И в школе тоже приблизительно так. Но для нормального ребенка, познающего мир, активно двигающегося и взаимодействующего с окружающим пространством и с другими детьми, синяки — обычное дело. А если школе и детскому саду поставить главной задачей — обеспечить отсутствие синяков (сохранность здоровья важна, поймите меня правильно, но во всем должна быть мера), тогда учитель или воспитатель просто обложит ребенка ватой и положит на кровать для сохранности, и этому ребенку в саду и школе ничего делать не дадут».

В интервью Елены Вячеславовны, которая долгие годы была директором начальной школы, прогимназии №1733 в Москве, вы сможете подробно прочитать о роли семьи и школы в воспитании ребенка, о необходимости взаимодействия и доверия между школой и родителями.

Сложный вопрос, который очень любят обсуждать в прессе — это «поборы» школы с родителей. В период, когда финансирование школ и зарплаты учителей были совсем низкими, вопрос этот был действительно очень болезненным. Безусловно, денежная помощь родителей в получении ребенком общего образования может быть только совершенно добровольной. Но мнение **Алексея Михайловича Каменского** представляет интерес: «До революции последний купчик за счастье почитал войти в попечительский совет гимназии, потому что он, в том числе, получал право ношения мундира, а отсюда и право на дворянство... Я недавно был в Китае... У них, как у нас раньше назначали школе шефов, попечителями школ назначают китайских миллиардеров. Дают миллиардеру пять школ, и те горя не знают, сделали себе замечательный кабинет робототехники, он миллион долларов стоит... Фонды

выпускников — я просчитывал — мало-мальски эффективны, если их целевой капитал от 100 миллионов рублей, не каждая школа может себе это позволить, мягко говоря. Но есть элементарные вещи: какая-нибудь благотворительная лотерея, концерт силами учащихся или детские поделки, родители их и покупают. Давно надо вывести это из тени, да и детям это полезно».

ВЫБОР ШКОЛЫ И ПРОФИЛЯ

Сергей Леонидович Иванов: «Я считаю, что у каждой школы есть свое лицо, есть свои плюсы, свои сильные стороны, и на них нужно ориентироваться при выборе. Главным должен быть, конечно же, не рейтинг школы, а то направление, тот вид деятельности, который является для нее приоритетным и подходит вашему ребенку.

Чаще всего чувствуют себя комфортно дети, которые сами нашли ту или иную школу. Речь идет, конечно, о средней или старшей школе. Дети в этом возрасте вполне способны изучить существующие предложения и сказать родителям: “Я хочу туда-то”. Современные дети гораздо лучше и быстрее ориентируются в интернет-пространстве и умеют составить для себя правильное представление о том или ином учебном заведении. И это показатель готовности ребенка учиться, а главное, это еще и огромное подспорье для детей, когда не их привели, а они сами пришли — они уже готовы к тому, что им будет непросто, но они хотят именно сюда. Такие дети есть и у нас в лицее, и с ними всегда интереснее».

«...Удачно найденный профиль — это гарантия успеха. Бывают случаи, наоборот, что ребенок попадает не в свой профиль, не в свою школу, и у нас в лицее дети иногда чувствуют, что они не на своем месте, хотя вроде бы и лицей известный, и учителя хорошие, и одноклассники хорошие — все хорошо, но что-то не складывается, и, пока ребенок не возвращается туда, откуда пришел к нам, или не уходит в ту школу, где ему нравится учиться, ничего не меняется».

Владимир Михайлович Гуровиц: «Очень важно, чтобы возможности, интересы и темперамент ребенка совпали с той средой, с той школой, куда он попал... А дальше, конечно, будет очень здорово, если в школе найдется человек, который чем-то зацепит этого конкретного ребенка, чтобы он решил — о, я хочу туда, я хочу заняться этим, хочу развиваться в этом направлении. Не так важно, чтобы ученика чему-то научили, важно, чтобы он нашел свою область. В конечном счете ребенку должно повезти, чтобы все совпало: среда в школе, учитель и область, где он что-то для себя найдет... Если школьник попадет не туда и не найдет себя, то он будет и в школе мучиться, и после школы его выбор будет довольно случайным, — он просто пойдет туда, где ему покажется не так плохо, как в школе... Поэтому, мне кажется, самое важное — чтобы нашлось что-то специально для каждого ребенка».

Елена Вячеславовна Гусева: «...Я бы постаралась понять, есть ли в школе атмосфера доверия, какой стиль взаимодействия в ней: как встречает директор посетителей, как разговаривает с родителями, учителями, школьниками, как встречает вас учитель, довлеет ли он, не довлеет, предъявляет себя партнером или авторитарным лидером. Мне кажется, что стиль взаимодействия важнее, чем конкретный человек с его умениями».

Алексей Алимович Бабетов: «Я добавлю еще один элемент: школа должна быть молодой по духу. Тогда она будет ближе к детям. И это не связано с реальным возрастом школы... Молодость — это вопрос не возраста, а отношения к жизни».

Вдумчивого и полезного чтения вам!

Елена Игоревна Булин-Соколова,
доктор педагогических наук, главный эксперт
Института развития образования Высшей
школы экономики, директор «Хорошколы»,
лауреат премий Президента и Правительства России.

Учитель русского языка в лицее №1535 и в школе «Летово», кандидат филологических наук. Автор сборников заданий по русскому языку.

СЕРГЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ ИВАНОВ

БАЛАНС СВОБОДЫ И КОНТРОЛЯ

Все родители разные. Всегда есть те, кто делает акцент на учебе ребенка или концентрируется на воспитании, думает заранее о поступлении в вуз или, наоборот, живет сегодняшним днем и говорит: «Надо, чтобы не в будущем, а сейчас все было хорошо». Кто-то очень болезненно переживает за ребенка, кто-то говорит, что нужно, чтобы ребенок почувствовал себя взрослым и умел брать ответственность за свои поступки. Мне всегда нравилось, что у нас в лицее многие родители небезразличны к судьбе своего ребенка и стараются поддерживать с ним контакт, выяснить, что он сам думает, в чем ему нужно помочь и как, и приходят к учителю с вопросом о том, как не мешать ребенку развиваться. Это очень важно.

Я думаю, контролировать, что происходит у ребенка в жизни вообще, родителям нужно. А вот делать за него уроки точно не надо, равно как и проверять их от начала до конца. Важно уметь договариваться, разговаривать, находить общий язык и понимать, что ребенок есть ребенок, у него свои потребности, желания и интересы. И это, конечно, очень непросто для родителей — не перегнуть палку с контролем и, наоборот, не упустить что-то — найти баланс. Строить все на полном доверии опасно, но и загонять в жесткие рамки тоже очень вредно. Нужно уметь разговаривать с детьми. Потому что самое сложное, когда приходят родители и говорят: «Мы не можем найти общий язык с ребенком, помогите, ребенок нас не слышит, вся надежда на вас».

Если бы я мог обратиться к широкой родительской аудитории, я бы, наверное, напомнил, что дети требуют к себе повышенного внимания, даже если речь идет о старшеклассниках, которых многие воспринимают практически как взрослых, но даже им нужны внимание, забота, любовь, и все они хотят, с одной стороны, определенной самостоятельности в своих действиях, а с другой — им всем нужны защита и поддержка. Следует помнить о том, что **мы воспринимаем ребенка по-разному: дома он один, в школе другой,**

это абсолютно разные социальные роли. Нужно спокойно относиться к тому, что он в этих ролях может быть разным — например, послушным сыном, но при этом непослушным учеником. Это абсолютно нормальное явление, и не нужно воспринимать это как что-то странное, надо разбираться в причинах: что мешает ему реализоваться в школе или, наоборот, что не дает ему себя вести определенным образом дома. На все есть причины, и их выявлению нужно уделять особое внимание, ничего не упускать из вида и вовремя приходить детям на помощь.

«ЗАЧЕМ МЫ ЭТО УЧИМ?»

У детей иногда возникают вопросы: почему мы учим то, а не иное? Зачем учить русский язык, если Word подчеркнет в тексте все ошибки? Я, конечно, пытаюсь дать ответы на эти вопросы. Например, говорю, что Word подчеркнет только орфографию и пунктуацию, и то не всегда правильно, а речевые, логические, этические, фактические ошибки он не подчеркнет, да и связный текст он за тебя все равно не напишет, поэтому излагать грамотно свою мысль нужно уметь. Дело в том, что мы учим не только писать грамотно, но и общаться с людьми, которые тебя окружают, учитывая ситуацию общения, особенность аудитории. И это самое важное для детей — научиться использовать весь арсенал вербальных и невербальных средств в зависимости от той ситуации, в которой они оказались. Наиболее частые ошибки как в устных выступлениях, так и в письменных работах — это речевые, стилистические ошибки, когда ребенок употребляет то или иное слово, выражение, не учитывая его значение и стиль.

Я слышу вопрос «зачем мы это изучаем?» давно, и у меня уже есть готовые ответы на вопросы по многим темам, которые мы проходим. Но важнее даже объяснить это не детям, а самим себе, чтобы прежде всего мы сами понимали, для чего мы это делаем. В русском языке мы выделяем много различных компетенций, которыми

должен владеть ребенок, но они все взаимосвязаны. Нужно понимать, что, не сформировав лингвистическую компетенцию, то есть знания о структуре языка, невозможно потом сформировать другие компетенции, в частности языковую и коммуникативную. Если ребенок не знает, что такое причастный оборот, и допускает в нем ошибки, то мне нужно сначала ему объяснить, что такое причастие, и тогда у него не будет ошибок при построении предложений с причастными оборотами. А уже от языковой компетенции мы переходим к коммуникативной, учимся использовать наши языковые навыки в разных ситуациях. И чтобы свободно владеть своей речью, надо иметь возможность не задумываться об этих вещах. Поэтому развиваться надо постепенно. И нашим преимуществом является то, что мы четко представляем себе, как развивается ребенок. Потом многие теоретические знания уйдут, потом дети будут говорить, что у них «врожденная грамотность», но мы знаем, что все это развивалось постепенно, наслаивалось одно на другое, одна компетенция перерастала в другую и сформировался ребенок, который грамотно, четко, ясно, логично выражает свои мысли. Это и есть ответ для меня, и я найду что ответить на вопрос «зачем?» ребенку. Вся программа, которую мы изучаем по русскому языку, направлена — так или иначе — на практическое применение в жизни.

РАБОТА С ЧИСТОГО ЛИСТА

Для учителя самое сложное, но и самое важное — найти подход к каждому ребенку. Заинтересовать, учитывая его различные особенности: физиологические — как он ведет себя во время урока, психологические — как он воспринимает информацию, как общается с одноклассниками, какие у него трудности дома, как он общается с учителями, как привык воспринимать информацию, как он ее усваивает, его степень вовлеченности и заинтересованности в предмете... Все это, конечно же, нужно учитывать, но это не всегда просто, особенно в условиях работы с большими

классами (30–35 человек). И в этом заключается профессионализм, на этом базируется ответ на вопрос, как сделать так, чтобы ребенку было интересно, — попытаться найти подход к каждому независимо от того, есть у тебя время или нет. Это, естественно, требует от учителя больше сил, больше времени на подготовку к занятиям, составление индивидуальных заданий и проверку работ. И, конечно, отношение учителя к ученикам напрямую влияет на их результаты и интерес.

То, как мы воспринимаем детей, как мы их оцениваем, серьезно сказывается на процессе обучения: дети все чувствуют, понимают, им хочется, чтобы их уважали. Причем уважали в любом возрасте, независимо от того, как они себя повели в той или иной ситуации, от того, что нам о них известно, что о них говорят родители, одноклассники, учителя.

Последние несколько лет я работаю преимущественно в старших профильных классах, в нашем лицее дети после девятого класса «перемешиваются» и уходят от своих учителей, попадают в другой коллектив. В итоге я получаю каждый раз «новый» класс: дети, которые приходят ко мне, не учились вместе, они не привыкли друг к другу, на них нет «ярлыков» (этот хороший ученик, этот плохой, этот справляется, этот нет, этот мотивированный, этот ленивый и т. д.), работа ведется «с чистого листа». И мне порой с ними проще взаимодействовать, потому что они для меня открываются заново. Даже если я что-то знал об учащемся или мне о нем что-то говорили («Вам достался очень трудный ребенок»), я стараюсь об этом забыть, не обращать внимания. В результате к каждому ученику у меня изначально есть кредит доверия и уважения. Это, мне кажется, именно то, чего многим из них не хватает. Когда дети учатся на протяжении многих лет у одного и того же учителя, они не могут выйти за рамки сформировавшегося о них представления, проявить себя как-то иначе: в них не верят, им не доверяют. А в новой ситуации многие естественным образом раскрываются, им это нравится, потому что, если они правильно выбрали профиль и почувствовали

себя увереннее в каком-то одном предмете, это может отразиться на обучении в целом по всем предметам. Вообще, **удачно найденный профиль — это гарантия успеха.** Бывают случаи, наоборот, что ребенок попадает не в свой профиль, не в свою школу, и у нас в лицее дети иногда чувствуют, что они не на своем месте, хотя вроде бы и лицей известный, и учителя хорошие, и одноклассники хорошие — все хорошо, но что-то не складывается, и, пока ребенок не возвращается туда, откуда пришел к нам, или не уходит в ту школу, где ему нравится учиться, ничего не меняется.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ДИСЦИПЛИНА

Я считаю, что дисциплина на уроках нужна, потому что, если не будет дисциплины, работать будет сложно. И к этой дисциплине детей надо приучать. Приучать не к тому, что ты стукнул кулаком по столу, и все замолчали, а к тому, что не нужно стучать кулаком по столу, что рабочая атмосфера требует взаимопонимания, взаимоуважения, умения услышать другого. А заставлять работать, все время стуча кулаком по столу, — это и раньше не срабатывало, и теперь плохо работает. Но ребенок в дисциплинарном плане может какие-то вещи не замечать, не понимать, не осознавать в силу своего возраста. Мне кажется, это абсолютно нормально, что учитель ему о них напоминает. Может быть, я изменю свою точку зрения в дальнейшем, но пока считаю, что дисциплина необходима. И стараюсь, чтобы баланс между партнерскими отношениями и дисциплиной возникал естественным образом, но для этого нужны усилия не только учителя, но и ребенка. В первую очередь пытаюсь наладить отношения непосредственно с ребенком, понять, что мешает ему начать обучаться самостоятельно; если он не может дать ответы или сам запутался, то к ситуации подключаются родители, администрация, психологи, чтобы разобраться. Могут обнаружиться разные проблемы, которые способны привести к абсолютно неожиданным и достаточно плачевным последствиям. Поэтому лучше такие вещи не упускать из виду.

Главный результат работы для меня — счастливые дети, которые приходят спустя какое-то время после выпуска и говорят: «Спасибо вам, мы благодаря школе смогли не только поступить в вуз, но и почувствовать себя в нем комфортно. Мы знаем, что готовы к обучению в институте, готовы к дальнейшей жизни. Мы понимаем, куда мы идем, кем хотим быть, мы чувствуем себя нужными, полезными, востребованными и, самое главное, нам комфортно там, где мы есть». Мне кажется, это самое приятное для учителя.

КАК ВЫБРАТЬ ШКОЛУ

Все школы разные, и каждая ориентирована на конкретный тип детей, способных работать в определенном режиме. Где-то ценятся дети, которые умеют себя раскрыть творчески, и, соответственно, они чувствуют себя комфортнее там, где им больше помогают развивать творческие способности, а где-то детям нужно, чтобы им помогали развивать исследовательские навыки. То есть все индивидуально. Поэтому сказать, что есть какая-то одна уникальная хорошая для всех школа, я не могу и пока не представляю себе, чтобы она могла существовать. Возможно, такой школой станет «Летово».

Я считаю, что у каждой школы есть свое лицо, есть свои плюсы, свои сильные стороны, и на них нужно ориентироваться при выборе. Главным должен быть, конечно же, не рейтинг школы, а то направление, тот вид деятельности, который является для нее приоритетным и подходит вашему ребенку.

Чтобы это увидеть, есть дни открытых дверей, где можно послушать выступления учителей, завучей и директоров и понять, на чем делаются акценты. Есть форумы выпускников и родителей учеников, там тоже можно почерпнуть информацию, почитать о школах или пообщаться с участниками образовательного процесса. Ну и, безусловно, никто не отменял живое общение: можно прийти в школу, пообщаться с детьми, узнать их мнение.

Чаще всего чувствуют себя комфортно дети, которые сами нашли ту или иную школу. Речь идет, конечно, о средней или старшей школе. Дети в этом возрасте вполне способны изучить существующие предложения и сказать родителям: «Я хочу туда-то». Современные дети гораздо лучше и быстрее ориентируются в интернет-пространстве и умеют составить для себя правильное представление о том или ином учебном заведении. И это показатель готовности ребенка учиться, а главное, это еще и огромное подспорье для детей, когда не их привели, а они сами пришли — они уже готовы к тому, что им будет непросто, но они хотят именно сюда. Такие дети есть и у нас в лицее, и с ними всегда интереснее.

УЧИТЕЛЬ — ЭТО ПОМОЩНИК

Моя основная задача скорее не научить: слово «научить» очень правильное для учителя, но мне ближе слово «помочь» — помочь детям справиться с теми трудностями, которые возникают у них в процессе обучения, помочь им осознать, что легко, что трудно, определиться с тем, что им интересно, а что нет. И поскольку я последние несколько лет работаю в старших классах, то я еще и помощник при поступлении в вузы. Хотя школа и выполняет определенные обязательства (дать детям возможность пройти учебную программу), в то же время мы прекрасно понимаем, что по окончании школы ребенок будет поступать в вуз, поэтому наша приоритетная задача — не только дать ему знания в соответствии с той программой, которая лежит в основе нашего предмета, но и подготовить к поступлению, чтобы наши выпускники могли продолжить обучение там, где они хотят.

К сожалению, нередко учитель занимает авторитарную позицию по отношению к ученикам — прежде всего потому, что сами ученики так воспринимают учителя: не как партнера, наставника или помощника, а как авторитетного человека, который дает указания, как надо делать, и от этих указаний нельзя отступать ни влево, ни

вправо. Но мировосприятие меняется, и мне кажется, это правильно. Следующий шаг нашего развития — к тому, чтобы не заставлять ученика учиться, а протягивать ему руку, говорить: «Давай мы тебе поможем». **В современной школе более успешным будет учитель, который умеет учить не заставляя, а мотивируя, помогая найти что-то свое, который будет прислушиваться к мнению ученика, откликаться на его просьбы и следовать его рекомендациям.** Это важный момент. Такому учителю не боятся задавать вопросы, пускай сложные, на которые, может быть, он не сразу даст ответ, но будет его искать — возможно, вместе с учениками. Все в мире меняется, все взаимодействует, и учителю занимать позицию «я точно знаю, что это так» не всегда правильно.

Абсолютно нормально признавать, что то, что когда-то казалось правильным или имеющим однозначный ответ, сейчас уже трактуется иначе.

Порой может пугать, что ты как учитель обязан знать все. Нет, не обязан: ты должен знать, как помочь детям найти ответы на сложные вопросы.

Если я чего-то не знаю, то могу сказать детям: «Мы вместе с вами найдем ответ на этот вопрос». Это будет гораздо правильнее, чем я буду стоять на своем: «Нет, это вот так, а не иначе». И авторитет при этом не подрывается, потому что **умение человека выходить из сложной ситуации еще больше укрепляет его авторитет. Учитель завоевывает уважение тем, как ведет себя с учениками, а не тем, что он постоянно говорит: это — белое, а это — черное.**

ХОРОШИЙ УЧИТЕЛЬ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК

С моей точки зрения, хороший учитель — это тот, кто будет интересен ученику, тот, кто будет понимать его особенности, учитывать желания и готовность к работе, к учебе. И, конечно же, тот, кто

будет давать ребенку возможность учиться самому, учиться в коллективе, самостоятельно исследовать какие-то области. В то же время, хороший учитель — это тот, от кого ученик получит помощь в трудных ситуациях, и тот, на кого всегда можно рассчитывать — не только в учебных ситуациях, но и в жизненных, если вдруг возникнет такая необходимость. **Мне кажется, что хороший учитель должен быть прежде всего хорошим человеком.** И вместе с тем я убежден, что понятие «хороший учитель» во многом субъективно: просто ребенку комфортнее работать с тем или иным учителем. Я привык работать в одной команде с хорошими учителями, я люблю равняться на них, люблю черпать у них что-то новое, делиться с ними чем-то новым. Очень важна готовность учителя стать образцом для других, быть наставником, быть открытым к общению и в то же время постоянно заниматься саморазвитием, потому что нет предела совершенству. Последнее условие — абсолютно необходимое для учителя. Как говорит моя коллега Ирина Васильевна Гусарова (преподаватель русского языка в лицее № 1535. — *Прим. ред.)*: «Зачем нужно фиксировать, на каких курсах повышения квалификации занимался тот или иной учитель? Ведь это его прямая обязанность. Если мы спросим любого учителя, работающего в нашем лицее, повышает ли он систематически свою квалификацию, то услышим однозначный ответ: “да”». То есть для нее это абсолютно естественно, и я разделяю ее мнение. Человек может и должен сам себя постоянно развивать.

СТАВИТЬ ЦЕЛИ И ДУМАТЬ О ЕГЭ

Вопрос успешной сдачи ЕГЭ, по крайней мере в нашем лицее, является основным, поскольку выпускники нашего лицея поступают во многие известные вузы преимущественно нашей страны, и им, конечно, необходимо иметь высокие баллы, чтобы быть конкурентоспособными. Поэтому вопрос о высоких баллах на ЕГЭ в старших классах становится первостепенным. И чем раньше ребенок

об этом задумывается, чем раньше понимает, сколько баллов ему нужно для того вуза, в который он хочет поступить, тем выше вероятность, что он сможет получить этот заветный балл. Все нужно делать своевременно и уметь ставить перед собой цели. Тот, кто может ставить цели, кто знает, как работать, чтобы их достичь, и умеет понять, какие задачи для него первостепенные, добивается большего в жизни.

Создатели и руководители гимназии «Корифей».

АЛЕКСЕЙ АЛИМОВИЧ БАБЕТОВ

Алексей Алимович Бабетов — основатель и директор гимназии, почетный работник общего образования РФ, призер I Всероссийского конкурса «Директор школы» (2010 г.), руководитель творческого коллектива — победителя конкурса на разработку концепции «Школа Сколково» (2011 г.), победитель конкурса руководителей сферы образования (2012 г.), эксперт журнала «Директор школы» (с 2011 г.), проекта «Умная школа» (Москва) с 2013 г. Сертифицированный шкипер, обладатель I дана по игре Го.

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА КАЛУЖСКАЯ

Мария Владимировна Калужская — заместитель директора гимназии по научно-методической работе, учитель обществознания, философии, логики. Обладатель сертификата «Золотой фонд российской прессы». Лауреат премии губернатора Свердловской области. Кавалер нагрудного знака «За вклад в развитие екатеринбургского образования». Почетный работник общего образования РФ. Сертифицированный коуч. Постоянный автор статей в СМИ на тему образования.

МАУГЛИ С ПЛАНШЕТОМ

М. В.: В нашем обществе появился новый тип детей, которые приходят в школу из домашнего «вакуума». В своей дошкольной жизни они практически не контактируют с другими детьми и другими взрослыми. Их лучший друг — планшет или телевизор, в зависимости от уровня достатка семей. Из-за этого возникают неожиданные эффекты, например, когда учитель на уроке в первом классе говорит: «А теперь, ребята, все открыли учебники на странице такой-то», а какой-нибудь мальчик или сразу несколько детей сидят и ничего не делают. Учитель снова повторяет то же самое, потом спрашивает о причине бойкота и получает ответ: «Я не ребята, я Виталик». То есть они не понимают слова «мы», не знают, что такое сотрудничество, не умеют что-то делать вместе и считают, что учитель, как родитель, должен общаться с ними тет-а-тет и реагировать на любой каприз. Таких детей всю начальную школу учат простым вещам, которым раньше учили в детских садах и во дворах.

Я их назвала домашними маугли, потому что они вне социума, хоть и живут дома, у них свой лес и свои волки. И поскольку их все больше и больше, учителям приходится осваивать особые технологии общения с такими детьми, они к этому совершенно не готовы, но учиться необходимо. Домашнее воспитание сузилось до границ квартиры и набора гаджетов. Семьи практически перестали жить с бабушками и дедушками, ребенка на весь вечер оставляют наедине с телевизором, телефоном или дорогими конструкторами, но все равно он как бы сам с собой... Я недавно прочитала, как американский исследователь из Массачусетского университета наблюдал за развитием своего ребенка, у него везде стояли камеры. И он выяснил, что ребенок не запоминает слов, если к нему лично не обращается другой человек, то есть, когда ребенок смотрит телевизор или играет в айпад, его речь не обогащается, не развивается. К ребенку еще в утробе матери нужно обращаться лично. Недаром нянюшки-бабушки постоянно говорили с ребенком, даже когда он

еще ничего не понимал, пели ему колыбельные, вместе читали и так далее. А современные дети-маугли еще и лишены лексического богатства, которое естественно формировалось в семейном общении. Теперь к нам приходят дети, не знающие русских сказок, не понимающие, что такое коромысло; услышав строчку Лермонтова «Люблю желтеющую ниву...», они спрашивают: «Машину, что ли?» Это не хорошо и не плохо, просто меняется культура. Когда-то устная культура сменилась письменной, сейчас снова перелом, и школе нужно научиться с этим жить и работать.

А. А.: Есть еще одна характерная черта современных детей — взрослые слишком заботятся об их безопасности, очень их опекают. Многие дети не гуляют одни на улице, хотя сейчас, возможно, стало уже более безопасно. В Японии, да и во многих других странах, дети с пяти лет могут сами ходить в школу с рюкзачком, общество их оберегает и заботится о них, им всегда помогут, покажут, это определенный градус социального доверия. У нас он низкий. Кроме того, дети как бы изолированы от реальных отношений, они все время в искусственной среде.

М. В.: Еще один признак сегодняшнего времени — всплеск родительских полномочий. Теперь у родителей много прав, и возникла асимметрия, потому что у школы как раз никаких прав нет, только обязательства. Это приводит к тому, что и учитель фактически бесправен. Появилось особое поколение детей, которых дома опекают, в школе им ничего сказать не могут, и они растут вообще без этических норм. Учитель ребенку что-то говорит, а тот просто не понимает, о чем идет речь, он вырос в другом, «Я-центрированном», мире. У него жизнь как симулятор: очень много информации, куча видео, игр, фильмов... Даже если дети собираются где-то вместе, то привозят их туда родители: в боулинг, клуб, лазертаг... Родители организуют для школьников развлечения, дети ничего не решают — не занимают себя сами, не принимают решений, даже в отношении своего досуга или выбора друзей. Ребенок просто не может встать и поехать к другу, который живет через три остановки, если его не отвезут на машине или еще как-то не

сопроводят, зато они с этим другом могут общаться весь вечер по сети. Но это все равно псевдообщение. **Для детей этого поколения важными становятся не реальные отношения со сверстниками, а отношения в сетевом сообществе.**

Сбербанк сделал интересное исследование на тему самых ярких качеств современной молодежи. Раньше главными авторитетами для детей были взрослые, затем ровесники, а теперь — сетевое сообщество. Некоторые ребята, не нашедшие друзей в своем классе, уходят в сетевые группы, им там хорошо и комфортно, и для них мнение этого сообщества важнее, чем живое мнение окружающих. Учитель может только делать все от него зависящее, чтобы вытащить детей в настоящую жизнь: устраивать для маленьких игры, путешествия, интересные встречи, для старших — стажировки, образовательные поездки, волонтерские проекты. Просто включать в их жизнь как можно больше событий, создавать возможность живого контакта, причем не только внутри школы, но и за ее стенами, — побуждать выходить наружу, устраивать поработать на каникулах, ездить куда-то вместе, ходить помогать в дом престарелых или в детский дом — все что угодно.

Конечно, у педагогов не хватает на это времени, тем не менее лучшие учителя сейчас именно этим и занимаются. И лучшие школы сегодня — это школы событийные. Наша школа ближе к событийной, менее академичная, но при этом мы, конечно, ни в коем случае не упускаем из виду планку результатов. «Корифей» — небольшая школа: 560 учеников — и много педагогов, мы можем объединять эти задачи. Но у нас разные дети, мы не академическая «школа-пылесос», которая затягивает в себя лучших учеников, а потом ей практически ничего не надо делать, просто не мешать детям учиться. Есть школы, которые принимают разных детей, а выпускают всех выросшими по отношению к самим себе. И если, допустим, школа берет ребенка, который еле говорит по-русски, а он потом сдает ЕГЭ по русскому на четверку, то это прекрасный результат — хотя понятно, что по сравнению с топовой школой он скромный.

КАК НАУЧИТЬ УЧИТЬСЯ?

А. А.: Мне нравится мысль из книги Галины Цукерман «Оценка без отметки». Она пишет, что обычно учителя и школа говорят: «Мы научим вас учиться», «Мы учимся для того, чтобы научиться учиться», — это изысканный тезис, который всем нравится и все его повторяют, но когда встает вопрос о том, а что значит «научить учиться» и как этого добиться, то ответа нет. Как научить учиться — волшебной палочкой? Вы можете перечислить конкретные навыки, их много, но ни один не будет полностью описывать это умение.

А вот Галина Цукерман дала очень, мне кажется, емкий ответ — он кажется простым, но потом разворачивается в систему, чем и прекрасен. **В основе умения учиться лежит адекватная самооценка человека — умение различать границу между тем, что он знает, и тем, чего не знает, может и не может, умеет или не умеет. И когда я (ученик) эту границу вижу и могу сформулировать шаги, я могу шагнуть в незнаемое.** Школа как раз и должна заниматься коллективной работой в этом направлении, и заменить ее практически нечем. Домашнее обучение не решает этой задачи, потому что обязательно нужен коллектив, общее место, чтобы все время оттачивать эту границу, этот навык, выстраивая отношения с другими людьми, чтобы ребенок понимал, что он может сам, в чем его уникальность и так далее. Эти фундаментальные вещи школа дает — конечно, где-то лучше, где-то хуже, но так или иначе человек в школе эти навыки получает. В этом, наверное, и есть социализация через школу, которой не происходит на домашнем обучении.

ХОРОШАЯ ШКОЛА — КАКАЯ ОНА?

А. А.: Ингредиент хорошей школы — это, во-первых, событийность. Школа обеспечивает интересную живую среду, которая, кстати, для всех развивающая — и для учеников, и для учителей, и для

родителей. Тут важно не играть в одни ворота, когда изможденные учителя делают что-нибудь веселенькое для учеников, а вместе делать то, что развивает, нравится и доставляет всем удовольствие.

Хорошая школа непременно учит сплоченности — это сейчас очень актуальная тема. Если учителя и школа в целом могут создавать какие-то сплоченные сообщества (учеников, родителей), то это очень хорошо. Школа должна давать опыт реальных совместных дел.

Еще одно важное свойство хорошей школы — она учит детей тому, что мир пластичен, что он не застывшая штука, в которую надо встроиться, как винтик, — нет, вы, дети, можете в этом мире что-то делать, изменять, вы можете его формировать, находиться в активной жизненной позиции. Это достигается очень просто: мнение ребенка ценно, инициативы детей поддерживаются, их дела подхватываются. Очень многие взрослые боятся что-то начать делать: «Ну, это запретят, это не разрешат, здесь не помогут...» «Почему вы этого не попросили?» — «Они мне откажут, не сделают...» В жизни так себя ведет большинство людей, особенно получивших негативный опыт. Но ведь, как в свое время говорил Тесла, 999 неудач ведут к одному открытию. Поэтому надо воспитывать в ребенке веру в то, что можно что-то сделать, если сконцентрироваться, объединить усилия, четко поставить задачу. В школе это должно прорабатываться не только на уровне двоек-пятерок, побед в олимпиадах или, наоборот, проигрышей спортивной команды. Школа может давать ребенку возможность пробовать разное, а лет с 12-13 — возможность выбирать себе виды деятельности, сроки освоения предметов, занятия, формы активности, в которых он участвует. В офисах крупных компаний висят заповеди: «В мире большинство открытий еще не совершено». Чтобы у ребенка не возникало ощущения, что знаний уже перебор, все давно изобретено, надо дать ему почувствовать себя творцом, а на школьных стенах писать, что мир полон открытий.

Однажды мы ездили в Сингапур знакомиться с местным образованием. У них очень интересная система, для нас необычная. Мы не задумываемся, почему, скажем, наш детский сад такой, принимая это как данность, а российский формат детского сада — суперисключение, уникальное явление. В Сингапуре полторы тысячи детских садов, практически все частные и абсолютно разные. Полторы тысячи разных программ, интерьеров, режимов! У нас зайдешь в сто садов и будешь видеть примерно одно и то же. Это однообразие сохранилось у нас еще с XIX — начала XX века.

А в Сингапуре меня поразил один детский сад, который я считаю «правильным»: очень простой на вид, с небольшими комнатами, примерно по 25–30 квадратных метров, куда дети приходят в две или в три смены и там занимаются, у них разные креативные программы. Каждая группа занимается каким-то своим направлением: одна делает что-то из пуговичек, две недели или месяц подряд, и чего они только из этих пуговиц не делают... Потом у ребенка появляется индивидуальный «пуговичный» проект, за ним коллективный проект, потом мероприятия, выставки, обмен опытом, они ходят друг к другу, изучают. Другая группа что-то делает из катушек, третья из пластиковых стаканчиков... **И эта концепция пластичности мира мне очень нравится, она технологично реализована с детского сада: все, что тебя окружает, всякий, условно говоря, мусор можно превратить во что-то интересное, сделать из него культурный объект. Безграничная фантазия позволяет делать что угодно из всего.**

М.В.: Хорошая школа создает гибкую, интересную, подвижную внутреннюю среду, где дети могут, например, сами по-разному поставить парты. Школа — это живой конструктор, где все меняется. И даже когда она спроектирована абсолютно кондовым образом, сделана по стандартному проекту, все равно с этим можно работать, и хорошие школы успешно пытаются это делать.

Есть еще два признака хорошей школы. Первый — медийность. Современная школа умеет продвигать себя, говорить о себе, имеет свой сайт, сетевые каналы информирования и продвижения. Есть

школы, у которых очень скромные сайты, но они, допустим, активно взаимодействуют с аудиторией через сетевые сообщества школы, педагогов, проектных команд, через личные сайты или блоги учителей. Формы могут быть разные, но медийность очень важна. Когда к нам приезжают гости — посетители сайта нашей школы, они долго смотрят на здание и говорят: «Мы-то думали, что вы огромные, а вы...» То есть мы сумели так заявить о себе, что это буквально увеличило наш масштаб, хотя, если подходить к нам с московскими мерками, мы крошечная школа на окраине Екатеринбурга.

И второе — школа должна выходить за свои пределы. Школа — это не только учебный год, но и всевозможные интересные программы, проекты, каникулярные школы.

В настоящей школе нет каникул и выходных, нет понятий «учебная» и «внеучебная» деятельность, потому что люди максимально заинтересованы в событийности и в образовательном эффекте, а лучший образовательный эффект — это когда после окончания учебного года заинтересованные, мотивированные дети охотно собираются на разные интересные программы.

А. А.: Я добавлю еще один элемент: школа должна быть молодой по духу. Тогда она будет ближе к детям. И это не связано с реальным возрастом школы. Ведь есть люди старшего возраста, умеющие говорить с детьми на их языке и вдохновлять их, что-то делать вместе с ними, делиться молодой энергией, а кто-то брюзжит уже и в 25, и в 30. Молодость — это вопрос не возраста, а отношения к жизни.

Итак, хорошей школой у нас получилась событийная, пластичная, открытая и энергичная школа. И конечно, развернутая «передом» к каждому ребенку и каждой семье. А «задом», извините, — к системе бюрократического прессинга, бесконечного мелочного учета и застывших стандартизированных оценок. Хотя повертеться, конечно, все равно придется.

Один из основателей и долгое время директор прогимназии №1733 — ныне начальной ступени гимназии №1514. Руководитель организационно-инфраструктурного направления Центра разработки образовательных систем «Умная школа».

ЕЛЕНА ВЯЧЕСЛАВОВНА ГУСЕВА

ЧТО МОЖЕТ И ЧЕГО НЕ МОЖЕТ СЕМЬЯ

Сегодня в школе есть серьезная проблема, связанная с тем, что предметное обучение требует от детей освоения такого объема информации, который очень трудно освоить качественно. И школа предпринимает разного рода усилия по обновлению содержания и внедрению новых технологий обучения. Усугубляется проблема тем, что именно такое обучение — с освоением максимального количества информации — востребовано родителями. Из-за отсутствия доверия и доброжелательности в коммуникации, родители часто находятся в неведении относительно причин и содержания изменений, происходящих в школе. При этом у родителей есть хорошо им понятные, но сформированные когда-то давно представления о том, как должна быть устроена школа и чему она должна учить. **Если бы диалог школы с родителями был налажен, такого родительского сопротивления изменениям не возникало бы. А сейчас оно есть, родители настаивают — учите наших детей так, как учили когда-то нас. Увы, таков лейтмотив действий многих сегодняшних родителей, настаивающих на старых традициях, несмотря на то что образование, которое сегодня получают их дети, должно быть нацелено в будущее, а не в прошлое, служить ученикам, мотивировать их к развитию, а не истощать и отяжелять.**

Недавно представитель «Умной школы» побывал на мероприятии, где собирались родители и работники образования для обсуждения альтернативы государственной школе. Нам было важно понять, чего же хотят родители, которые не принимают сегодняшнюю государственную школу, не удовлетворены ею. Финал конференции нас удивил: оказалось, что недовольные родители хотят того же, что и государственная школа, только другими средствами и другой ценой. Что на самом деле **образ результата школьного обучения в представлении как большинства родителей, так и большинства школ — одинаковый: это объем знаний, соответствующий тому, что спрашивают на выходе из школы. Это**

качественно сданный ЕГЭ, потому что он обеспечивает поступление ребенка в вуз и гарантирует продолжение образования в выбранном направлении.

Когда я работала директором прогимназии, ко мне тоже приходили родители, которые говорили: «Не надо ни воспитывать, ни социализировать наших детей, мы сами все это сделаем, дайте им знания». Но мне кажется, что ресурсов только семьи для того, чтобы ребенок мог качественно жить и достигать своих целей, недостаточно. Почему? **Ребенок должен научиться взаимодействовать с другими для достижения совместного результата.** У нас в семьях один-два, максимум три ребенка, и не каждая семья может увлечь даже этих троих детей одновременно полезной для них всех задачей, поставить им общие цели. Для этого родителям надо обладать определенными компетенциями, а я не думаю, что все родители ими обладают.

Семья может дать любовь, семья очень сильно влияет на личностные результаты развития ребенка, на то, какой он станет личностью, а сделать так, чтобы ребенок овладел значительной частью предметных, метапредметных, коммуникативных компетенций и социальных навыков — это все-таки задача школы.

Семья обеспечивает некий общий стиль жизни для своих детей. А школа может обеспечить разнообразие этих стилей для того, чтобы ребенок знакомился и учился взаимодействовать с разными людьми, с людьми из разных социальных групп, с разным личным и жизненным опытом.

В последние годы, когда я работала в школе, Московский центр качества образования[1] ввел диагностику для детей, которые пришли в первый класс. И эта диагностика на протяжении двух или трех

[1] Московский центр качества образования — государственное учреждение дополнительного профессионального образования (учредитель — Департамент образования г. Москвы), деятельность которого направлена на формирование региональной системы оценки качества образования.

лет, которые я застала, показывала всегда одно и то же: что в школу, особенно в нашу, 1514, приходят гораздо более интеллектуально развитые дети, чем несколько лет назад, но у них снижен и не соответствует возрастным возможностям уровень социально-личностного развития. Первоклассники не умеют устанавливать контакт с другими детьми и учителями, не умеют взаимодействовать с ними, не понимают, как позиционировать и вести себя в группе, даже не пытаются управлять своими эмоциями и своим поведением в социуме, не умеют проигрывать, не умеют выигрывать — так, как это делали их сверстники еще несколько лет назад. И это сейчас общая беда. Я однозначно считаю, что это плохо и что семье этому надо уделять внимание до того, как ребенок пошел в школу. Все-таки школа — это этап, когда от ребенка уже требуются некоторые умения по взаимодействию, и они должны быть сформированы раньше. А теперь школа, которая прежде не занималась базовым формированием этих навыков, вынуждена ими заниматься, компенсируя весьма специфические пробелы в семейном или дошкольном воспитании сокращением времени, отведенного на освоение учебных программ.

ДОВЕРИЯ НЕТ

Главная проблема в отношениях между родителями и школой сегодня — разрушено доверие. Сегодня родитель приводит ребенка в сад и говорит воспитателю не: «Здравствуйте, мы сегодня прекрасно выспались, у нас высокая активность», а: «Так, посмотрите при мне — ни одного синяка, видите? Если вечером я получу ребенка с синяком, вы закончите день в прокуратуре». И в школе приблизительно так же.

Но для нормального ребенка, познающего мир, активно двигающегося и взаимодействующего с окружающим пространством и другими детьми, синяки — обычное дело. А если школе и детскому саду поставить главной задачей — обеспечить отсутствие синяков (сохранность здоровья важна, поймите меня правильно,

но всему должна быть мера), тогда учитель или воспитатель просто обложит ребенка ватой и положит на кровать для сохранности, и этому ребенку в саду и школе ничего делать не дадут.

Почему сегодня в детских садах воспитатели предпочитают, чтобы все дети сидели и смотрели мультики вместо того, чтобы свободно играть? Да потому, что это самое безопасное дело: сидят себе и смотрят на экран. А если они начнут играть, как-то иначе взаимодействовать с другими детьми, они могут столкнуться, пораниться, получить пресловутый синяк — ведь дети учатся двигаться и координировать себя в ограниченном пространстве. Поэтому **очень важно доверие родителя к тому профессионалу — учителю или воспитателю, — к которому он приводит своего ребенка. Мне кажется, что это важнее всего. А оно сегодня разрушено.**

Еще одно наблюдение: посмотрите на родителей в классе — они никак не могут между собой договориться, надо ли устроить детям общий праздник, стоит ли приносить сладкое угощение в день рождения, заказывать ли автобус для поездки в музей или поехать на общественном транспорте... **Но если родители не могут договориться, то мы никогда не научим договариваться детей.** Нужно, чтобы родители понимали: хотите, чтобы ребенок хорошо овладел новыми для себя социальными компетенциями — постарайтесь владеть ими сами. Без этого, чего бы ни делали учитель и школа, мало что получится.

Безопасность — это моя сегодняшняя боль, потому что я понимаю, что все, что обеспечивает ребенку развитие, несет достаточно большие риски для его здоровья, и найти баланс очень сложно. Он может быть найден, но только при взаимном доверии, когда родитель понимает, что педагогический работник сделает все, чтобы уберечь его ребенка от травм, но все же полезно иногда дать ребенку определенную степень свободы для того, чтобы он самостоятельно произвел какие-то действия, может быть, рискованные, но научающие.

Сегодня об этом говорят педагоги во всех странах мира — пока на уровне закона жестко прописано, что учитель или воспитатель

ответственен за жизнь и здоровье детей, педагог будет стремиться как можно лучше исполнить это требование и буквально «обложить детей ватой». Или будет действовать на свой страх и риск, а это очень трудно. И об этом надо думать и договариваться взрослым, в первую очередь, потому что у нас все СанПиНы, инструкции, правила, по которым сегодня живет школа, содержат избыточные требования к безопасности, которые нивелируют многие образовательные возможности школы, на мой взгляд.

КАК ВЫБРАТЬ НАЧАЛЬНУЮ ШКОЛУ

Выбирая, в какую школу отправить ребенка в первый класс, я бы смотрела, наверное, на следующие позиции.

Первое — это среда школы. Вы входите в здание, и вы должны понять: эти помещения, это пространство, что будет окружать вашего ребенка, будет ли это все ему хоть как-то принадлежать, сможет ли он в нем найти свое место, вкладываться в него, изменять, подстраивать под себя? В нашей школе посетителей встречали на входе стеллажи с детскими творческими работами. И первое, что делали новые дети, когда приходили к нам знакомиться, — они шли к этим работам, рассматривали их, им было интересно, они понимали, что это делают такие же дети, как они сами, может, на год-другой старше, и что они тоже смогут сделать подобные работы и их выставить, показать друзьям, родителям. Когда ребенок попадал к нам в школу, он видел: это место, которое может меня поддержать, предъявить меня миру со всеми моими талантами и способностями, со всеми моими лучшими качествами. И это только один из способов для ребенка подстроить школу под себя, почувствовать себя в ней немножко хозяином, признать вторым домом. А в большинстве школ у нас на входе — гимн России, флаг и портрет президента, безоговорочно утверждающие, что в этой школе хозяин не ребенок, а государство. Безусловно, государственной символике должно быть отведено подобающее ей торжественное место, но

встречать ребенка школа должна по-другому — яркими фотоотчетами о поездках, экскурсиях, рассказом о том, как какой-то класс побывал в музее, трансляцией видеозаписей школьных концертов и других мероприятий — иллюстрированным рассказом о том, как и чем сегодня живет эта школа.

Родителям стоит подумать, насколько школьная среда дружелюбна к ребенку, насколько она ему комфортна. Есть ли, куда ученику присесть вне класса, где поговорить с другом, почитать в тишине? Или в этой школе пустые коридоры-стрелы, по которым можно только бегать или перемещаться из кабинета в кабинет, желательно парами или строем, под руководством учителя? Если в рекреации есть мягкая мебель, возможно, удобное кресло-мешок, на котором можно поваляться и отдохнуть, или невысокий столик для творчества или совместной работы, на дверях кабинетов висят фотографии классов, которые в них учатся-живут, а стены заполнены детскими работами — это однозначно среда, дружелюбная ребенку и привлекательная для него.

Второе — я бы обращала внимание на то, как стоит ученическая мебель в классах. Если во всех кабинетах это фронтальные ряды парт, я бы не выбрала такую школу. А если в одном кабинете парты стоят фронтально, в другом — группами, в третьем — по кругу, в четвертом вообще есть только стулья, а парт нет, — я поняла бы, что в этой школе используются разные формы работы с детьми. Для меня это был бы очень хороший показатель, потому что он говорил бы мне о разнообразии видов деятельности, предлагаемой в этой школе детям, а заодно и о том, что позиция учителя в ней не однозначна. Нет такого, что только учитель стоит у доски, во главе класса, активно вещает, управляет, манипулирует и самореализуется, а дети-исполнители внимают учителю, отвечают на его вопросы, читают учебник или выполняют упражнение в тетради — поскольку, если парты стоят фронтально, мало что другого можно сделать в таком классе. А если в расстановке мебели в кабинетах есть разнообразие, значит, и учителя здесь взаимодействуют с учениками по-разному. Значит, дети могут работать в группах,

парами, могут сделать что-то индивидуально и так далее. В 57-й школе всегда это прекрасно работало. Идешь по коридору во время урока и видишь — пара столов стоит в рекреации, здесь, не в кабинете, сидят двое учеников, над чем-то усиленно работают. Кабинет открыт нараспашку, учитель их видит, но дети работают сами. Один — на полу, строчит самостоятельно в тетрадке — видимо, ему надо быть одному в процессе решения задачи. Другой присел за стол и сосредоточенно читает в тишине. А в кабинете шумно: учитель с детьми активно что-то обсуждают. Здесь в процессе занятия учтены индивидуальные потребности детей. Если ученик заскучает при фронтальной работе, то сможет проявить себя в групповой или в индивидуальной. Поэтому расстановка парт может многое рассказать родителю про систему обучения в школе.

Третье — я бы обязательно посмотрела расписание. Если оно составлено по старинке — четыре-пять-шесть уроков подряд, это одно. А мне, например, представляется очень важным, чтобы «началка» имела время для прогулок в течение учебного дня или хотя бы один-два урока в день проводила вне кабинета и здания школы. Если бы я сейчас могла составлять расписание, я бы делала так: два урока отучились — прогулка, два урока отучились — следующий урок на улице. И так до пятого класса. И пусть дети будут заканчивать учебный день не в 13:15, а, например, в 14:45, пользы от этого им будет гораздо больше! Или, если это экскурсия, как у нас часто бывало в утренние часы, я бы требовала, чтобы дети не просто ехали в автобусе, играя и общаясь, а чтобы они при этом что-то узнавали, чтобы была образовательная задача для каждого этапа выезда ребенка в музей. В автобусе можно сделать много всего. А сейчас, поскольку запретили возить маленьких на метро, они сидят в автобусах и бездельничают. С одной стороны, это, конечно, удобно для учителя — посадил детей в автобус и отдыхай, но, с другой — это учебное время, и оно должно расходоваться на учебу. И я бы сейчас задумалась об уроках вне школы, потому что каждое действие такой экскурсии может иметь серьезный образовательный потенциал, причем по разным предметам.

Я недавно побывала в Эстонии, они молодцы — хорошо совмещают советскую систему образования с новым опытом, который привнесли европейцы, и они очень увлеклись этой темой — урок вне школы. Если у них учитель начальных классов организует экскурсию, а в расписании стоит естествознание или английский язык, то предметники разрабатывают специальные задания по своим предметам, чтобы дети во время выезда из школы могли эти задания выполнять. Так уроки не пропадают — они происходят, только в другой форме и гораздо более насыщенные и результативные, чем те, к которым мы привыкли. Поэтому мне взглянуть на расписание было бы очень интересно. Если бы я видела, что оно составлено, как в моем детстве, как 40 лет назад, мне это было бы скучно, для меня это был бы минус.

Еще один важный момент при выборе начальной школы — это система оценивания. Я бы обязательно посмотрела, как школа аттестует детей, как она оценивает результаты, которых достиг ребенок. Непременно стоит прочитать Положение о промежуточной аттестации — локальный акт школы, который обязан присутствовать на ее сайте, и в котором написано, когда и как будет оцениваться учебная деятельность ребенка, какие отметки и за что будет выставлять ему учитель. Если это единственно и безвариантно пятибалльная система — мне было бы неинтересно отдавать ребенка в такую школу. Всем известно единственное преимущество такой системы — система эта традиционна и понятна как ученикам, так и родителям. Но минусов у привычных всем двоек, троек и пятерок гораздо больше: примерность в оценивании результата, использование учителями двойки в качестве «кнута», а четверки и пятерки как «пряника», при этом настоящий прогресс ученика отметить невозможно: делал в диктанте 30 ошибок — получал «2», допустил 10 ошибок — все равно «2», что сильно снижает мотивацию школьников. А кто забудет клеймо, которым традиционно припечатывали в школе, а часто и на всю жизнь: этот троечник, этот двоечник, а этот хорошист или отличник? И не важно, что двоечник — первый в классе по физкультуре,

троечник — невероятно талантлив в танцах и пении, а отличник — послушный исполнитель, но там, где идею нужно подать, — «ноль без палочки». Именно поэтому я отдала бы предпочтение школе, которая ищет другие, более гибкие системы для оценивания достижений ребенка. Вот, например, если бы я увидела зачетную систему по одним предметам, а пятибалльную — по другим, или безотметочную не только для первого класса, но и для всей начальной школы — это было бы прекрасно. Потому что я убеждена: в начальной школе любая отметка вредит, создает лишнее соперничество и оказывает психологическое давление больше, чем помогает, мотивирует и стимулирует. У нас в 1733 два первых класса были без отметок, а в третьем и четвертом мы вынуждены были ставить их только потому, что должны были подготовить детей к гимназии, к кнуту под названием «двойка» и так далее. Это была вынужденная мера. А я бы, несомненно, ввела во всей «началке» безотметочное обучение. Дети прекрасно учатся без отметок. А оценивание может быть критериальным. Я наблюдала, например, как блестящий учитель Ольга Анатольевна Самошкина на уроках сама разрабатывает с детьми критерии оценки. Что они вытворяют с первоклассниками, как изобретают эти критерии, по которым можно оценивать ту или иную работу, свой рисунок или рисунок друга, работу по математике или какой-нибудь диктант! Они придумывают тысячу и один критерий, по которым можно оценить работу. Более того, они не просто называют эти критерии — они потом начинают думать над тем, какие критерии действительно значимы при выполнении именно этой работы, а какие являются косвенными, побочными, по каким можно оценивать, а какие важны для достижения какой-то цели. И это первый класс! Им совершенно не нужны эти пятерки и четверки. Работа оценивается критериально, и ребенок понимает, соответствует она этому критерию или нет. Так что система оценивания для меня очень важна.

Мне очень нравится, когда школы вводят баллы, которые ребенок зарабатывает. И назначается общая сумма баллов, которую ребенок должен набрать для того, чтобы зафиксировать, что он

добился запланированного образовательного результата. Пусть он получает эти баллы как зарплату, почему нет? Мне это кажется гораздо более интересным, актуальным и справедливым, нежели все эти наши пятерки и тройки.

И, естественно, я бы постаралась понять, есть ли в школе атмосфера доверия, какой стиль взаимодействия в ней: как встречает директор посетителей, как разговаривает с родителями, учителями, школьниками, как встречает вас учитель, довлеет ли он, не довлеет, предъявляет себя партнером или авторитарным лидером. Мне кажется, что стиль взаимодействия важнее, чем конкретный человек с его умениями.

Учитель физкультуры в Хорошевской гимназии. Автор методики, предполагающей целостный подход к физкультуре как к средству развития ума и способности полноценно общаться. Автор методических пособий и книг «Физкультура про другое», «Физкультурные комплексы, растущие вместе с детьми», «Шпаргалки по зверобатике».

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ РЕУТСКИЙ

РУХНУЛА ДВОРОВАЯ СРЕДА

Образование существовало всегда, его традиции складывались постепенно и сохранялись долгие годы, но при этом жизнь менялась достаточно медленно, и образование за ней худо-бедно поспевало. Вдруг жизнь резко изменилась, и образование «зависло».

Я начал работать учителем в последнюю четверть прошлого века и всегда внимательно наблюдал за ребятами. В восемьдесят каком-то году я вдруг заметил, что девочки старших классов перестали прыгать через скакалку. До этого все время прыгали и вдруг в тот год перестали, больше уже старшие девочки не прыгали. Я стал думать, почему это произошло.

Раньше все общеучебные способности — и социальные, и творческие — развивались до школы, и не в секциях, не в развивающих группах, а во дворах — детской разновозрастной игровой среде. Поэтому детей, которые приходили в школу, социализировать было не нужно, и учить их осмысленно рисковать тоже было не нужно, потому что в их жизни этот опыт уже был до школы. То, чем занимались во дворах, этому способствовало — и физической подготовке, и умению учиться, — ребята притаскивали во двор самые разные игры, друг у друга учились с ними управляться; ходили с родителями в походы, умели сами поймать рыбу и приготовить ее. И человек приходил в школу подготовленный — нужно было только создать соответствующую образовательную среду под школьные задачи, и все было хорошо.

Огромный вопрос — почему погибла эта дворовая среда? Я долго думал про этих девочек, которые перестали прыгать через скакалку, и нашел только две причины, которые могли бы, на мой взгляд, на это повлиять: увеличение количества телевизионных программ и появление дискотек. (Ощущение, что детям одним выходить во двор опасно, пришло позже.) Когда эта среда рухнула, у детей упала общая умелость, а также физическая и психологическая подготовка — мы потеряли то, что сейчас можно было бы назвать социальным умением общаться. У нас же дворы были враждебные, мы на соседнюю улицу ходили, как на войну. Мы или

собирались кучей, или пытались прошмыгнуть, чтобы нас не застали, или нам надо было выпутываться из ситуации общения, когда противники нас ловили в этих дворах и спрашивали: «Чего ты к нам пришел, чужак?» И это был опыт. А когда его не стало, возникли две тенденции безопасности, которые сейчас преобладают (из-за чего, в частности, умирает школьная гимнастика): упал ребенок с каната — все, теперь лазать в школах не будем, и вторая — если у ребенка в принципе нет сил, то какая перекладина, какие брусья?

Но чем больше мы ограничиваем детей, тем сильнее уменьшаются их возможности. Пока ребенок со мной, с ним ничего не происходит, но я отвечаю только за это. Я не отвечаю за то, что будет, когда он выйдет из этого пространства, за его будущую жизнь, за запросы, армию, семейную жизнь. Для меня сейчас главное, чтобы здесь с ним ничего не случилось. В результате, как только он выходит за пределы моей ответственности, он попадает в очень серьезную опасность — ситуацию, которую не знает и не понимает. И чем больше мы ограничиваем ребенка, тем, соответственно, опаснее для него становится жизнь, потому что у него нет никакого опыта разрешения ни социальных, ни физических, ни интеллектуальных затруднений. Самый обычный несданный экзамен может стать трагедией — ведь у человека до этого не было никаких испытаний в жизни, не было таких сильных стрессовых ситуаций.

РУХНУЛ ТРАДИЦИОННЫЙ УКЛАД

Есть еще проблема в современной семье. Традиционная семья была большая: много детей, много родственников, и в этой команде обязательно находился человек с педагогическими способностями, который занимался детьми. У моих родственников в деревне был один мой дядька — пьяница, никудышный человек, но он любил играть с детьми. Он был таким педагогическим гвоздем, на котором висли все дети и получали от него что-то важное. В городе мы жили в коммунальных квартирах, хорошо, мирно жили, почти ко всем могли

заходить. У большинства были дети. Были те, кто жил особняком, — их детей водили за ручку в музыкальную школу, и мы с недоумением относились к этому. Были старшие ребята, тоже, видимо, с педагогическими способностями, с желанием что-то отдавать, они устраивали какие-то игры, занятия, к которым подключались младшие. Потом возникли отдельные квартиры, но мы еще жили этажами, половина этажа дружила, ходили друг к другу в гости. Еще был двор, куда все выходили. А потом стали строить отдельные дома без дворов, без того замкнутого пространства, где раньше создавалась игровая и социально-психологическая среда. Между новыми домами гуляли сквозняки, и постепенно эти сквозняки выдули из дворов народ.

Дворовая среда была разновозрастной, там легко было учиться и находить учителей — примыкали к тем командам, которые нравились. Но исчезла сама структура закрытых дворов — и мы, заботясь о безопасности детей, не выпускаем их в нынешние дворы, открытые и опасные.

Ситуация поменялась — и мы получили школу, где надо искусственно создавать условия для того, что раньше происходило само собой. Конечно, если в чем-то наблюдается провал, то где-то же это должно восстанавливаться, воссоздаваться. Но, во-первых, раньше лазать по подвалам, чердакам и стройкам ничего не стоило, а сделать в школе правильно оборудованный зал для лазания — стоит очень даже дорого. Во-вторых, общество еще не осознало этой потери. Но я уверен в том, что естественные игровые условия необходимы, и я сказал об этом на одной из конференций, где говорили о физическом развитии детей: «Если мы не восстановим игровую среду, хотя бы отчасти, мы не решим проблему физического воспитания».

ФИЗКУЛЬТУРА КАК ГЛАВНЫЙ УРОК ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ВАЖНЕЙШИМ ЖИЗНЕННЫМ НАВЫКАМ

Раньше в школу приходили дети примерно одного уровня знаний и навыков. У всех была общая игровая среда, развивавшая

способности детей примерно одинаково — понятно, что у всех они разные, но процесс развития шел схоже. При этом двигательные и интеллектуальные навыки разделять нельзя. Как мне говорили психологи — хотя, может, очередное открытие все это перечеркнет, — до 12 лет мозг развивается одинаково при решении и двигательных, и интеллектуальных задач. После 12 лет в развитии мозга интеллектуальные задачи выходят на первое место. А чем дети младше, тем им интереснее решать двигательные задачи. Поэтому на уроках физкультуры мы обучаем движению в задачном режиме и с линиями усложнения. При этом совершенно неважно, чем мы будем заниматься — футболом, баскетболом, легкой атлетикой или боевыми искусствами. Например, умение мобилизоваться в стрессовых ситуациях можно воспитывать через попытки взрослого ткнуть в ребенка длинным предметом, так что ребенок должен уворачиваться. Сначала это делается мягкой палкой, медленно и по определенным правилам. Когда у ребенка хорошо получается, берем полужесткую. Получается — берем жесткую. Когда он и с этой освоился, берем железный прут. Ну и наконец, когда все в порядке с прутом, берем саблю. И в дальнейшем для этого ребенка стрессовая ситуация уже будет не риском, а мобилизующим фактором. Можно играть в футбол сначала на поле с дисками, на которые нельзя наступать, потом на битом стекле или колючей проволоке... И тогда вам важен не только результат игры, и цель — не только забить в ворота. Например, у знакомых в лагере был футбол с живыми воротами: ворота постоянно бегают, а команда должна подстраиваться. Мы играем в более простом варианте — когда ворот четверо, и они то местами меняются, то надо попасть в эти, то в те, или только что это были ваши ворота, теперь стали нашими — то есть решаем задачи на внимательность, память, быстрое переключение и нахождение стратегии.

В традиционной школьной физкультуре все направлено на достижение спортивных результатов. А урок физкультуры можно сделать современным, отвечающим нынешним педагогическим задачам, обучающим нужным сегодня компетенциям.

Допустим, урок подвижных игр. Все мы их знаем и давно используем на уроках. Но жизнь сейчас меняется быстро, намного быстрее, чем раньше. И одна из задач, которую надо решать, — научить детей быстро приспосабливаться к разным условиям игры. Поэтому у нас на уроках происходит быстрая смена игр — одна, вторая, третья, — и дети должны легко переключаться и осваивать новые правила. У нас теперь есть такое название «Три игры, шесть правил»: одновременно идут три игры, по команде они меняются, причем они могут и внутри команд меняться, и к этим играм мы еще добавляем шесть правил — например, если появляется Баба Яга, нужно спрятаться, если Змей Горыныч — еще что-то нужно сделать, если Дед Мороз — хоровод водить. Поэтому дети вынуждены быстро переключаться с одного на другого. Кроме этого, мы учим детей держать в поле зрения много объектов. Допустим, они играют в салочки, и площадка постепенно уменьшается — это один из вариантов. Еще у нас есть парные салочки, когда ты должен одновременно учитывать и то, что у тебя цель есть кого-то догнать, и то, чтобы ни с кем не столкнуться.

У нас есть линия усложнения — все игры, где надо осалить, могут быть усложнены, могут трансформироваться. Допустим, в салочки можно играть руками, а можно мячиками. У нас есть мягкие палки, потому что рукой можно сильно ударить, а мягкими палками полегче. Далее, можно ввести условие, чтобы салить можно было только в определенное место. Или, допустим, мы меняемся местами только после трех касаний, или играем в традиционные салки-ножки-на-весу, в салки-мультики-кино... Эта игра должна иметь возможность усложняться в разные стороны: в сторону социального взаимодействия, физической нагрузки, выносливости, а может, в сторону внимательности — например, салки на минном поле, когда по полу разложены диски, на которые нельзя наступать, а рядом еще стоят столбики, которые нельзя сшибать, но за которые можно прятаться. Задача — сделать игру бесконечной и трансформировать правила под задачи. Причем это можно сделать для любых задач. Допустим, задача

на социальное взаимодействие: двое берутся за одну палочку и бегают за третьим или за другой парой, или играют тройка на тройку, четверка на четверку, взявшись за руки, и должны осалить соперников. Варьируя таким образом правила, мы можем решать самые разные задачи.

«ЧЕМ ВАС СЕГОДНЯ ПОРАДОВАЛИ ВАШИ ДЕТИ?»

Представьте, что у нас уже есть такая ситуация: родители не прошли игровой среды, они окончили школу, где все было не совсем правильно или совсем неправильно, живут в современной виртуализированной среде, и у них рождается ребенок. Если раньше плохими считались асоциальные семьи, мы говорили про них: «вышли из педагогической роли», то теперь из педагогической роли выходят обеспеченные семьи. Наш психолог приглашает на занятия родителей с детьми, приходят четыре родителя, водитель, няня, может, даже охранник, а через два занятия от четырех родителей ничего не остается. И совершенно непонятно, как решать эту проблему: если у людей нет педагогического интереса — что с этим делать? Получается, что школа, детский сад теперь должны брать на себя задачу образования и воспитания не только детей, но и родителей, но при этом такую задачу нельзя ставить напрямую. Она должна решаться косвенным образом, нельзя же сказать родителю, что он невоспитанный — он просто пошлет тебя куда подальше. Поскольку в нашей школе обязательно прописывается при приеме, что родители будут участвовать в играх с детьми, они в течение шести недель приходят раз в неделю и играют с детьми, а потом разговаривают с учителями. У нас есть такой вопрос к родителям: «Чем сегодня порадовали вас ваши дети?». После первого занятия родители с огромным трудом могут вспомнить хоть одну радостную вещь о своем ребенке. Потом, когда они продолжают ходить, эти радости постепенно доходят до пяти, а у некоторых начинают литься потоком.

Это говорит о том, что, во-первых, современные родители не видят собственных детей, а во-вторых, не могут обрадоваться тому, что с ними происходит. И когда вдруг родитель обнаруживает, что ребенок может еще и радовать, а не только доставлять проблемы, мы двигаемся дальше. Мы просим обязательно сказать ребенку, что порадовало родителя и что ему было интересно. А ребенок на это рассказывает, что было интересно ему. Они говорят про то, что было трудно, и про то, что получилось. **Так происходит взаимное открытие родителя и ребенка друг для друга, и с этого начинается практическая педагогика.** От этих разговоров всегда есть результат. Дети становятся лучше, начинают слышать родителей, договариваться с ними, начинают соблюдать рамки. А родители начинают находить какие-то интересные для себя и для ребенка штуки, которыми можно заниматься вместе. И тогда на следующем этапе уже можно говорить о несовершенствах ребенка. Но говорить об этом только после того, как ты ему сказал что-то хорошее. Например, «меня очень радует, когда ты быстро собираешься в школу», потом «давай попробуем сегодня сделать это быстро», засекаем время и говорим: «Слушай, сегодня ты сделал это на четыре секунды быстрее». И это можно сделать с чем угодно, фиксируя достижения. Он не может прыгать высоко, например, но сегодня он прыгнул на 30 сантиметров, завтра на 30, а послезавтра уже на 30 с половиной, ура!

ВКЛАДЫВАЙТЕСЬ В ДЕТЕЙ

Я считаю, что если человек самое сложное, что есть на Земле, то становление человека — это самое интересное. И самое важное. Когда в моей жизни стоял выбор — диссертация или второй ребенок, был выбран ребенок. Такие мучения были — сейчас странно про это говорить. Родился замечательный мальчик, которого все любили и который сейчас — душа общества. И я чувствую, что то, что тогда можно было назвать жертвой, теперь приносит плоды.

Когда мои дети были детьми, я с ними все время старался играть в то, что им хочется, и когда они теперь пытаются угадать, чего бы мне хотелось, то, конечно, слезы на глаза наворачиваются.

Мне кажется, после нас остаются только дети и ученики, ничего больше на Земле не имеет цены, только это. Поэтому вкладывайте в детей — все это возвращается.

А как возвращается через внуков! Это самое дорогое, такое неимоверное счастье. В детей стоит вкладываться, и детей нужно понимать. А чтобы их понимать, нужно понимать язык игры, уметь играть. Если вы будете игротехником, игромастером, игроманом, — они будут ваши.

Заведующий кафедрой информационных технологий и дизайна школы «Летово». Работал учителем информатики в ФМШ №2007 и Центре образования №218, преподавал математический анализ в Пятьдесят седьмой школе. Автор уникальных курсов по информатике для одаренных детей; организатор, разработчик материалов и член жюри многочисленных олимпиад по программированию и математике. Преподаватель и один из руководителей Летней компьютерной школы. Автор книг и статей для школьников по математике и программированию, специализированных образовательных сайтов.

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ ГУРОВИЦ

Planning
Learning
Teaching with Tests
ШКОЛА
ЛЕТОВО

ХОРОШИЕ УЧИТЕЛЯ МОГУТ БЫТЬ РАЗНЫМИ

Есть разные типажи учителей, про которых можно сказать, что они хорошие, и если попытаться их сравнить, то окажется, что у них нет ничего общего. Хорошим учителем может быть человек, который много общается со школьниками, активно участвует вместе с ними в чем-то; может быть человек, который просто проводит урок, а после урока никак с детьми не взаимодействует. Один умеет отлично давать материал на уроке — так, что дети от него выходят с пониманием и интересом, собственно, им больше от него ничего и не надо, а другой может их заряжать энтузиазмом, возить на олимпиады, в летние школы, а при этом, может быть, на уроках он для них не такой уж ценный источник знаний, но он их направляет в нужную сторону, заставляет интересоваться предметом. **Зачастую роль учителя не в том, чтобы что-то вложить в школьника, а в том, чтобы его растормошить, чтобы он сам начал заниматься.** А дальше есть много всяких кружков, сборов, летних школ, олимпиад и прочего, где школьник так или иначе учится тому, что ему интересно, или он может в интернете посмотреть в пять раз быстрее то, что ему учитель будет излагать 45 минут. Другое дело, что надо, чтобы ученику почему-то захотелось это посмотреть.

Хороший учитель должен быть таким двигателем, тем, кто приучит учеников, что они каждое воскресенье куда-нибудь ездят, чтобы они просыпались в воскресенье, когда у них нет олимпиады, и чувствовали, что день пройдет зря и непонятно, чем заняться; нужно, чтобы этот учитель все время инициировал какую-то активность — конференции, исследовательскую деятельность, поездки — чтобы школьник развивался чуть шире, чем предписывает учебник.

СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ НЕСОВРЕМЕННА

Современная система образования, по крайней мере судя по тому, что я видел в школах, где я работал, — это отдельные учителя. Эти учителя пытаются делать что-то свое. Они не взаимодействуют с окружением даже в своей школе, потому что либо это учителя других предметов, которые пытаются перетягивать одеяло друг у друга вместо того, чтобы работать вместе, либо учителя, с которыми неинтересно взаимодействовать, потому что уровень не тот. И, в общем, ничего другого я в тех школах, где работал, не видел. И почти ни про какие школы не слышал, что там есть что-то иное.

Поэтому мне кажется, что школьное образование в его нынешнем виде — это не образование, соответствующее XXI веку. Для того чтобы оно было таким, нужно тренировать необходимые для жизни навыки, и, если жизнь требует, чтобы ребенок мог что-то сделать собственными силами, значит, нужно поощрять такую деятельность школьников, выбор того, что они делают, самостоятельную постановку задач, умение рисковать; нужно вкладывать что-то — если не деньги, то свои силы, или рисковать делать ставку на что-то, что может и не сработать.

Нужно учить их работать вместе, нужно учить их учиться. Потому что если спросить у школьника — как проходит твой учебный процесс? — то почти любой скажет: «Как учитель говорит, так и проходит. Учитель говорит — прочитай эту страницу учебника, я и читаю». Но, может быть, для этого школьника эффективен совсем другой способ, а так он ничему научиться не может. Но в российской школе не принято думать о том, как дети учатся. Дети вообще не думают и не знают о том, какими способами они могут учиться. Если учитель стоит у доски, читает лекцию (даже если не оценивать саму эффективность этого жанра — чтение лекций), что

делает школьник? То, чему его научили: либо пинает балду, либо записывает за учителем все, что тот сказал. Идея как-то структурировать информацию, воспользоваться графическим органайзером, нарисовать диаграмму по ходу лекции, подумать над тем, что говорит учитель, остановить его, позадавать вопросы школьнику не привита и в голову не приходит. В результате по окончании лекции у него есть куча листов с записью того текста, который произнес учитель и который наверняка есть в учебнике, и на этом обучение заканчивается — впустую.

ОДНИХ ЗНАНИЙ И ИСКУССТВЕННО СОЗДАННЫХ ЗАДАЧ НЕДОСТАТОЧНО

Если говорить о ситуации с образованием в России, то мне кажется, что особо реформировать нечего, потому что никакой живой государственной системы образования нет. Есть очаги в некоторых школах, где пытаются чему-то учить, но их очень немного. Если взять математическую школу, то да, там по математике у детей хорошие результаты, они поступают в лучшие российские вузы, и если их сравнить с зарубежными выпускниками того же уровня, то математику они знают намного лучше, потому что программа у нас намного сильнее. Но при этом, во-первых, они не знают, как правило, ничего, кроме математики, — за редким исключением, если вдруг где-то рядом еще окажется хороший учитель литературы, но в целом школ, которые развивают школьника хоть сколько-нибудь симметрично в разных направлениях, практически нет. Во-вторых, у нас весь фокус по-прежнему на знаниях, и все, что школьник умеет, он умеет исключительно внутри своего предмета. Если он приходит на информатику, а у него есть знания по математике, то сделать так, чтобы он их применил вот здесь, в компьютерной программе, очень тяжело. Школьники совершенно не обучены переносить знания. Они, как правило, не умеют работать в группах. Они не могут сделать

самостоятельно проект. Они не видят никакой связи между тем, чему их учат в школе, и настоящей жизнью. В тех школах, где это пытаются сделать, это происходит на каком-то совсем примитивном уровне, на уровне «померяй количество чего-нибудь в озере, которое у тебя рядом с домом», то есть такая «реальная жизнь», которая школьника зачастую совсем не интересует, и для него это искусственная выдуманная задача. Ему никогда не предлагают самому ставить задачу или уж тем более самому задавать вопросы, поэтому, если он что-то не понял на уроке, то считает глупым себя.

ПОЧЕМУ УЧИТЕЛЯ УЧАТ ПО-СТАРОМУ?

Учат тому, что требуют на экзамене. Но провести экзамены, которые реально проверяют все навыки, да еще и делают это объективно, очень сложно. Проверить групповую работу или то, как школьник научился учиться, на экзамене невозможно. Проверить можно только предметные знания и умения. Организаторы экзаменов пытаются придумать какие-то вещи, которые позволят это понять. Скажем, на экзамене по истории дают исторические источники и проверяют, как школьник научился с ними работать. Более того, школьник должен пообщаться в онлайн-системе с экспертом, в роли которого выступает компьютерная программа. Он ей должен задать вопросы, получить ответы и после этого написать эссе или ответить на какие-то вопросы этой программы. То есть попытки придумать системы, которые будут проверять не только знания, предпринимаются. Но, конечно, в формате объективного экзамена проще всего сделать тесты на знания, а тогда и учат соответствующим образом. **У учителей стимула учить по-другому нет, кроме личного душевного порыва и понимания, что то, что он делает, должно ученикам приносить пользу, готовить их к нынешней жизни, а не к той, которая была 50 лет назад.**

ГЛАВНОЕ — ИМПУЛЬС

Лет шесть-семь назад мы начали делить класс на информатике по принципу «сильная» и «слабая» группы. Но эти группы довольно быстро трансформировались в «те, кто хотят», и «те, кто не хотят». То есть школьник, очень слабый в плане IT (Information Technology, информационные технологии. — *Прим. ред.*), который готов работать, пусть на собственном примитивном уровне, и он это делает, и наоборот — вполне сильные дети, которым хочется, чтобы учитель им медленно рассказывал основы, они это писали на пятерку и были счастливы. Может быть, это неправильно, может, надо развивать каждого школьника на том уровне, на который он способен, но мне кажется, что надо дать человеку созреть.

У меня, например, есть очень сильный ученик — он на уроках делал то, что надо, а после приходил, смотрел мемы в интернете и, в общем, ничем заниматься не хотел, просто любил сидеть в компьютерном классе. Но было понятно, что у него очень большой потенциал, и я думал: «Он когда-нибудь дорастет». В девятом классе он попал на Всероссийскую олимпиаду по математике и загорелся, захотел что-то делать. Но геометрию он не любил, а на математике выиграть только алгеброй нельзя, поэтому он решил заниматься информатикой. Год он более-менее сам позанимался, порешал олимпиадные задачки, съездил в летние школы, и в десятом классе на региональном этапе Олимпиады стал лучшим в Москве по информатике. И сейчас он каждый день что-нибудь решает, прорабатывает все онлайн-олимпиады, знает уже больше меня. Мы просто дождались момента, когда ему это стало нужно и интересно, «в коня корм», что называется. Всероссийская олимпиада послужила для него импульсом, но и без нее было понятно, что он рано или поздно проснется. Надо ли было заставлять его учиться силой, понимая его потенциал? Не знаю, может, результаты были бы и лучше, но я очень сомневаюсь, что это правильно. Есть школьники, которых с пятого класса заставляют участвовать в олимпиадах и готовиться к ним, и к восьмому их уже тошнит от этих олимпиад, а ведь это развлечение, скорее,

для старших классов. Хотя сейчас есть олимпиады и для первого класса, но, по-моему, в младших классах это очень неоднозначный вид деятельности.

НАУЧИТЕ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЗНАНИЯМИ

Почти все формы учебной деятельности, которые я использую в работе, не новые, они просто в нашем образовании либо не используются, либо используются как что-то внешнее, насаждаемое. Взять, например, проектную деятельность. Допустим, школьник должен сделать проект. Пусть он его сделает, сдаст нам работу, расскажет о том, как он его делал — с родителями или просто скачал из интернета описание проекта, — и мы от него отстанем, а учить его на уроках будем так же, как учили. В крайнем случае выделим специальное время: вот тут у нас будет проект, а здесь — обычные уроки, лекции, задачи. И когда школьник дойдет до проекта, он уже будет ненавидеть этот предмет, и проект его не спасет.

Пусть предмет хотя бы начинается с обсуждения каких-то жизненных задач, особенно естественнонаучные предметы типа физики, химии. Там же всегда можно начать с того, почему снег идет, а дальше уже говорить о состояниях вещества, испарении, кристаллизации и т. д. Я как раз вчера читал главу про электричество в одном учебнике физики. Во-первых, я там половину не понимаю — читаю и не понимаю. Во-вторых, то, как это написано, никого не заинтересует: натрем палочку, прислоним ее к чему-то, и лепестки отклонятся, это заметили 200 лет назад и после этого изобрели электричество. Здорово, но до настоящего электричества, которое в жизни, программа дойдет через месяц, а за этот месяц школьник уже умрет от скуки от этих теоретических знаний про кулоны, про то, как электризуется эбонитовая палочка... А если начать с реальных электрических явлений, показать им то, что они видят каждый день — как включаются лампочки — и предложить подумать, посмотреть, как это происходит, то

эффект будет совсем другой, ученик начнет понимать, зачем это все и что к чему относится.

Современная школа вообще не объясняет ребенку, почему мы учим именно этому, и современные вузы тоже. У нас на мехмате был курс статистики. Казалось бы, самая жизненная дисциплина, очень легко понять, зачем она нужна, но у нас за полгода не было ни одного примера. Нам говорили: «Модель такая-то, такие-то параметры, такие-то формулы, такая-то теорема. Если сделать вот так, получим вот такой результат. Доказываем. Модель следующая...» Откуда взялись эти модели — однофакторные, двухфакторные, еще какие-то, почему они нужны, где применяются? И если после полугодового курса статистики студента спросить, например, про социологию — откуда берется погрешность три процента при подсчете результатов, — он не ответит, потому что никакой привязки того, что он изучал, к практике нет. Хотя на самом деле он изучал ровно то, чем пользуются в социологии, в физике и так далее, но ему не дали никакой идеи, как этим пользоваться, дали только выкристаллизованное, теоретическое, стройное научное знание. И экзамен: рассчитайте такую-то модель с такими-то факторами. Даны числа... и ни одной жизненной ситуации.

И школьное образование, к сожалению, такое же. И ладно, что оно такое же в математике (хотя там тоже можно задавать жизненные вопросы), но то, что оно такое же в физике, химии и биологии, конечно, очень огорчает. Я помню свою школьную биологию, где нам говорили: «Ребята, мы изучаем растения. Растения бывают таких-то видов. У них есть пестики и тычинки. У такого-то семейства столько-то пестиков и столько-то тычинок, у такого-то — столько-то и столько-то». После этого я про биологию слышать не мог, потому что мне было совершенно все равно, сколько у кого пестиков и тычинок. Зачем это нужно, как это используется в науке и в жизни, было совершенно непонятно. Хотя, казалось бы, такой жизненный предмет: вокруг тебя растения, животные, тебе про них пытаются что-то рассказать... Но это было совсем не про

эти растения, а про какие-то другие, абстрактные, теоретически классифицированные, и что с этим делать, кроме как немедленно забыть, не знаю. И во многом, к сожалению, образование таким и осталось. То есть каких-то существенных изменений за последние годы я не вижу.

КАК НАЙТИ ИДЕАЛЬНУЮ ШКОЛУ?

Очень важно, чтобы возможности, интересы и темперамент ребенка совпали с той средой, с той школой, куда он попал. Если он готов с утра до ночи решать математические задачки и родители приучили его к этому в младшей школе, значит, важно, чтобы он попал в среду таких же фанатов и стимулирующих его к этому учителей, — ему там будет хорошо, комфортно, он до чего-то дорастет, чего-то достигнет. Если это школьник, который привык заниматься чем-то своим и хочет, чтобы в школе его не трогали, а он будет ходить в футбольную секцию и тратить на это все свое время, потому что ему хорошо и комфортно там и он может чего-то достичь в футболе, значит, важно найти ту школу, где как раз нет фанатов, которые будут заставлять его с утра до ночи решать математические задачки.

А дальше, конечно, будет очень здорово, если в школе найдется человек, который чем-то зацепит этого конкретного ребенка, чтобы он решил — о, я хочу туда, я хочу заняться этим, хочу развиваться в этом направлении. **Не так важно, чтобы ученика чему-то научили, важно, чтобы он нашел свою область.** Она может быть и не в школе, а где-то, например, среди интересов учителя. Учитель замечательно играет на гитаре, и школьнику захотелось писать песни, играть, и он пошел в рок-группу. Или школьник замечательно рисует, и его вовремя направили, показали, куда пойти, и он там занялся дизайном. В конечном счете ребенку должно повезти, чтобы все совпало: среда в школе, учитель и область, где он что-то для себя найдет.

Если школьник попадет не туда и не найдет себя, то он будет и в школе мучиться, и после школы его выбор будет довольно случайным: он просто пойдет туда, где ему покажется не так плохо, как в школе. Но если он не видел и не понимает, что такое математическое образование или как учат дизайнеров, и в школе этого не попробовал, то очень быстро окажется, что он попал не туда. Например, выпускнику кажется, что ему нравилась школьная алгебра, и он пойдет на математический факультет, но там он вскоре поймет, что математика, оказывается, ничего общего со школьной алгеброй не имеет: ему-то нравилось аккуратненько скобочки раскрывать, а в математике нужно что-то постоянно придумывать, нужны творческие идеи, а он скорее бухгалтер, чем математик. Но ему никто не показал в свое время, что есть такая деятельность, что этим тоже можно заниматься. Поэтому, мне кажется, самое важное — чтобы нашлось что-то специально для каждого ребенка.

Учитель истории в Лицее Высшей школы экономики. Автор педагогических методик. Методист программы «Учитель для России». Методист и учитель истории в школе «Летово».

КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ ЛЕВУШКИН

Brain

ОБРАЗОВАНИЕ ПОВСЮДУ

Сегодня я уже не очень различаю образование и жизнь, потому что образование вижу повсюду. Ты идешь учиться танцам и видишь те же педагогические ошибки, которые совершает молодой учитель в девятом классе. Смотришь на то, как работает корпорация и как там передаются знания, информация, опыт, и опять же видишь такие же, как в школе, либо успешные, либо неуспешные практики. В семье то же самое, и то знание, которое я начал получать в школе уже как учитель, мне стало помогать конструктивно участвовать в воспитании моих брата и сестры, например.

А потом был момент, когда я преподавал 10–12 часов в неделю максимум и не понимал, куда мне в образовании двигаться. Я не тот, кто будет 20, 30, 40 часов в неделю с детьми, это не совсем мое. И я понял, что хочу заниматься методикой преподавания, может быть, писать программы, исследовать это. Тогда это было модно называть «дизайнером образовательных программ», — кем я себя и обозвал под дружный хохот друзей, — или это просто методист, что не так модно и не очень понятно, кто это. И как только я это сформулировал, буквально через две недели мне написали из школы «Летово» и пригласили заниматься именно методологической работой. Это было удивительно: я просто произнес это вслух, а оно взяло и воплотилось в реальность.

«ПРОКЛЯТИЕ ЗНАНИЯ» И ДРУГИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОШИБКИ

Недавно, сидя на кресле подъемника в горах, мы с инструктором по сноубордингу смотрели на то, как люди в парах и семьях пытаются учить друг друга кататься, и говорили о том, почему это заканчивается, как правило, скандалом.

Я не сноб, который считает, что педагог — это профессия, и если ты профессией этой не овладел, то не лезь. Но никто не отменял внутренний такт, интуицию и просто здравый смысл.

А кроме того, есть стандартные ошибки человека, который пытается учить другого тому, что он умеет делать сам.

На педагогическом семинаре нам предложили упражнение: представьте себе простое действие — например, чистку зубов — и попробуйте разделить его на пять–десять микродействий. Это неожиданно, но когда ты начинаешь думать, то понимаешь, что да, там действительно есть пять, и даже десять, а если подумать, то и все двадцать действий. И точно так же можно поделить на микродействия любой навык, любое умение.

Что такое умение кататься на сноуборде, или тормозить, или вести партнершу в танце? Это же на самом деле конструкция с уровнями из более мелких действий. Так вот, зачастую ни мой танцевальный тренер, ни некоторые инструкторы, ни тем более человек без опыта не делит действие на эти микродействия. Он просто говорит: «Ты чего не поворачиваешь? Поворачивай, это же просто». Он забыл, что это непросто и что это действие для человека, не владеющего навыком, состоит из множества микродействий. Это называется «проклятие знания»: тот, кто умеет, из-за того, что многое знает, забыл, как было сложно вначале и сколько ступеней он прошел. **Есть такая зависимость (конечно, не очень научная): чем больше человек знает, чем он больший эксперт в своей области, тем ему сложнее обучить тех, кто ниже его. Поэтому хорошие учителя рисования — редко прекрасные художники, а великие художники, наоборот, редко бывают хорошими учителями.** У знающего и умеющего уже настолько оттренирована мышца, что он не может разделить комплекс ее действий на более мелкие.

Еще одна частая ошибка тех, кто учит, связана с незнанием элементарных законов того, как работают внимание, память, мышление. Внимание — очень ограниченный ресурс. Есть знаменитый

эксперимент про невидимую гориллу и много других, которые доказывают очень простую вещь: внимания вот столько, и больше не будет. Его нельзя натренировать, накачать, растянуть и тем более добиться криками, чтобы оно немедленно было. И когда учитель спрашивает: «Ты что, забыл, что ли? Я тебе только что рассказал» или «Это что, сложно? Я же тебе сейчас на пальцах объяснил», он не учитывает простого факта — что человек больше пяти относительно мелких элементов удерживать в голове здесь и сейчас не может, а уж тем более если это новые для него вещи, если они еще и довольно крупные.

Еще пример. Наш тренер по танцам загрузил нас 15 новыми элементами, использовал для этого какие-то термины и метод — почему-то всем кажется, что он очень правильный, — «делай, как я». Когда педагог говорит «делай, как я» (тот же инструктор по сноубордингу предлагает ученику смотреть, как он едет, и ехать так же за ним), он не понимает, что это не работает, человек так не умеет. Пока не умеет — со временем он, может быть, и сможет, если будет долго на это смотреть. Повторение — это, видимо, один из главных подсознательных механизмов обучения и объясняется зеркальными нейронами, которые умеют повторять. В древности, когда еще не было никаких слов, учились охотиться, спасаться от каких-нибудь тварей именно так. Но это хорошо для естественных вещей. А когда ты делаешь такую неестественную вещь, как едешь на заднем канте (езда на заднем канте — элемент сноубординга. — *Прим. ред.*) или вообще учишь историю или занимаешься математикой, мозг это не воспринимает как то, что необходимо для выживания, и поэтому он хуже видит эти аналогии. Для него это неестественно, это требует определенного перелома. **Для выживания человеку нужно уметь определять лица и ассоциировать с ними имена, определять (не помню точной цифры) порядка 20 000 предметов, уметь управлять своим телом, определять опасность и реагировать на нее, плюс, может быть, еще пару пунктов. В этом списке нет ни логарифмов периодизации российской истории, ни химических формул.**

ЛЮБИМЫЙ УЧИТЕЛЬ, КОТОРЫЙ НИЧЕМУ НЕ НАУЧИЛ

В школу я пришел, еще не будучи учителем. И в какой-то момент понял, что главная валюта, которой я пользуюсь, — это, собственно, моя личность. Есть такая типология учителей — эротический и афинический. Эротический в том смысле, что их основной ресурс — это харизма, эрос как сила, привлекательность личности. Таких пять процентов, и это учителя, о которых все всегда помнят. Они яркие, довольно часто почему-то историки. Спросишь человека — кто твой любимый учитель был? Он говорит — Петр Иванович. — Почему Петр Иванович? — Он ярко вел уроки, ходил с нами в походы, что-то еще делал. А потом ты его спрашиваешь: а историю помнишь? И выясняется, что он ничего не помнит. То есть преподавателя помнит, приятное ощущение от уроков осталось, но предмет он не изучил. Это классический учитель из пяти процентов. Он эксплуатирует свою личность и через нее привлекает учеников, ученики могут пойти на истфак из-за него, поехать в экспедицию, в музей. Ничего плохого в этом нет, но это не совсем педагогика, я считаю.

Второй тип — афинический. Это тип хитрости, уловок, то есть каких-то манипуляций. Но на самом деле преподавание — это, по сути, одна большая манипуляция. Как известно, «манипуляция, которая одобрена законом Российской Федерации, называется воспитанием».

В общем, в какой-то момент ты понимаешь, что эксплуатировать свою личность ты больше просто не можешь. Во-первых, потому что это страшно энергозатратно, ты буквально отдаешь себя. Во-вторых, это большая ответственность перед детьми, потому что они привязываются к тебе, ты неминуемо привязываешься к ним, и для меня это всегда было немного некомфортно. И главное, ты понимаешь, что в конце года или через два-три года — что ты имеешь? Замотивированных детей, которым очень нравится на твоих уроках, они стараются, потому что пытаются привлечь твое внимание и услышать похвалу, они очень забавно толкутся вокруг тебя, и это может продолжаться вплоть до одиннадцатого класса,

но высоких результатов ты не получаешь. И в какой-то момент ты все-таки хочешь получить доказательство того, что ты здесь не зря существуешь. Наверное, со мной произошло именно это. Да, у моих детей были высокие результаты ЕГЭ, хотя 100-балльников никогда не было, — были 97 баллов, 99, но, скорее, это были талантливые дети, а какого-то мощного моего результата, честно говоря, не было.

И я стал читать о доказательной педагогике — про теорию памяти, познания, внимания, про более узкие педагогические вещи — таксономию, подходы. Вообще, слово «методика» для меня приобрело значение, может быть, два-три года назад, то есть я где-то три года просто собирал все, что видел, и, наверное, только в прошлом году все это стало складываться в подход и в систему.

Оказалось, что изучение истории, как и чистку зубов, можно разделить на множество действий — разложить по этапам, подобрать методы. Это очень сильное ощущение — когда ты четко понимаешь, как это сделать. И когда ты понимаешь, чего ты хочешь, какой будет результат, то и метод подбирается сразу, а если ты, наоборот, думаешь: «Что бы мне завтра сделать интересненькое?» — ничего не получается. И эта простая мысль — что обучение должно быть целенаправленным — еще не закрепилась у наших учителей. Когда я преподаю молодым педагогам, мы с ними начинаем копать — чего ты хочешь, каким представляешь себе результат в конце? — и они отвечают: я хочу, чтобы они научились систематизировать информацию, сравнивать то-то и то-то, — но потом они сами же предлагают детям форму, которая не сравнивает, а синтезирует или анализирует, или вообще проверяет не то.

ВНУТРЕННИЕ ПРУЖИНЫ ЗНАНИЙ

У меня есть две догадки, что это за пружины, которые позволяют мне оставаться в профессии. Первая — это тотальная эмпатия: мне очень важно узнать мнение этого маленького человека. Я не прикидываюсь и говорю так не потому, что я учитель и вроде

как так надо. Когда я работаю, скажем, с пятым-шестым классом, я прямо слышу шорох мыслей ученика, мне важно, что он скажет. А вторая — так как я сам считаю себя необразованным, потому что плохо учился в институте, у меня этого «проклятия знаний» мало, и поэтому промежуток между тем, что я что-то прочел и узнал, и тем, что я этому кого-то научил, небольшой. Я не успеваю забыть, как это проходило у меня, и поэтому мне очень просто показать им эти внутренние пружины знаний. Но про результаты сейчас, наверное, еще сложно говорить, и я, если честно, никогда не стремился ни к победам в олимпиадах, ни к чему такому. Но по моим ощущениям, сейчас я уже неплохо научился учить детей тому, что сейчас на все лады называется критическим мышлением. Заболел я этим года два назад, когда понял, что история — это про первоисточники и что изучение истории — это почти детективный процесс. Я начал приносить ученикам разные источники, и это превратилось в систему.

В конце прошлого года в лицее ВШЭ было устное обсуждение результатов года, и я спросил детей: «Что вам запомнилось, чему вы научились, у вас есть ощущение, что что-то приросло к вам?» И один мальчик сказал — а другие потом покивали: «Вы знаете, когда я сейчас смотрю новости по телевизору или читаю газету, я понимаю, что это только одно мнение, что это система аргументов этого автора, но может быть и другая, и, кроме того, неплохо было бы посмотреть, на что он опирается». То есть я научил их таким простым вещам, частично какой-то информационной гигиене.

Сейчас с восьмым классом я вижу, что источники XIX века — тексты, карикатуры, фотографии — они очень легко «расщелкивают», для них это не китайский язык, а источник информации. И это благодаря систематичной, целенаправленной работе. Я понимаю, с чего начинается эта компетенция, как ей обучить и к чему в ней можно дальше стремиться. Но пока еще это процесс поиска и эксперимента.

Учитель начальных классов гимназии имени Е. М. Примакова. С 1986 по 2017 г. — учитель начальных классов гимназии №1514 (до 1993 г. — школа №52). Победитель конкурса лучших учителей РФ-2008 в рамках Приоритетного национального проекта «Образование», награждена Почетной грамотой Министерства образования РФ.

ОЛЬГА АНАТОЛЬЕВНА САМОШКИНА

РЕЗУЛЬТАТ — НЕ ТОЛЬКО ОЦЕНКА

Для меня результат — это не только академические показатели ребенка, это еще и личностный прогресс, которого он достиг по сравнению с самим собой. Для кого-то будет большой удачей хотя бы научиться выражать свои мысли или вообще начать высказываться, поднимать в классе руку, перестать бояться что-то сказать или, наоборот, научиться себя сдерживать, для кого-то — перестать волноваться, когда он пишет контрольную работу. Есть дети, у которых возможности хорошие, а управлять собой они не могут, и у них постоянно возникают проблемы. И положительный сдвиг — это когда они начинают потихоньку этому учиться. Но в целом, конечно, **важнейший результат — когда ребенок научился самостоятельно работать, когда он хотя бы минимально рефлексирует, понимает свои удачи и не зацикливается на неудачах, а знает, как с этим работать. Я считаю, что дети к концу четвертого класса уже способны предпринимать шаги по устранению своей неудачи. И еще важно, чтобы ребенок находил свое место в коллективе и мог его принять, или, если оно его не устраивает, мог бы влиять на свое положение, найти себя в этом обществе, чтобы не чувствовать себя лишним.**

У учителя начальной школы есть возможность подкорректировать те проблемы, которые ребенок принес из семьи, потому что мы с детьми находимся очень много времени вместе. Мы видим детей практически весь день. Если в средней школе ты провел один урок и ребенок ушел от тебя, то учитель начальной школы все время рядом. У нас больше возможностей взаимодействовать с ребенком и во внеклассной работе, и во время учебного процесса.

НОВОЕ ВРЕМЯ, НОВЫЕ ДЕТИ

Я начала работать в школе еще в 1980-х годах, и, конечно, тогда все было по-другому. Раньше все было «под козырек»: если учитель сказал, то никто не обсуждает, все делают. Дети практически не

высказывали своих пожеланий или недовольства тем, что сказал учитель: так сказано и так сделано. А сейчас и в отношениях с детьми мы допускаем полемику, и родители приходят чаще, оказывают влияние на учебный процесс. Но мне это не мешает работать, даже помогает. Я считаю, это большой плюс, когда есть откровенная обратная связь и когда ты можешь с родителем открыто обсуждать все, что происходит с его ребенком.

Дети стали другими. Но это не значит, что они теперь хуже, — это значит, что мы иначе должны с ними работать. Наверное, надо искать новые рычаги, приемы. И, конечно, хотелось бы, чтобы родители прислушивались и старались понимать учителей. А сейчас родители, поскольку они часто считают себя лучшими педагогами, как и лучшими докторами, не всегда принимают сторону учителя, что понятно, ведь все мы разные. Но при этом и не обсуждают с преподавателем спорные моменты, и не всегда хотят учителя услышать. Поэтому иногда не удается достучаться: «Что, вы будете учить меня, что мне делать дома с моим ребенком?».

НОВЫЕ РОДИТЕЛИ

Бесконечной переписки с родителями я не люблю и сама от этого отгораживаюсь. Родители моего класса внесли меня в свой чат, но я недели две там продержалась, больше не смогла — не могу выносить эти бесконечные обсуждения по любому поводу. Мы организовали другое пространство, где общаемся, но очень дозированно: я или родители выкладываем информацию, относящуюся к жизни класса, и только по этим сообщениям идет обратная связь. И родители мне не звонят поздно вечером с учебными вопросами. Единственный раз в моей практике пришла СМС в полдвенадцатого ночи, что ребенка завтра заберут после второго урока. Мы просто договорились «на берегу»: на первом же родительском собрании я сказала, что буду рада выслушать всех со всеми проблемами, но не позже девяти вечера. И я думаю, что часть вопросов родителей, у которых ребенок идет

в первый класс, снимается, когда понятны требования, предъявляемые учителем к детям, и обозначены условия контактов с родителями.

У учителей часто случаются ситуации, когда они действуют как надо, заранее не размышляя и не раздумывая, а в результате все складывается так, как было правильно именно в тот момент. И потом, анализируя, ты понимаешь, что по-другому нельзя было поступить. У меня в классе была очень хорошая, сильная девочка. У нее не ладились отношения в классе, а родители не внимали моим рекомендациям по поводу того, что можно было бы сделать, чтобы ввести ребенка в коллектив. Они искали недостатки в других, у них были виноваты другие дети и их родители. Однажды эта девочка совершила очень некрасивый поступок. И вскоре случайно получилось, что у меня в классе была ее мама, мы с ней беседовали, и я, не говоря, что это ее ребенок, сказала: «Я знаю, что вы мудрый человек, и хочу с вами посоветоваться. Вот такая ситуация. Как бы вы поступили?» И эта мама стала мне давать советы, и, видимо, пришло понимание, что речь идет о ее дочери, она сказала: «Ольга Анатольевна, а ведь я все поняла». И после этого стала прислушиваться ко мне.

Была еще одна ситуация, когда родители что-то осознали задним числом. У нас в то время переводили в среднюю школу по результатам экзаменов, ребенок, к сожалению, туда не поступил, и родители были очень на меня обижены. Они пошли в другую школу, а где-то через недели две вдруг пришли ко мне с огромным букетом цветов и сказали: «Ольга Анатольевна, мы теперь понимаем, почему все рвутся в эту школу, берем все свои слова назад и понимаем, что главное, чтобы дети нужны были учителю. Мы сейчас попали туда, где дети никому не нужны».

Главная ошибка современных родителей — в том, что они зачастую хотят дать маленьким детям очень много самостоятельности. Они считают, что вседозволенность — это воспитание свободной личности. Я считаю, что это неправильно — все-таки у детей должны быть четкие рамки, правила, которым следует все, и они в том числе: мы так договорились, и мы все будем так делать. И мы много говорим об этом в школе.

Сейчас у нас в школе достаточно много детей обеспеченных родителей, и это хорошо, но родители часто почему-то считают, что через детей нужно показывать свой статус, что у детей должны быть телефоны определенной марки, что у ребенка должно быть много карманных денег, чтобы это указывало на состоятельность семьи. Однажды на родительском собрании был разговор о мобильных телефонах, и я сказала, что нельзя ребенку давать в школу дорогие смартфоны. Одна мама мне на это возразила: «Ольга Анатольевна, может быть, вы мне еще скажете, какую мне одежду покупать, на какой машине ездить? Телефон моего ребенка показывает мой статус». И с этим сложно. В школе у всех ребят должен быть статус один и тот же — ученик.

Родители могут помочь ребенку, особенно в первом классе, своим участием, своей заинтересованностью в его делах — но не с целью «построить» ребенка, а именно чтобы ему помочь. Где-то пожалеть, подсказать, объяснить. Не делать за ребенка, а быть все время рядом, чтобы ребенок чувствовал поддержку. И, конечно, организовать его время так, чтобы он четко понимал, как у него строится день. В трудной ситуации, когда ребенок неправ, важно уметь объяснить, что сделано не так, успокоить его, научить, как поправить ошибку. **Родитель должен быть всегда на стороне ребенка, и ребенок должен это ощущать. Любить ребенка не значит не делать ему замечаний, не значит не говорить ему, что он неправ. Я считаю, что любовь со стороны родителей — это, в том числе, умение сделать так, чтобы у ребенка не было обиды, а было понимание происходящего вокруг. Я считаю, что это самое главное. И, конечно, хвалить за успехи.**

УРОКИ ВМЕСТЕ: НАДО ЛИ?

В вопросе сидения с ребенком за уроками в младших классах все очень индивидуально. Но я призываю родителей быть к этому готовыми, потому что считаю, что любящий родитель во многом может ребенку помочь. Учитель в классе дает материал, но подойти к каждому

ребенку во время урока и ответить на каждый его вопрос учитель не может. И потом, ребенок не всегда спросит учителя, может просто постесняться. Есть простые вещи, которые для первоклассника могут стать проблемой: где начать писать, на сколько клеточек отступить. Нам это кажется мелочью, а для него это важно и сложно.

Родитель должен помочь ребенку овладеть алгоритмом качественного выполнения работы, объяснить, какая работа может считаться качественной, какая нет, и показать ему: мне важен твой труд, мне важно, что ты делаешь, мне интересно, это сейчас самое важное для тебя, и мне это небезразлично.

Если взрослый будет находиться рядом, малыш будет ощущать эту поддержку. Можно постепенно уменьшать свое присутствие в школьной жизни ребенка, но тем не менее находиться где-то поблизости, во всяком случае контролировать выполнение работы, а не формально спрашивать: «Ты все уроки сделал?» — для ученика-первоклассника этого мало. Необходимо просматривать, обсуждать работу, показывать ему — это мне нравится, ты написал красиво, а вот тут не очень, или говорить: «Ты выполнил не все задания, давай мы с тобой сядем и доделаем». Некоторые родители говорят: «Я тебе не буду подсказывать, где ты ошибся, пусть Ольга Анатольевна увидит и объяснит». Я считаю, что это не поддержка. **Лучше первокласснику подсказать, может быть, даже чрезмерно, но у него должно быть чувство защищенности.** В нашей школе у кого-то из учителей родился образ, который мне очень нравится: многие из нас учились водить машину, но не было же такого, чтобы нам рассказали правила, показали, как устроена машина, а потом сказали: «Садись и езжай», правда? С нами был рядом инструктор, мы много ездили вместе, и только потом начали водить самостоятельно. А тут получается, что мы говорим ребенку: «Садись и езжай». Правила мы изучали в группах, а инструктор у каждого из нас был индивидуальный. И каждому ребенку нужен такой инструктор, который может какое-то время побыть рядом и подстраховать.

Кроме того, есть дети, — они или так устроены, или, может быть, не совсем созрели к началу первого класса, — которые не могут сами себя организовать. Он знает, что надо найти учебник, открыть задание, прочитать один раз от начала до конца и так далее, но он это сам выполнить не может, он забывает, ему трудно усидеть на одном месте или ему надоедает, и он уходит. Поэтому я считаю, что родителям надо быть рядом.

НОВЫЕ МЕТОДЫ

Сегодня мы, конечно, учитываем тот факт, что дети изменились, — стараемся делать наши уроки более наглядными, используем аудиозаписи. Сейчас все говорят о том, что у детей клиповое мышление, они лучше воспринимают визуальную информацию, и так оно и есть. Но я все равно стараюсь это дозировать, потому что дети дома и так много сведений таким образом получают, а мы должны погружать их в иную среду. Если к визуализации прибегать слишком часто, это и приедается, и становится для них тяжело, от этого ребята тоже устают и не учатся воспринимать по-другому.

Я также считаю, что не стоит злоупотреблять игровой формой, и не люблю много играть с детьми — про меня нельзя сказать, что у нас на уроке все только через сказку. Все это уместно, я считаю, в самом начале, может быть, в первый месяц первого класса, а потом это нужно сводить на нет, потому что основная деятельность ребенка школьного возраста — учение. Конечно, периодически стоит добавлять «горстку изюма», чтобы развлечь и привлечь внимание ребят, особенно когда мы занимаемся очень монотонной работой, но я считаю, что этим не стоит злоупотреблять.

Дети должны привыкать к монотонному, ежедневному труду, потому что по-другому все равно не получится. В какой-то момент ребенок должен почувствовать удовольствие именно от учения, от того, что у него получилось что-то, а не от того, что выскочила на экране красивая картинка.

Процесс учения действительно пойдет, когда ребенок начнет получать удовольствие от интеллектуальной деятельности. А это получается, если педагог старается построить работу таким образом, чтобы у ребенка было достаточно возможностей сделать что-то своими силами, потому что только в самостоятельной работе он может почувствовать, что это действительно его заслуга. Использовать такой труд нужно, когда ребенок уже научился что-то делать хорошо, и тогда он начинает испытывать радость, что у него получается. И каждый должен иметь возможность эту радость получить, чтобы не было такого, что изо дня в день у ребенка одни неудачи, потому что для него это задания очень высокого уровня сложности. Понятно, что у каждого свой порог, все совершенно разные, но именно поэтому **учитель должен относительно каждого ребенка в своем классе чувствовать, когда тот может сделать что-то сам, и именно в этот момент дать ему возможность действовать полностью самостоятельно.** Для этого придумана групповая работа, когда каждая группа получает подходящие ей разноуровневые задания. На это работает метод, когда ребенок может быть помощником для других — это тоже интеллектуальное удовольствие, — когда он понимает и испытывает радость не только от того, что он сам это понял, но и от того, что смог донести до другого, что он «как учитель». Активно использую задания по выбору, рассчитанные на то, чтобы увлечь каждого. Кого-то привлечет яркая картинка, а другого — научный вид задания или выбор уровня сложности, когда он может выбрать себе или потруднее, или полегче.

Также важна работа в парах. Это несколько иной вид групповой работы. Я считаю, что в современной школе имеет большое значение возможность обратиться за помощью к товарищу. Если раньше мы говорили: «Не подсматривай, думай своей головой», то сейчас ребята знают, что, если это не самостоятельная или контрольная работа, они могут обратиться к сидящему рядом.

Очень активно использую презентации, мультфильмы, видеозаписи, но мне кажется, что это сейчас уже и не назовешь новым инструментом, это используют все. И, конечно, очень удобно, что можно находить в интернете новые для себя ресурсы, распечатывать

для ребят интересные задания — раньше нам, для того чтобы дать детям самостоятельную работу, где надо вставить буковку или звездочку, приходилось по 30 раз переписывать одно и то же.

САМОЕ ТЯЖЕЛОЕ В УЧИТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ

Мы с коллегами много общаемся и методически помогаем друг другу, плюс, конечно, очень серьезным подспорьем стал интернет — вебинары, различные статьи, лишь бы хватало времени. Вот нехватка времени — это, пожалуй, самый тяжелый фактор нашей работы. **Учитель постоянно стоит перед выбором: либо ты позволишь себе сегодня отдохнуть и заняться семьей, либо ты будешь качественно готовиться к уроку.**

И еще одна проблема — это то, что в классе очень много детей. Их и раньше часто было много, но сегодня роль учителя изменилась, он перестал быть ментором, который пришел отчитать урок, а дети взяли ручки, написали, ручку положили и слушают — сегодня мы хотим, чтобы дети общались, больше высказывались в классе, стараемся каждому дать возможность выступить, а при таком их количестве это организовать гораздо сложнее. Даже ту самую пресловутую работу в группах, в парах организовать непросто. Когда в классе было 20–25 детей, мы с ними легко это делали уже в первом классе, а когда их 32–33, я уже не могу часто себе это позволить. Детей в начальных классах не должно быть больше 25. Оптимально — 20. Кроме того, очень важный фактор для обучения детей — наличие достаточного пространства. Если я не могу постелить ковер у себя в кабинете, то это лишает меня возможностей организации отдыха, смены позы и пространства для ребят. А детям нужно место, простор, и когда их 30 человек, соответственно, и пространства нужно больше.

Несмотря на трудности и проблемы, я очень люблю свою работу. Она дает раздолье для творчества, постоянное развитие, видимый результат труда и, самое главное, — возможность приносить и получать радость.

Директор Президентского физико-математического лицея №239, выпускник и учитель математики той же школы. Абсолютный победитель всероссийского конкурса «Директор школы-2012».

МАКСИМ ЯКОВЛЕВИЧ ПРАТУСЕВИЧ

МЫ КОНКУРИРУЕМ С ИНТЕРНЕТОМ

Еще Ленин говорил: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя», и он был прав. После смены государственного строя изменилось общество, изменилось окружение, изменились дети. В советские времена в Ленинграде физматшкол было, грубо говоря, три на весь город, и одна из них — 45-й интернат, который принимал очень мало городских детей, плюс была наша школа и была школа № 30. Люди, дети в атмосфере застоя приходили в такие места и получали глоток свежего воздуха, потому что им прочитали на уроке литературы, условно говоря, стихи Цветаевой, они сходили в туристический поход. **Сейчас стихи Цветаевой читают на всех уроках литературы, никакой удушающей атмосферы нет, поэтому интеллектуальная эксклюзивность требует для своего поддержания существенно бóльших и, я бы сказал, других усилий.** Мы должны заинтересовать детей, конкурируя при этом с интернетом (или беря его в союзники), компьютерными играми и другими, самыми разными развлечениями, которых раньше не было. Но мы как-то с этим справляемся, и, наверное, это свидетельствует о том, что мы детям интересны.

Тем не менее надо понимать, что обучение в нашей школе — определенный и не очень простой выбор. Вот, допустим, на улицах висят плакаты: один герой весь такой спортивный в гимнастическом зале, а другой — перед телевизором с бутербродом. Мы находимся примерно в том же самом положении: учиться здесь — это все равно, что ходить в гимнастический зал. Ты понимаешь, что это хорошо, полезно, но это, в общем, тяжело.

Поле боя с нашими «конкурентами», которых я перечислил, — это каждый конкретный ребенок. И бывают дети, с которыми мы эту конкуренцию проигрываем. **А выигрываем мы потому, что мы стараемся общаться с детьми, потому что при всем многообразии возможностей у сегодняшних детей в дефиците простое человеческое общение.** Они все увешаны гаджетами, все у них хорошо, но обычного общения у них гораздо меньше. И когда они

приходят сюда и видят, что с ними общаются учителя и сверстники, что здесь коллективно что-то делают, это для них серьезная мотивация, которая им помогает.

У нас достаточно сильные традиции внеурочного общения — это наши походы, трудовые лагеря, экскурсии и прочее, то есть **мы стараемся, чтобы учитель для учеников был прежде всего человеком, а уже потом учителем. Учитель — это функция, и она не на первом месте.** Судя по всему, дети это ценят. Часто у них в жизни недостаточно значимых взрослых, и мы этот пробел восполняем.

ШКОЛА — ЭТО ТЕРРИТОРИЯ НЕФОРМАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Проблемы у школ, которые являются замкнутыми системами, сообществами, у школ, подобных нашей, начинаются тогда, когда эта система видит в окружающем мире врагов, когда в ней возникает психология осажденной крепости: мы должны все делать тихо и между собой разбираться, потому что кругом враги.

Я не считаю, что это правильная позиция и стараюсь сделать так, чтобы мы не были осажденной крепостью. Добро пожаловать к нам! Посмотреть — сколько угодно, поговорить с детьми — на здоровье, снять телевизионный репортаж — да, конечно. И, разумеется, **мы стараемся воспитывать детей в том духе, что сам факт обучения в этой школе не дает им никакого права считать, что они чем-то лучше других.** Это неоднократно подчеркивается, и зачастую мы их достаточно жестко опускаем на землю. Например, я отругал своего собственного племянника, когда он пытался задаваться в общении со своими сверстниками, потому что он учится в 239-й. И, с одной стороны, да, мы гордимся тем, что принадлежим к этой школе, но с другой — это не дает нам оснований считать, что мы чем-то лучше, чем наши соседи.

Наша цель, главная задача нашей работы — воспитать, прежде всего, порядочного человека, порядочного во всех смыслах, в том

числе и в профессиональном. И, конечно, следом за этим идут предметные качества — наш выпускник должен быть в достойной степени обучен по всем предметам.

У математики, да и вообще у науки, большой воспитательный потенциал. Если рассказывать ее не как сборник фактов, а как драму идей, то сразу возникают вопросы порядочности, чести и множество других проблем, напрямую связанных с понятием нравственности.

Например, были люди, у которых была гипотеза, они долго-долго ее защищали, потом обнаружили, что она неверна, и имели мужество в этом признаться.

И наш выпускник Григорий Перельман[1] отказался от миллиона вовсе не потому, что он блаженный, а потому что он сказал: «Наряду со мной должен быть награжден Гамильтон». Институт Клэя ответил: «У нас предусмотрена премия только для одного». — «Тогда я ее не возьму, потому что должно быть так». Мы стараемся, чтобы это было именно так, чтобы люди понимали вклад других и учились быть благодарными. В этом воспитательном смысле незаменим туризм. К сожалению, просто сходить в поход становится все сложнее и сложнее, потому что в заботе о благе детей их начинают заворачивать в вату. И, как правило, родители-то все «за», но начальство... Да, дети должны ехать в хорошем автобусе, это правильно, но где мы найдем в Карелии хороший автобус? Его там нет. Значит, в поход по Карелии мы не идем. Плюс это все сопровождается таким количеством бумажек, что в какой-то момент хочется плюнуть и отказаться. Учитель летом тратит свой отпуск на то, чтобы идти с детьми в поход, так можно он за это не будет еще подписывать сто тысяч бумажек? Пока мы держимся, но...

---

[1] Григорий Яковлевич Перельман (род. 1966) — российский математик, доказавший гипотезу Пуанкаре, являющуюся одной из семи математических «Задач тысячелетия», за решение каждой из которых математическим институтом Клэя предложено вознаграждение в 1 млн долларов США. Гипотеза Пуанкаре — единственная решенная на сегодня из «Задач тысячелетия». Присужденную ему премию Григорий Перельман не принял.

Наши походы — это не только общение и воспитание, это, конечно же, еще и образовательный эффект. Здесь всё вместе, и не надо это разделять. Образование — это всегда обучение плюс воспитание. Мы не можем определить, в какой степени те же наши походы стимулируют то, а в какой степени — это. Все сказывается на всем. И выясняется, что если наши ученики приличные люди, то они и хорошо учатся. Всегда есть дети, которые учатся без проблем, и есть те, кто учится с проблемами. Можно упираться и помогать им решать эти проблемы, а можно пустить все на самотек. И в решении этого вопроса приличность, порядочность играет определенную роль. **К счастью, школа — это территория неформальных отношений. Невозможно это зарегламентировать, потому что тогда исчезнет вообще все. Ну и потом, наша школа далеко не для всех, в том числе и способных к математике, является лучшим местом — это тоже надо понимать. Чтобы чувствовать себя здесь на месте, надо попасть своими выемками в наши колесики.**

НАШИ ВЫПУСКНИКИ — НЕ ТОЛЬКО МАТЕМАТИКИ. И ЭТО ХОРОШО

Мы не ставим себе целью выпускать ученых, физиков и математиков. Наш ежегодный выпуск — это 200 человек, а науке не нужны разом 200 человек. Но хорошее физико-математическое образование никому не мешает, а, наоборот, помогает. Поэтому к нам прекрасно идут. Будет хороший инженер — отлично, будет программист — чудесно... У нас нет установки, что все наши выпускники должны стать великими учеными. Кому на роду написано, тот и станет.

Не помню, какой актер говорил сыну: «Если ты можешь не быть актером, не будь им». Здесь то же самое: если можешь не быть ученым, не будь им. У меня в классе есть ребенок, который не может не быть ученым, он решает эти задачи просто потому, что ему хочется, — это бывает, — и остальное для него наверчено вокруг этого.

Олимпиады, не олимпиады — он в них участвует, выигрывает, но он решает задачи не для олимпиад, а потому, что ему хочется. Наши ученики — порядочные дети и хорошие специалисты, и этого для нас достаточно. У нас довольно много выпускников, не имеющих отношения к специализации школы, — например, артистов: Борис Гребенщиков, Алиса Фрейндлих, Ольга Волкова, Андрей Толубеев, братья Харитоновы... Кстати, почему это произошло? Потому что в школе был драмкружок, который вела Мария Призван-Соколова, замечательная актриса Большого драматического театра, ну и благодаря ей они все туда и отправились. Три учителя литературы, которые сейчас у нас работают, — наши выпускники, пошли после школы на филфак. Сейчас, надеюсь, присоединится четвертая, заканчивает четвертый курс. Так что далеко не все наши выпускники — математики. И мы даже рады этому.

Учитель математики в лицее «Физико-техническая школа». Заместитель директора по общим вопросам. Почетный работник общего образования РФ. Стипендиат Алферовского фонда[1] с 2002 года. Лауреат Корчаковской премии[2] 2002, 2007 и 2016 годов. Лауреат конкурса фонда «Династия»[3] в номинациях «Учитель, воспитавший ученика» (2004, 2010, 2013), «Наставник будущих ученых» (2008). Победитель конкурса лучших учителей в рамках Приоритетного национального проекта «Образование» (2012). Соавтор учебников по математике для профильных классов.

КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВИЧ СТОЛБОВ

[1] Алферовский фонд — фонд поддержки образования и науки, учрежденный лауреатом Нобелевской премии по физике академиком Жоресом Алферовым.

[2] Корчаковская премия — премия, которой награждаются сотрудники лицея ФТШ. Названа по фамилии известного польского педагога, врача, писателя и общественного деятеля Януша Корчака (1878–1942). Премия присуждается любому сотруднику ФТШ (учителю, администратору, техническому работнику), постоянному или временному, за отношение к ученикам, которое могло бы быть примером как для других сотрудников, так и для учащихся.

[3] Фонд «Династия» — частный некоммерческий фонд, созданный в 2002 г. Д.Б. Зиминым с целью поддержки науки и образования в России. В рамках программы Фонда по поддержке преподавателей физики, математики, химии и биологии проводился ежегодный всероссийский грантовый конкурс учителей. Фонд «Династия» был закрыт в 2015 г.

ГЛАВНОЕ, ЧЕМУ ДОЛЖНА НАУЧИТЬ ШКОЛА

Одно из качеств, которое, может, и не обязательное для современного человека, но очень полезное, — высокая организованность. Если у ребенка есть внутренняя организованность, то это очень помогает, и он может свернуть горы. У нас в школе учится чемпион города по триатлону. Он ежедневно плавает в 7 утра перед уроками, кроме того, у него постоянные тренировки по бегу, велосипеду... Спорт отнимает много времени, но при этом он один из лучших учеников в классе. Однажды во время нашей беседы он сказал: «У меня весь день расписан буквально по минутам. Я с вечера прикидываю следующий день и понимаю, что буду делать в каждые полчаса. Иногда я вижу, что у меня падает продуктивность, поэтому мне нужно днем поспать, и у меня есть в расписании полчаса на дневной сон». Если днем пройти по коридору верхнего этажа нашей школы, то можно видеть, как он спит эти полчаса прямо в зеленом уголке. Наверное, такая способность к самоорганизации, к концентрации идет из семьи, но и ребенок должен быть определенного характера, и школа может помочь, поддержать, направить.

Еще один важнейший навык для нашего времени — это умение приспосабливаться к меняющимся обстоятельствам. Есть известный ролик Google, в котором говорится, что тех дисциплин и профессий, которые будут через 10 лет, сейчас еще просто не существует, они неизвестны. И знания, которые будут нужны, пока тоже не преподаются. Возможно, тем ребятам, которые сейчас пошли в восьмой класс, в конце студенчества придется изучать что-то такое, по чему сейчас вообще нет курсов. Поэтому им нужно уметь приспосабливаться, чтобы и по окончании института они были способны учиться и переучиваться. На моих уроках мы разговариваем на эту тему с ребятами, о том, что это значит — уметь учиться, как этого достичь, обсуждаем приемы и методы, которые помогают в этом направлении.

Все важнее, на мой взгляд, становятся социальные навыки — умение общаться с другими людьми, коммуникабельность, лидерские качества. Наши ребята лет шесть назад ездили с другими

школьниками на так называемое погружение — когда они объединяются в группы, общаются друг с другом и делают совместные проекты. Это длилось четыре дня, у них была экономическая игра — город, они строили фабрики, торговали и так далее. И выяснилось, что, когда там были техническо-математические задачки, наши ребята были безусловными лидерами, все придумывали лучше всех, но когда нужно было общаться, коммуницировать, договариваться, то они далеко не всегда были на передних позициях. Более того, часто им это было сложно. Навыки общения — проблема многих одаренных школьников, и мы стараемся помочь ребятам их развить. И, кстати, этому очень способствует атмосфера школы. У нас нередко учатся ребята с расстройствами аутического спектра, и для нас крайне важно создавать этим ребятам как можно больше возможностей для того, чтобы проявлять себя и развиваться. Также важно воспитать у других детей толерантность по отношению к ним. Не скажу, что школа этим занимается целенаправленно, но это входит в систему ценностей школы. **Например, у нас, учителей, есть негласное правило, что если в классе пытаются травить какого-то ребенка (это бывает очень редко), то каждый учитель на это реагирует мгновенно и жестко, потому что никто из учителей этого не приемлет.**

У нас учится очень способный мальчик, который участвует в олимпиадах самого высокого уровня. У него серьезные сложности с общением. И его родители рассказывали, что на форумах в интернете, где обсуждаются ребята с такими проблемами, им все говорили, что он не сможет учиться ни в обычной, ни в физматшколе. В итоге наша школа — единственная, где он может учиться. И это, на мой взгляд, одно из наших самых больших достижений.

ИЗ ЧЕГО СКЛАДЫВАЕТСЯ АТМОСФЕРА ШКОЛЫ

Иногда очень сложно определить, что такое эта самая «атмосфера школы», из чего она складывается, и вроде бы все понимают, о чем речь, а когда начинают формулировать, то никто не может

дать определение. Главное ее свойство — она неизмеряема. Хотя, наверное, если выпускники возвращаются в школу работать, то это некий критерий, которым можно оперировать.

Основное непременное качество атмосферы — в той школе, где она есть, ученику прежде всего комфортно. Есть, например, так называемые ботаники, которые часто выпадают в социальном плане. В школах с атмосферой таким учиться комфортно и престижно в самом хорошем смысле слова: ученики чувствуют себя молодцами, оттого что много учатся, а не «белыми воронами». В таких школах транслируется мысль, что много заниматься — здорово, что тот, кто это делает, многого достигнет, и это хорошо, это круто.

Вторая составляющая атмосферы — это отношения между ребятами и учителями, точнее, и учителями, и выпускниками, и студентами, и преподавателями как уроков, так и спецкурсов. У учеников таких школ общение с преподавателями происходит на значительно более короткой дистанции, чем во многих школах. Сокращенная дистанция — это не самоцель, и она не подразумевает панибратства, это, если говорить об уроке, возможность свободно высказывать свое мнение. Наши учителя литературы говорят, что если ваше мнение не совпадает с нашим — это нормально и хорошо, совершенно необязательно, чтобы оно было таким же. На математике тоже принят общий тезис, что все ошибаются, и учителя тоже, поэтому давайте разговаривать, обсуждать, спорить и прочее. И более короткая дистанция совершенно не отменяет уважения учеников к учителям. Наш Владимир Борисович (учитель химии Владимир Борисович Воловик. — *Прим. ред.*), например, замечательно где-то в коридоре или на турслете общается с ребятами, они любят очень беседовать с ним у костра, и байки он травит всякие, и анекдоты рассказывает, и прочее, но на уроке у него тишина. Это и есть уважение.

У меня в классе висят две цитаты. Одна: «Научить нельзя, научиться можно». Ребята приходят, читают: «А как это так? Почему научить нельзя?» Смысл этой фразы приходит к ним не сразу, но одна из моих целей — чтобы за четыре года они научились понимать,

о чем здесь говорится. Рядом более простая фраза Эйнштейна, хотя она на самом деле о том же: «Я никогда не учу своих учеников, я лишь создаю условия, в которых они могут учиться». И, на мой взгляд, действительно очень важно создавать эти условия, важно заинтересовывать.

Школа в идеале должна дать ученику возможность испытать чувство дружбы, типичный пример — пушкинский лицей. И очень здорово, если они чувствуют эти отношения внутри коллектива и если у них есть ощущение дружбы с кем-то из учителей. И второе важное — умение учиться, не конкретные знания, а умение и желание учиться. И я даже не берусь говорить о том, какая из этих двух вещей важнее.

ШКОЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ ВАЖНА ДЛЯ ОБЩЕГО РАЗВИТИЯ РЕБЕНКА

На мой взгляд, родители — очень важные участники учебного процесса: они же самые близкие люди наших учеников, более всего определяющие их воспитание, образовательные возможности. Поэтому, во-первых, к ним необходимо прислушиваться — по крайней мере я в своей работе стараюсь всегда это делать. И во-вторых, они имеют право высказывать свое мнение об учебном процессе, о его организации, в каком-то смысле выступать в роли заказчика.

Когда я был классным руководителем, я всегда приветствовал участие родителей в жизни класса. Но тут есть важный момент: ребята тоже имеют определенные права, в том числе на свою отдельную жизнь, если они хотят, например, общаться со сверстниками и учителями без родителей. Поэтому, если родитель говорил: «Я хотел бы поехать с вами в поездку», то я всегда прежде всего подходил к ученику: «Как ты отнесешься к тому, чтобы твоя мама поехала с нами?» Если он радостно отвечал: «Да-да, конечно» — пожалуйста,

и мы очень рады. Но если он начинал: «Ну, вы знаете...», то я максимально мягко старался отговорить родителя от этой затеи. Я никогда не говорил напрямую: «Ваш ребенок не хочет, чтобы вы ехали, давайте налаживайте отношения со своим ребенком, потом приходите». Говорил, что предполагается учебная поездка, приводил какие-то другие аргументы, хотя кому-то можно объяснить все как есть, ведь все разные. Надо понимать, что родители — очень заинтересованные участники процесса, поэтому в общении учителя с ними всегда должна присутствовать некая доля психотерапии.

У учителей есть, безусловно, обязанности в отношении родителей — например, мы обязаны предупредить родителей, вызвать, поговорить, если у ребенка вырисовывается двойка. Кроме того, бывает, что родители волнуются, особенно поначалу, и можно, и нужно с ними говорить, что-то объяснять. Но ежедневно поддерживать контакт с родителями, я считаю, необязательно. У родителей и учеников тоже есть определенные обязанности. И когда родители ко мне обращаются с вопросом о домашнем задании, я говорю, что все есть в электронном журнале или сообщаю, что это та вещь, которую, на мой взгляд, ребенок вполне может сам узнать и сделать. Очевидно, что нам с родителями не нужно быть посредниками, например, в узнавании домашнего задания для одиннадцатиклассника.

Если родитель ставит целью вырастить победителя олимпиад и получить кучу медалек, то, это, конечно, не очень хорошо. Такое бывает, и таких ребят мы сразу видим. Если в это вкладываются все силы и это становится единственной целью, если родители говорят: «Мы выращиваем чемпиона», это на ребятах часто не очень хорошо сказывается — у них появляется узкая направленность, они становятся олимпиадо- и результатозависимыми, что плохо.

Мы стараемся проводить с такими родителями беседы, объясняем, что не едиными победами в олимпиадах жив человек, что олимпиады скоро закончатся, и потом у ребенка будет другая жизнь,

ему понадобятся другие навыки, и прочее. Мы стараемся помочь родителям осознать, что есть множество вещей, в которых ребенок может быть успешен. **Я уверен, что и в физматшколах важна не только учеба, знания и олимпиады, но и очень важно познакомиться мальчику с девочкой, потому что это тот самый возраст, когда это все происходит.** И если он весь в учебе до одиннадцатого класса, а другая сторона жизни от него далека, то это приведет к проблемам впоследствии. Я как учитель стараюсь иногда делать скидки, если у ребенка счастливая или несчастливая любовь и он в какой-то локальный период времени перестал делать домашние задания или стал хуже их выполнять. На мой взгляд, учитель, как и родитель, должен отнестись к этому с пониманием, потому что это вещь, важная для общего развития ребенка.

Учитель английского языка в лицее №1535. Заместитель директора лицея по управлению содержанием и контролю качества образования по иностранным языкам. Эксперт ЕГЭ (говорение, письмо) с 2007 года. Почетный работник общего образования Российской Федерации. Автор статей и учебных пособий по английскому языку.

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА ХОТУНЦЕВА

КАК ШКОЛА ПОМОГАЕТ РЕБЕНКУ БЫТЬ УСПЕШНЫМ?

Очень сложно сказать, какие качества формирует у ребенка школа, — ведь нет же такого, что его сюда сдали, а потом получили назад. Развитие ребенка — это обоюдный процесс, в котором участвуют и школа, и семья.

Успешен, наверное, тот, кто себя принимает. Успешность — это когда ты не комплексуешь по поводу того, что не поступил в институт, как Вася, у тебя нет троих детей, как у Маши, машина не «Лексус», как еще у кого-то... Ты знаешь, что у тебя есть это, это и это — и благодарен за то, что у тебя это есть. Можно себя бесконечно сравнивать и огорчаться, а можно иметь то, что есть, и быть счастливым. И школа, безусловно, может помочь человеку овладеть этим качеством — если учитель занимается с детьми не только предметом. Если он решает с ними задачи, пишет грамматические упражнения (это тоже задачи), а в конце урока говорит: «Так, сдали тетради, до свидания, все, я пошла заполнять журнал», то этого дать, конечно, невозможно. Но если мы в понятие «школа» вкладываем развитие, воспитание, наставничество, — тогда школа в какой-то степени должна способствовать становлению этой успешности. Для этого в школе есть и система внеклассных занятий, где ребенок может проявить себя, и те же кураторы организуют свою деятельность в классе так, чтобы ребенок, кроме учебы, еще где-то себя мог показать, самоутвердиться. Это целый комплекс действий и мероприятий.

ПОМОГИТЕ ДЕТЯМ СОСТОЯТЬСЯ

Если бы у меня была возможность обратиться ко всем родителям и сказать им что-то важное, я бы сказала так: «Любите их такими, какие они есть». Потому что ребенок — это дар божий. Если он есть, то надо его любить и принимать. Мне кажется, каждый приходит в этот мир с чем-то уникальным, и главное — дать ему в этом состояться, а не впихивать в него то, что вам кажется нужным. Где-то ребенка

действительно надо поддержать, но в определенных пределах. Я видела, как папы — мне особенно нравятся папы в этом отношении — любят своих девочек. Когда моя старшая дочь училась в нашем лицее, мне запомнилась одна девочка — по-моему, ее звали Соня, — она была такая принцесса-принцесса, выступала на каких-то концертах. Причем она была принцесса, по моим впечатлениям, в плане развития и талантов среднестатистическая, но папа каждый раз на этих концертах готов был просто взять эту принцессу на руки и понести. Я думаю, что это правильно. Ей будет хорошо в жизни, потому что у нее сформирована самооценка, что она достойна этого папы, он ее любит, и, наверное, мама ее любит. И, я уверена, у этой девочки в жизни все сложится. В отличие от ситуаций, когда ребенок приходит и говорит: «Пожалуйста, не пишите замечание, потому что папа дома так кричит, мы очень боимся», «Пожалуйста, не говорите родителям, что я получил четверку, а не пятерку, потому что папа...» Таким детям я, конечно, очень сочувствую.

Ребенок должен чувствовать, что, несмотря на его провалы, вы не будете его отторгать. Мы не знаем, с чем он столкнется в жизни. И в любой ситуации, даже в самой критичной, он должен понимать, что за его спиной есть тыл. Конечно, если он станет преступником, вы, безусловно, выскажете ему свое отношение. Но, мне кажется, если ребенка с детства любят и демонстрируют ему это, такого с ним не случится. Я не призываю делать из детей божества — я предлагаю их просто любить, а любовь предполагает, что когда-то ты его похвалил, а когда-то и поругал, но так, чтобы он все равно эту любовь чувствовал.

Я, наверное, сама ненормальный родитель и стараюсь своих детей не то чтобы вести или подталкивать, но по крайней мере направлять в правильную сторону. Но здесь надо помнить об умеренности этого направления. Конечно, в 7 лет, в 10 и даже в 15 ребенок сам еще чего-то не знает, и если родитель может ему помочь с ориентиром, просто показать, что и где есть, поддержать, подтолкнуть чуть-чуть вперед — по-английски это называется pushing, — чтобы ребенок пошел и попробовал, я считаю, что в этом ничего плохого

нет. Плохо, когда родители начинают в полной мере реализовывать свои амбиции через детей. Такое у нас в лицее случается. Иногда ребенок уже зеленый, смотришь на него и понимаешь, что ему бы поспать, погулять и поесть, а мама его записала в 54 секции, у него 10 репетиторов, занятия каждый час, и ребенок уже просто не соображает. Как показывает практика, это может давать результат, но цена вопроса — это то, кем он в результате становится, а часто это зажатый, закомплексованный неврастеник, у которого нет времени на общение. Поэтому, конечно, во всем нужна умеренность. Лицей старается участвовать в решении этих вопросов, и, если мы видим, что есть перекос, перебор, мы можем что-то посоветовать родителям. Но захотят ли прислушаться к нашим советам — это вопрос. Мы же не можем категорически сказать: «Прекратите». Это их выбор, и все родители считают, что они действуют во благо своих детей.

ХОЧЕШЬ НАУЧИТЬСЯ ПЛАВАТЬ — НЕ ХОДИ ПО БЕРЕГУ

То, чему школьники учатся на уроках иностранного языка, — это вопрос выбора фокуса: на что учитель обращает внимание прежде всего. Если учитель уделяет основное внимание чтению текста вслух, переводу и выполнению грамматических упражнений, то, конечно, дети после этого не начнут говорить.

Во ФГОСах и программах заложен коммуникативный подход к обучению английскому языку. Но можно придумать прекрасную сказку, а рассказывать ее каждый будет по-своему.

Подготовленность педагога и осознание им того, чему надо учить, целеполагание — это главный фактор, от которого зависит, научится ребенок говорить на иностранном языке или нет.

Если учитель понимает, что надо учить не только грамматике и чтению, а всем коммуникативным умениям (их целый комплекс — говорение, аудирование, чтение, письмо), то при планировании уроков

будет выбирать различные технологии и формы работы для реализации этих задач. С моей точки зрения, языковые умения (лексика и грамматика) — это кирпичики иностранного языка. Я сейчас обрабатывала анкеты поступивших в наш лицей, там есть такой вопрос: по каким программам вы дополнительно занимались? Родители через одного пишут: учебник Round-Up. Это не программа — это учебник по грамматике. Если ребенок проштудировал с репетитором учебник по грамматике, это значит, что ему дали эти кирпичики. Но если его не научили строить дом из этих кирпичей, он не будет ни говорить, ни слушать, ни слышать, ни писать. Потому что дом — это продуктивная речь, это говорение и письмо. Грамматику штудировать проще, чем учить говорить, особенно в системе репетиторства, особенно если у учителя большая нагрузка. Об этом тоже не надо забывать. У учителей сейчас великая нагрузка. Я считаю, что если у учителя иностранного языка нагрузка больше 18 часов в неделю, то уже качества никакого нет. Если дать ему 30 часов, он сядет с детьми, откроет учебник и начнет читать тексты и делать грамматические упражнения, и больше ничего — никакого говорения, никакого письма, никакого развития личности. Возможно, не потому, что не хочет. Срабатывает инстинкт самосохранения: вести с полной отдачей 6–7 уроков подряд, да еще в разных параллелях — это огромная психоэмоциональная нагрузка.

Знать и узнавать грамматические структуры в текстовом материале, владеть определенным запасом лексики, уметь прочитать текст вслух — это первая ступень владения языком. А следующая ступень — когда ученик может употребить эти лексику и грамматику в устной речи. В русском языке то же самое — можно выучить, что «жи/ши» пишется через «и», но от этого вы не начнете красиво говорить.

Продуктивные умения говорения и письма нужно уметь развивать и хотеть развивать. Нужна постоянная практика. Если хочешь научиться плавать — иди плавай, не ходи вокруг бассейна или по берегу. Здесь то же самое: хочешь научить говорить ребенка — говори с ним, хочешь научить писать — пиши с ним.

ПУСТЬ ГОВОРЯТ С ОШИБКАМИ, НО ГОВОРЯТ

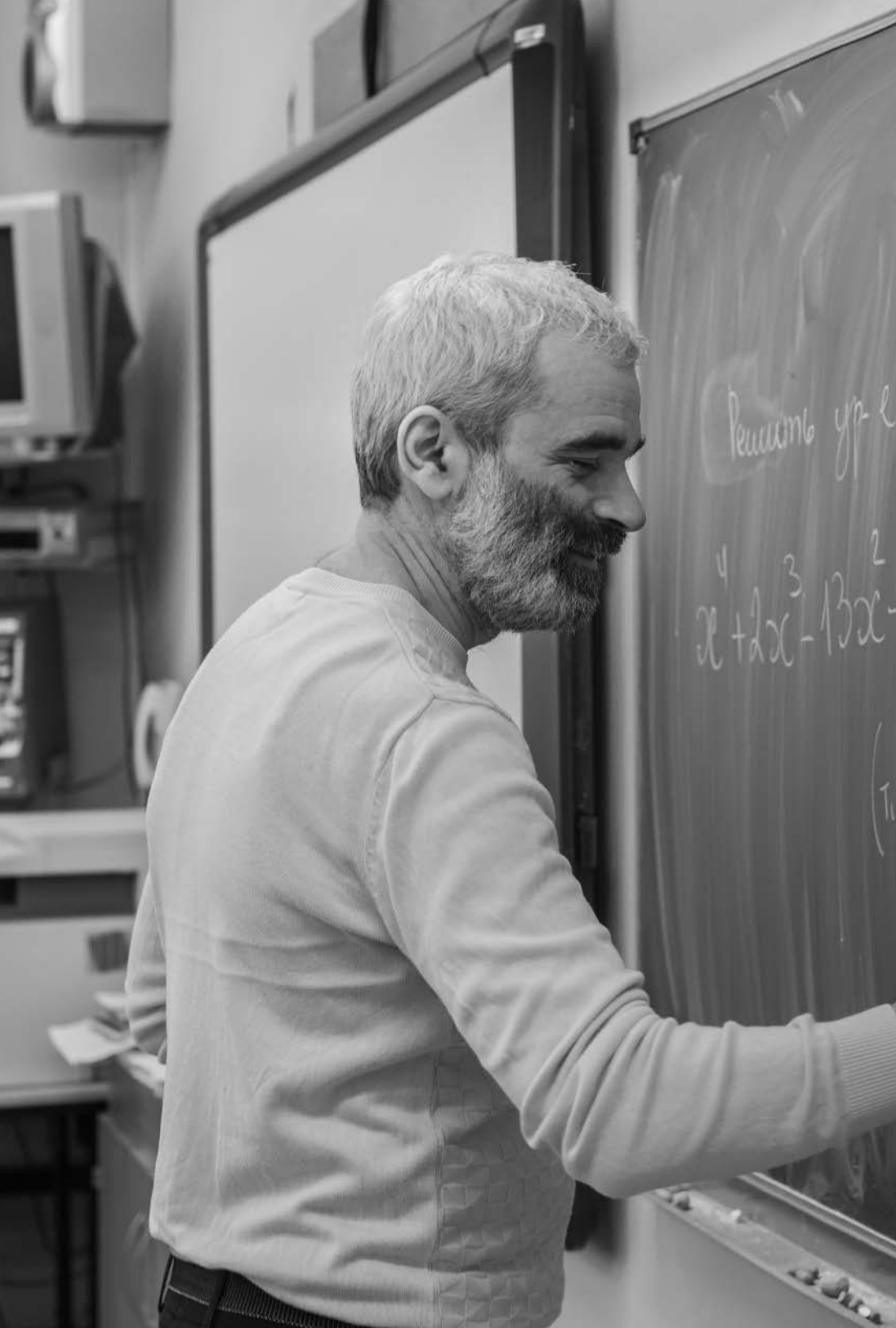
Зажатых детей, которые боятся на уроке иностранного языка слово сказать, сейчас все меньше и меньше. Говорят почти все, просто они говорят по-разному. У тех, кто имел больше возможностей куда-то поехать, повариться там, у ребят, которых родители отправляли учиться за границу, конечно, и произношение другое, и беглость речи гораздо бóльшая. У меня сейчас группа в восьмом классе, и я прямо вижу эту разницу между теми детьми, которые выезжали, и теми, кто нет. Это не значит, что у вторых все плохо, нет, — поскольку мы на уроке все равно говорим, они слышат другие примеры и потихоньку тоже выправляются. Те, кто ездят, могут в речи делать кучу ошибок и совершенно не переживать по этому поводу. И это, кстати, правильно. Если вы сейчас выйдете на улицу и послушаете, как говорит народ на нашем родном языке, вы увидите, что все говорят с ошибками, но, слава богу, никто по этому поводу не комплексует. И мы поощряем детей, чтобы они говорили, в том числе с ошибками. Если у нас урок по домашнему чтению, где все построено на обсуждении, мы их вообще не перебиваем, не поправляем. Но это не значит, что ошибки игнорируются. Пока ребенок говорит, я сижу и записываю то, что нужно проработать, — правда, они уже об этом знают и следят: «Елена Александровна, подождите, я еще раз это скажу, вы не записывайте». Я отвечаю: «Да ладно вам, я записываю, чтобы потом с вами это обсудить». В конце выступления я прошу: «Скажи еще раз вот это слово или предложение». А если я все время буду лезть, перебивать, то никакого обсуждения не состоится, они будут сидеть и трястись, что я сейчас им еще и двойку поставлю.

САМОЕ СЛОЖНОЕ

Самая сложная ситуация за все время работы у меня была, когда от наркотиков погиб мальчик, который уже учился в другой школе, но до этого был у нас, мы хорошо его знали. Это был шок для

ребят, с которыми он учился, они были на похоронах. Это был шок и для нас, учителей. К нам тогда пришло осознание, что, несмотря на то что к нам приходят хорошие и умные дети, мы ни от чего не застрахованы. Мы это воочию увидели тогда в первый раз, и я поняла, что это такая беда, что уберечь ребенка очень сложно, в том числе и родителю. Это было страшное понимание, что ты тут абсолютно бессилен и твой родительский авторитет ничего не стоит, и ты как учитель ничего не стоишь, что-то из серии «против лома нет приема». Именно тогда, в ответ на эти звоночки, мы с Ириной Алексеевной Петрущенковой, тоже учительницей английского языка, начали благотворительный проект. Мы попытались детям показать, что есть другая сторона жизни, что есть люди, которым действительно плохо и которые борются за жизнь, а вы так легко готовы распорядиться своей жизнью.

Для ребят участие в благотворительности — это не только возможность помочь, но и возможность самореализоваться, потому что участник должен сам что-то сделать для аукциона, для ярмарки. Но это тоже не панацея. Видимо, надо делать что-то на государственном уровне. А мы сами решить эту проблему не можем, мы беспомощны. Мы не можем проверить все помойки, куда кладут эти «закладки» и «марки», и дети легко могут себе купить, что хотят, через интернет. К сожалению, это так, и интересная, насыщенная жизнь с любящими родителями и хорошей школой — это не гарантия. Во все времена что-то похожее было. Я росла в Советском Союзе, тогда было плохо пить и курить. Но где-то в компании тебе предлагали сигарету, и ты почему-то не отказывался, то же самое и со спиртным. Сейчас аналогично все происходит. Несмотря на то что дети продвинутые и все такое, они в чем-то очень наивные, им можно всучить какую-то дрянь, и им в голову в этот момент не придет почитать в интернете, что им подсунули. Я пока так и не поняла, как можно противостоять всему тому, что сейчас в доступе у наших подростков. Я понимаю, что даже здесь, в лицее, мы от этого не застрахованы, и пока не вижу панацеи от этой беды.



Учитель математики в школе «Летово». Заведовал кафедрой математики школы «Интеллектуал». Имеет два высших образования, математическое и филологическое. Руководил летними и зимними многопредметными школами. Автор задачников, методических пособий для учителей, составитель заданий для олимпиад школьников разного уровня. Автор книги стихов «Савельич и ласточка». Отец троих детей.

ДМИТРИЙ ЭММАНУИЛОВИЧ ШНОЛЬ

ШКОЛА НАРУШАЕТ ГРАНИЦЫ

Одна из основных проблем нашей школы связана с границами, вернее, с неумением их выстраивать и соблюдать. У нас плохо определены границы ответственности — за что отвечает учитель, за что ученик, за что семья.

По моему мнению (как отца и как учителя), вся школьная жизнь ученика, включая его домашние задания, является сферой его личной ответственности. Не семьи, не родителей, не бабушки — это ответственность ребенка, его отдельная жизнь. И так должно быть прямо с первого класса, с шести-семи лет. Если ребенок хочет, он показывает эту часть жизни родителям, не хочет — не показывает. Просит помощи, если нужно, или не просит, если считает, что сам справится. А такого, что часто бывает в наших школах, когда на первом же родительском собрании учитель говорит: «Мамы, запишите, что мы изучаем», — такого быть вообще не должно. При чем тут мамы? Учитель — профессионал, он должен дать ученику такое задание, с которым тот справится самостоятельно. Если учитель не смог сделать так, значит, нужно дать другое задание. А мама — мама должна прийти с работы и быть свободной от уроков своего ребенка.

Но есть и обратная проблема — желание родителей контролировать домашние задания детей, даже когда те уже в седьмом, восьмом классах. «А что нам задали?» — спрашивают такие родители.

Вам — не задали ничего. Задали вашему сыну, дочери, которым надо попробовать все возможности — пробалбесничать месяц, получить свой результат, исправить его, не смочь исправить, найти помощь, не найти. Это же все очень важные ситуации, которые ребенку надо проиграть, пока он в школе. Чтобы впервые не столкнуться с такими проблемами на работе, когда по каким-то причинам он сорвет дедлайн, а ему скажут: «Вы нам больше не нужны».

Тут есть два важных аспекта.

С одной стороны, школа вмешивается в семейную жизнь, потому что если задания непосильные, то все, о чем говорят мама или папа с ребенком, — это «Как у тебя там с домашними заданиями?». Больше не о чем разговаривать — нет на это времени, есть только детский страх и общее утомление. Школьное поле распространяется внутрь семьи. Это надо пресекать на корню. **Если школа устроена так, что она залезает в семью, — значит, там завышаются требования, значит, зачем-то во втором классе там изучают то, что полагается учить в четвертом. Или, возможно, просто этому конкретному ребенку не подходит такая нагрузка. В любом случае — не нужно отдавать ребенка в эту школу.**

Но есть и обратная вещь. До определенного возраста действительно нет четкой границы между мамой и ребенком, есть «мы». И если до двух лет мама говорит «мы поели», а в шесть, возможно (и хорошо бы) «мы обсудили и решили пойти в кино» — это понятно. Но как только в жизни ребенка появляется школа, он начинает набирать важный опыт отдельной, ответственной жизни, и взрослые должны построить здесь очень четкую границу, отделить его и отделиться сами. Понятно, что ребенку страшновато, особенно, если он перфекционист или чувствует, что семья ждет от него только высоких достижений. Но все равно отделение — вещь важная и необходимая. Во-первых, потому что это высвобождает родительские силы и время. Во-вторых, потому что основная цель школы — сделать так, чтобы ребенок научился что-то делать сам, отвечал за это, сам себя организовывал.

Другой вопрос — как школа этому учит, какой подход выбирает: идет маленькими шажочками или обрушивает на детскую голову весь объем ответственности разом. Но это отдельная история, а я сейчас говорю о родительской позиции.

Если родитель на собрании получает кучу указаний о том, что он должен делать с ребенком (организуйте, проверьте...), значит, со школой что-то не в порядке. Почему родитель должен контролировать школьную жизнь ребенка? Это совершенно не его обязанность,

более того, я убежден в том, что это очень вредно и опасно. Бывают редкие случаи — пару раз я такое наблюдал, — когда маме с ребенком в удовольствие обсуждать что-то из заданного, например, как писать сочинение. Но даже тогда это не должно быть маминой ежедневной обязанностью.

У работающих родителей есть в лучшем случае 2–2,5 часа вечером на общение с детьми, и жалко тратить их на то, что связано не с общей семейной жизнью, а со школьной жизнью ребенка. Ведь было бы странно, если бы мама каждый вечер два с половиной часа подробно рассказывала сыну или дочери, что у нее там на работе. Это драгоценное время лучше потратить на другое. Когда ребенку семь лет, можно почитать вместе книжки, которые в девять уже вместе не почитаешь, можно обсудить что-то, что потом тоже уже не обсудишь.

Школа и так съедает почти все время ребенка, почему же она должна претендовать и на его общение с самыми близкими людьми? Поэтому и уроки, и домашние задания должны быть сферой ответственности ребенка, а вместе лучше заниматься чем-то для всех интересным.

Когда я говорю, что в семье нужно общаться на темы, не связанные со школой, я, конечно же, не имею в виду, что надо вечером садиться нос к носу на кухне и два с половиной часа беседовать. Семейное общение — это не обязательно разговор, это просто совместная жизнь. Вот мама что-то поделала на кухне, потом пошла почитала какую-то свою книгу... Кстати, это очень важный опыт для ребенка, потому что в возрасте семи–девяти лет он засыпает в десять вечера и может вообще никогда не увидеть родителей читающими: вот они пришли с работы, позанимались с ним уроками, поужинали, уложили его спать, и в лучшем случае в полночь уставшая мама возьмется за свою книжку. А потом, когда детям исполняется 14 лет, на них жалуются, что они не читают — ну так ведь они никогда не видели читающих для своего удовольствия взрослых! А если мама сыну скажет: «Знаешь, я сегодня тебе читать не буду, у меня такой интересный роман,

я не могу оторваться, извини», — то это гораздо лучше, чем если она будет повторять ему, что надо читать, надо читать.... Кроме, прости господи, «воспитательного эффекта», это важно и для правильного баланса внутри семьи.

Я совершенно уверен, что правильная семейная установка такая: «родители прежде всего». На людях среднего возраста лежит огромный груз: ответственность, принятие решений, материальное обеспечение, дети, пожилые родители... Поэтому нужно в первую очередь поддерживать среднее поколение — если у него будут силы, то и вся семья будет в нормальном состоянии. Да, ребенок пообижается: он надеялся, что ему почитают сегодня «Хроники Нарнии», а не вышло. Но он такое легко переживет, а взрослым восстановиться труднее, и каждая возможность для этого — на вес золота. Но, разумеется, в каждой семье свой баланс и свои тонкие подстройки под состояние каждого.

РОДИТЕЛИ НАРУШАЮТ ГРАНИЦЫ

С другой стороны, есть общая проблема, которая много раз описывалась, проговаривалась, но я еще раз о ней скажу, потому что она никуда не делась.

Причиной отсутствия нормальной коммуникации между школой и родителями — частая в современной России история — является то, что родители всерьез считают свое мнение в области образования экспертным, а школа так не считает (иногда обоснованно, иногда нет). Поэтому найти общий язык бывает трудно.

У всех людей был ученический опыт, все видели, как работают учителя, и у многих возникает иллюзия, что они компетентны в вопросах школьного образования. Мало кому приходит в голову советовать заведующему больницей, как, к примеру, организовывать хирургическое отделение, но очень многие люди думают, что в школьных делах они понимают и поэтому к их советам о жизни школы в целом следует прислушиваться.

Прислушиваться, безусловно, необходимо — к обратной связи по поводу конкретного ребенка и его проблем. Если мама говорит: «Вы знаете, Петя то-то не успевает», — это отличный сигнал. Но часто мамы говорят другое: «Смените нам учителя, этот никуда не годится». Или: «А почему у вас такой учебный план? Мы хотим побольше русского и поменьше химии (или наоборот)».

При этом, как правило, в школе почти нет прописанных для родителей механизмов — как изменить даже что-то небольшое. Например, в расписании в один день стоит восемь или девять уроков, а в другой пять. Это неудобно, неправильно, и желание родителей сделать так, чтобы расписание было более сбалансированным, совершенно законно. Но очень часто абсолютно непонятно, что родителю делать, к кому обращаться, кто принимает решения, каким образом они обсуждаются и так далее.

Более широко — нет понимания, как и на что родительское сообщество может повлиять, а на что нет, что является предметом обсуждения и совместной выработки решений, а что абсолютная прерогатива профессионалов. Взять хотя бы классическое «смените нам учителя». В одних случаях это может быть действительно важным и необходимым решением. Но бывает и так: группа 14-летних подростков троллит учителя, потому что он что-то требует, а в параллельном классе другой учитель ничего не задает и ставит всем пятерки. Разумеется, родители видят ситуацию через рассказы детей, и их картина может кардинально отличаться от картины школьной администрации. Что в этой ситуации делать? Как родители могут повлиять на ситуацию? Всегда ли хорошо, если такое влияние у родителей есть? Как согласовать зачастую противоположные родительские желания: «дайте нам учителя построже» и «дайте нам учителя помягче»?

Проблема есть, и это не проблема отдельных конкретных школ, это проблема общекультурная: выработать язык таких обсуждений, прописать понятные и, главное, работающие правила взаимодействия, выстроить правильные границы и соблюдать их. Я думаю, это дело ближайшего будущего.

Учитель литературы в гимназии №1514. Почетный работник образования города Москвы. Учитель победителей олимпиад и всероссийских конкурсов. Автор работ по методике преподавания литературы, публикаций по теме образования.

РИММА АНАТОЛЬЕВНА ХРАМЦОВА

ЗАЧЕМ НУЖНЫ УРОКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Мне кажется, что многие споры вокруг школьного предмета литературы разворачиваются потому, что люди уравнивают значение литературы как вида искусства в жизни человека и роль литературы как школьного предмета. Школьная литература нужна, в первую очередь, не для того, чтобы, как считают некоторые, получать эстетическое удовольствие (хотя и это происходит) — для этого на уроке очень мало возможностей, а при имеющемся количестве часов — даже не часов, а учебных минут, — это очень редкая возможность. Урок литературы — это возможность научиться понимать другого. Это не моя мысль, но она мне так понравилась, что я приняла ее как свою. Когда я читаю текст, я должна понять то, что кто-то сказал. Он сказал это мне, он хочет, чтобы я его услышала и поняла, что он сказал, как он это сделал, почему он сказал именно так. Это очень трудно.

Я не знаю, где современные дети берут эту мысль — в детском саду, дома, от родителей, бабушек-дедушек, — но они приходят в школу с идеей, что писатель пишет для того, чтобы донести до нас какую-то мораль, чему-то научить. И мы своих учеников переучиваем, говорим, что он пишет для того, чтобы сказать: я так вижу, я так слышу, я так чувствую мир, который вокруг меня. **И научиться услышать этот другой голос плюс еще получить удовольствие, если получается, от этого интеллектуального усилия, действия по пониманию — это и есть задача. Конечно, этот предмет нужен вовсе не затем, чтобы воспитывать, это полная ерунда.** Мы и в литературных произведениях видим примеры, когда заданность, предсказуемость, стереотипность восприятия жизненных ситуаций, которые сформированы именно искусством и литературой, приводят к трагедии непонимания между людьми и иногда к жизненной трагедии. Это очень опасная точка зрения — считать, что литература учит жизни.

Я иногда очень жалею, что мы не успеваем об этом поговорить с родителями: то руки до каких-то вещей не доходят, то

родительское собрание нескоро... А родителям многое хочется рассказать, потому что, например, в шестом классе мы как раз под этим углом обсуждаем «Станционного смотрителя».

ЛИТЕРАТУРА ЗНАКОМИТ С ОТТЕНКАМИ

У современных детей очень бедный набор прилагательных, которые характеризуют предметы окружающего нас мира, им чрезвычайно сложно описывать качества предмета. Они часто не могут перечислить, что они чувствуют, ощупывая ту или иную поверхность, какое оно — гладкое, шероховатое, бархатистое? У них нет словаря оттенков, а про эмоциональный словарь я вообще молчу — у пятиклассников часто есть только «хороший-плохой», «позитивный-негативный», а также «круто», «шок» и «жесть». Это не вина, это следствие тех условий, в которых они живут. **Городские дети не играют на улице, не изучают мир вокруг себя самыми простыми способами — тактильными, обонятельными, вкусовыми, слуховыми: залезая на деревья, разминая в руке сорванный с куста лист или разжевывая сорванную травинку, лупя палкой по забору.**

И это то, для чего еще нужны произведения литературы: чтобы увидеть, как разнообразен мир вокруг, посмотреть, как что-то называется, как оно описано и показано. И как называть словом то, что ты чувствуешь.

Очень давно я прочла большую статью в «Московском комсомольце» про школу, и меня в ней поразили две вещи, я подумала — надо же, а ведь правда. Во-первых, там было сказано, что для советской школы лучший мальчик — это девочка. А вторая вещь мне показалась тогда парадоксальной, но при этом, когда я вдумалась, поняла, что это абсолютно правильно, и для меня это стало принципом в работе: ты чувствуешь только то, что знаешь. Поэтому, чтобы обогатить себя в мире чувствования, мы должны узнать, что такое бывает.

И если говорить об эмоциональном переживании, то хочется сказать еще вот о чем. Очень многие родители боятся негативных переживаний. Но дело в том, что мы этот факт, который нам предлагает текст, переживаем эстетически. Мы не представляем себе, читая Достоевского, окровавленный труп, мы смотрим на другое. Например, у нас родители были очень напряжены, узнав о том, что мы будем читать в пятом классе булгаковское «Полотенце с петухом». А у детей оно прекрасно шло, несмотря на то что там описаны ужасы: девушка без ноги, ампутация и так далее. Но для нас текст не об этом, а том, как человек избавляется от страха, о борьбе с собой, и эти жуткие подробности отходят на второй план, перестают пугать.

ЛИТЕРАТУРА РАССКАЗЫВАЕТ, ЧТО ЖИТЬ МОЖНО ПО-РАЗНОМУ

Как бы иронично многие к этому ни относились, я считаю, что наша литература — это все-таки культурный код. Каждый учитель пытается «продолжить» и расширить ту среду, в которой ему хочется, чтобы существовали его ученики, — так же как и любой родитель хочет этого для своих детей. Мне очень не хотелось бы себе представлять, что мои дети и внуки будут жить в мире, который будет устроен иначе, что в его основании будут находиться иные ценности, чем те, которые близки мне. Я не заставляю их делать выбор, и, более того, не всегда получается привить свое, но, с моей точки зрения, ребенок должен вынести из школы две вещи. Образование, конечно, как сумму определенных знаний, навыков, умений, компетенций. И понимание того, что жить можно по-разному. Можно жить, как Мария Ивановна, например, которая, когда прозвенел звонок, собрала сумку и сказала «до свидания». Можно жить, как Павел Львович, который с утра до ночи в спортивном зале с учениками. Можно — как Петр Сергеевич, который пишет научную работу... **Есть разные миры, и для того, чтобы они детям были видны, доступны, дети должны видеть разных взрослых.** Поэтому, когда я читаю рассуждения сторонников

семейного, дистанционного и прочего образования, я понимаю, что, наверное, есть дети, которым хорошо учиться дома, но я считаю, что школа — это не так плохо, если, конечно, родители способны защитить ребенка в случае необходимости (всякое бывает) и если там не совсем уж критические условия.

ЕГЭ — НЕ САМОЦЕЛЬ

Конечно, если у вас мальчик, сын, если вы очень волнуетесь из-за армии, наверное, вам может казаться, что результаты ЕГЭ действительно во многом определяют дальнейшую жизнь человека. Но, с другой стороны, как часто бывает, что то, что казалось очень важным, не происходит, а жизнь идет дальше и складывается неплохо, а часто и очень хорошо. У меня нет права кому-то объяснять про ЕГЭ и поворотные пункты в жизни, но все так непредсказуемо.

Жизнь гораздо сложнее наших представлений о ней (как тут не вспомнить Пушкина?). Сто баллов по ЕГЭ и хорошо образованный, глубокий человек — это совершенно необязательно связанные между собой вещи.

Репетитор? Как гарантия результата он неизбежен, если у родителей невроз. Инициатива начать заниматься с репетитором исходит, конечно, как правило, не от ребенка, а от родителей. Когда у нас были вступительные экзамены в пятый класс для детей нашей младшей школы, родители начинали со второго класса в истерике искать преподавателей, чтобы кто-то детей подготовил. Но это же ужасно!

УРОКИ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

Для некоторых родителей я бы ввела отдельные обязательные уроки. Я понимаю, что современные родители — дети своего времени, носители определенных новых ценностей. Большая беда этого

молодого поколения родителей в том, что они не понимают самой сути — что такое образование. У меня есть один из любимых анекдотов, которые я все время рассказываю своим ученикам разных классов (они скоро уже будут знать их по номерам): «Как стать интеллигентным человеком? Нужно получить три высших образования. Но первое образование должен получить твой дед, второе — твой отец, а третье должен получить ты». **Что такое образование? То, что у тебя останется, когда ты сдашь все экзамены и закончишь учиться. Отметка, средний балл в электронном журнале, результат на экзамене — это, конечно, важно, но это не может быть целью образования.** А родители часто вообще не видят смысла в чем-то другом.

Еще очень важно понять тем родителям, которые выбирают школу для ребенка, что хорошая школа — это не только уроки. Очень часто родители на этапе поступления ребенка в школу рассуждают так: «Мы сюда так хотим, мы очень хотим здесь учиться, здесь очень хорошо, у вас такая атмосфера». А потом, когда дети поступили, начинает звучать иное: «Ой, вы знаете, мы не можем, мы на эту экскурсию не пойдем, у нас то, се...» Приходится говорить открытым текстом, что **атмосфера — это не витаминка, которую ты положил в рот, и все. В этом надо участвовать, этим надо дышать, заниматься, надо поехать в поездку, сделать со всеми что-то вместе. Только когда ты этим живешь, возникает атмосфера.** Не должно быть так: на урок пришел писатель, а как только прозвенел звонок с урока, сразу полкласса встало и вышло. Не должно быть такого, чтобы классный руководитель не мог провести ни одного классного часа, потому что дети все время говорят: «Я не могу, у меня английский», «А мне папа сказал — домой...» Это же не дети говорят — это говорят их родители. Раз ты привел в эту школу ребенка, значит, ты почему-то хочешь, чтобы он был здесь, значит, ты доверяешь тем, кто тут работает. Но если ребенок не будет здесь жить, то никакого воздуха он не наглотается.

Дважды директор Лицея «Вторая школа» — в 1957–1971 гг. и с 2001 г. по настоящее время. Народный учитель России.

ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ ОВЧИННИКОВ

«ТЫ ЕЩЕ ЗДЕСЬ?»

У Второй школы очень бурная и сложная биография — впрочем, как и у всей страны, которая перешла из социалистической формации в другую.

В конце 60-х годов XX века Никита Сергеевич Хрущев ввел в школах одиннадцатый класс и производственное обучение в старших классах. Наверное, это была необходимость, потому что страна зализывала послевоенные раны, и просто не хватало рабочих рук. Выпускник каждой школы должен был получить реальную профессию. Но это плохо получалось, потому что предлагаемые профессии — слесарь, токарь, пекарь, швея и так далее — не очень манили учащихся и их родителей. Наша школа открылась в 1956 году, и мы по приказу партийных органов стали думать о том, что нам делать с профессиональным образованием.

Тогда над каждой школой были шефы — или завод, или какая-то мастерская, или институт. Оказалось, что вокруг нашей школы на большом расстоянии вокруг нет ни одного завода, ни одной мастерской и прочего, на базе которых учащиеся могли бы получать профессию, кругом были только огороды. На другой стороне Ленинского проспекта находились научные институты, часть из которых были «закрытые». И мы пошли по этим институтам в надежде что-то найти. Нашли мастерскую по ремонту замков, но над нами посмеялись и сказали, что их вот-вот закроют. Пришли в Институт точной механики и вычислительной техники — он и сейчас находится на другой стороне Ленинского проспекта, рядом с Физическим институтом. Академик Лебедев, руководитель института, человек внимательный, интеллигентный и по натуре очень добрый, завел меня в свой кабинет, послушал и сказал: «Что можем придумать мы — научный институт, который занимается разработкой и изготовлением вычислительных машин?» Тут совершенно случайно зашел его сотрудник, секретарь парткома, и оказалось, что у него небольшое хозрасчетное предприятие. Он сказал: «Давайте мы будем с вами делать

детали вычислительных машин». Так в школе появилась одна из специальностей — радиомонтажник. А через несколько лет Лебедев придумал другую специальность, еще более интересную, — программист, и мы стали единственной школой в Москве, где давали такую профессию. Появился конкурс на поступление к нам, и мы смогли отбирать детей. С тех пор в школе существует отбор учащихся.

К нам пришли талантливые учителя — в те времена, когда школа создавалась, многие люди, которые хотели бы работать в школе, не могли попасть в другие места по национальному признаку, и в эмиграцию их не выпускали, поэтому было из кого выбирать. У нас был потрясающий состав учителей — для хорошего вуза и то редкость. Но диссидентства в нашей школе не было. Нам повесили ярлык, что мы диссиденты. Нет. Диссидент — это человек, который действует. А мы действовали только в рамках школы и говорили детям правду, всего-то.

Существование такой школы, как Вторая, конечно, было очень необычным для системы образования того времени. У меня был приятель, блестящий преподаватель английского языка, он родился в Штатах, его отец был дипломат, и я его буквально силой затащил сюда преподавать. Каждый раз когда он приходил утром, он приоткрывал щелочку в мой кабинет, заглядывал и спрашивал: «Ты еще здесь?» Директора тоже меня спрашивали: «Почему тебя не увольняют? У тебя рука есть там?» Я говорю: «Не знаю». Никакой руки, конечно, не было, это ерунда.

Преследование нашей необычной школы для способных детей началось еще в начале 1970-х годов, и результатом этого стал разгон в 1971 году администрации школы и попытка партийных органов превратить ее в обычную рядовую школу. Но к тому моменту уже сложились какие-то традиции, отношение к школе и учителей, и учащихся, и после многолетнего перерыва школа снова стала такой, какой она была когда-то.

НАБРАТЬ ХОРОШИХ УЧИТЕЛЕЙ И НЕ МЕШАТЬ ИМ РАБОТАТЬ

Когда я вернулся во Вторую школу в 2001 году, я «лечил» ее по своему главному принципу, которого всегда придерживался: набрать хороших учителей и не мешать им работать. Для хорошей школы большего не нужно.

Хороший учитель — это объемное понятие. Это человек, который занимается своим делом, у него есть педагогическая жилка, он любит детей, умеет с ними общаться, может им многое дать и получает удовольствие от пребывания в классе с умными детьми. Казалось бы, не так много требований, но на самом деле найти такого человека не очень просто.

Кстати, половина наших нынешних учителей — это выпускники Второй школы, у которых обнаружилась, кроме математической, физической и прочей увлеченности, еще и педагогическая жилка. К нам они приходят молодыми людьми, которые не все умеют, не обладают педагогическими навыками, но это быстро приобретается, и главное, что они с удовольствием работают и дети их очень любят.

Наш московский министр образования как-то, когда я ему изложил свой принцип отбора учителей, спросил: «А что труднее — набрать хороших учителей или не мешать им?» Я ему сказал, что теперь трудно и то и другое. Многие учителя уже работают в какой-то школе, в которой интересно работать, потому что таких школ стало больше, и уровень зарплаты стал выше — те, для кого это имеет значение, остаются в другой школе, потому что у нас зарплата немного пониже: она же зависит от количества учащихся, а у нас их меньше, чем в обычной школе. И мне, как директору, наверное, любой школы, трудно себя заставить не мешать работать учителю. При этом у нас, конечно, есть наставничество, но оно не того сорта, когда наставник гудит над ухом учителя, как муха, и пристает к нему с бумажными отчетами и прочим, пока учитель не плюнет и не уйдет. У нас сотрудничество учителей, связь, благодаря которой учитель понимает, что

ему помогают, а не мешают работать. Но **если уж администрация определила, что этот учитель хороший, или он сам понял, что он на месте, так чего лезть к нему и мешать ему, он сам разберется.**

Есть человеческие качества, которые мы не приемлем в наших учителях. Самое непоощряемое — это равнодушие, когда еще не перестал звенеть звонок с уроков, а учитель уже на крыльце — выбегает из школы. Это плохой учитель. В нашей школе учитель отвечает на любые вопросы детей и не стесняется сказать, что «я этого не знаю, но постараюсь ответить на ваш вопрос, предварительно подготовившись». Свойство наших ребят — они не отпускают учителя, пока он не ответит на сто вопросов, и мы даже поощряем это. **Если дети выходят после звонка из класса и у них не возникло вопросов, значит, что-то не то, значит, учитель провел урок не очень интересно.** Вообще, сейчас в Москве, как, наверное, и в России в целом, опытный хороший учитель — это большая проблема. И она была всегда. Давно придумана пословица «Нет дороги — иди в педагоги». А теперь ситуация обострилась, потому что кто-то уехал, кто-то из педагогики перешел в другие сферы жизни, школ стало больше, — в общем, есть целый ряд причин, по которым хороший учитель — это дорогая личность.

РАБОТА С РОДИТЕЛЯМИ

Есть школы, где родители равнодушны к пребыванию там ребенка: привели его утром или он сам пришел, если старшеклассник, и все. Мы такие школы называем «камерами хранения» — пусть он уж лучше сидит в школе под контролем взрослых, чем будет болтаться в подворотне. И департамент образования, учитывая то, что довольно значительная часть школ не выполняет свою главную обязанность — обучение детей, — привлекает к этому родителей. То есть сегодня родители имеют право давать советы и даже настаивать на выполнении этих советов. Нельзя сказать, что это нам сильно мешает, но мешает, конечно. Не хочется обидеть родителя, который искренне желает помочь школе, а с другой стороны, мы видим, что далеко не

все советы разумны и применимы. Но бóльшая часть наших родителей ведут себя лояльно, и если какие-то идеи у них есть, они их также лояльно высказывают. В нашей школе это не проблема, а кроме того, мы активно работаем с родителями — наши психологи ведут для них семинар, сами родители приходят к психологам с вопросами в индивидуальном порядке, у нас это приветствуется и поощряется. Работа с родителями — это важная часть нашей школьной жизни.

АТМОСФЕРА — ЭТО ВАЖНО

Мне трудно сказать, есть ли идеальный образ Второй школы, к которому мы идем. Боюсь показаться нескромным, но мне кажется, что мы многое сумели сделать. У нас ребенок считает для себя бедой, если он пропустил по болезни или по другой причине какое-то количество уроков. Их тянет в школу, они скучают, и не только по учителям, но и в значительной степени по своим ребячьим коллективам. Наши выпускники сохраняют дружеские отношения на всю жизнь. Однажды позапрошлой зимой я выглянул в окошко и заметил толпу у крыльца. Я решил посмотреть, не опасны ли они для школы, вышел к ним. Увидел пожилых людей, подошел — оказалось, что это выпускники школы, и у них не официальная встреча, а они пришли просто так, потому что соскучились. И для нас это важный показатель. **Я считаю хорошую атмосферу одним из основных требований к школе — и деловую, и в то же время человеческую.** К сожалению, довольно много школ, где атмосфера совсем другая — жесткая, резкая, оскорбительная.

СЛОВО «ИНТЕРЕСНО» ДОЛЖНО БЫТЬ В ШКОЛЕ ВСЕГДА

Школа много работает и вне уроков — как с нашими учениками и их родителями, так и со всеми желающими. Стараемся держать детей в курсе последних новостей науки. У нас есть Научная

гостиная, где собираются наши ребята, в том числе и шести-семиклассники, и перед ними выступают настоящие ученые. Иногда это дискуссия по научным вопросам, иногда просто лекция и, естественно, сотни вопросов от детей после нее — пока их не разгонишь, они все спрашивают и спрашивают. Это форма поддержания их представлений о современных научных исследованиях на хорошем уровне.

У нас нет таких походных традиций, как в Президентском лицее Санкт-Петербурга (лицей №239. — *Прим. ред.*), но зато мы каждое лето вывозим детей на учебно-отдыхательные мероприятия. В этом году ребята с учителями ездили в Татарстан — у них там была так называемая Летняя математическая школа. Физики, гуманитарии тоже устраивают это в каникулы, что очень любят ребята: утром они получают заряд знаний, а потом у них обычный отдых. Замечу, что **я считаю проблему перегруженности детей в значительной степени выдуманной: если ребенку интересно, то он не утомляется. А слово «интересно» всегда должно быть в школе.** При этом одна из наших задач — разностороннее развитие ребенка, и наши дети участвуют в олимпиадах не только по физике и математике, но и занимают высокие места по экономике, географии, русскому языку и литературе. В этом году один наш ребенок был очень огорчен тем, что в один день проходила Всероссийская олимпиада по математике, истории и географии, а он хотел поучаствовать и там, и там, и там.

Для детей из других школ, которые хотят углубить свои знания или поступить к нам, у нас есть Вечерняя многопредметная школа (ВМШ). В ней прежде всего математика, в меньшей степени физика. Это фактически множество кружков. Помимо этого, мы стараемся помочь тем школам, которые нуждаются в нашей помощи, выступаем в качестве ресурсного центра. Есть несколько школ, где мы помогли создать математический класс, там работают учителя, которые прошли у нас подготовку, потому что для работы в сильном классе требуются совсем другие знания и навыки.

Учитель русского языка и литературы в гимназии №1514, руководитель гуманитарного профиля. Отличник народного просвещения, почетный работник общего образования г. Москвы, получатель гранта Москвы в сфере образования.

МАРИНА МОИСЕЕВНА БЕЛЬФЕР

ШКОЛА КАК ОСТРОВ

Я, видимо, человек, рожденный для профессии учителя, поэтому мои приемы не столько инструментального, сколько имманентного характера. Я много советую и помогаю коллегам, но не уверена, что всему в нашем деле можно научиться.

Я с раннего детства хорошо говорила. Мама меня учила говорению, требовала всего, что для этого нужно: незнакомые слова — запиши в тетрадочку, найди их значение; приехала сестра из Ташкента — у нее богаче лексика, а ты что-то не очень... И на всю жизнь запомнилось: мама что-то гладит — «Что задали по музыкальной литературе?» — «О Гайдне». — «Расскажи». — «Бэ-мэ». — «Иди, подготовься». Я одна-единственная и подготовилась... Или «Муму», пятый класс. Пришла я к бабушке: «Бабушка, учительница что-то хочет про типы и образы». Бабушка не имела высшего образования, но села со мной и стала разбирать образы и типы. И я опять единственная в классе с этими образами...

Кончилось это тем, что я стала вести в Колонном зале музыкальные собрания, выступала в роли ведущей. Думала, что это каким-либо образом приведет меня в музыковедение. Но с учительницей музыки доверительные отношения не сложились. И только в 52-й школе (сейчас гимназия №1514), куда я поступила в девятый класс с музыкальным уклоном и где у меня была изумительная учительница Лилия Александровна Поцелуева, которая чувствовала меня, я начала играть. Но и стала понимать, что не смогу быть музыковедом, — меня увлекла литература.

А сильной литературы тогда в школе не было. Поэтому мы с одноклассницей, которая ходила в знаменитый литературный кружок Дворца пионеров, стали сами готовить и проводить уроки, благо учительница это поощряла.

С третьего курса Московского государственного педагогического института я вернулась в свою родную 52-ю школу. Сначала вышла на работу в должности освобожденного секретаря комсомольской организации — в те времена это был, по сути, завуч по

воспитательной работе. Мне хватило полутора лет, чтобы никогда больше не соприкасаться ни с комсомолом, ни с партией. Но у нас были поэтические вечера, яркая творческая учебная и трудовая жизнь, и поэтому мне не хотелось оставлять школу. Так я постепенно перешла на должность учителя. Мне дали девятые и пятые классы. В пятом я изрядно помучилась — они мне сразу сели на голову. Я даже отдала их другому преподавателю, но дети за мной ходили, просили... Это было тяжело, и я к ним вернулась. А вот в старшем, девятом, классе я пела соловьем. С моими первыми учениками мы до сих пор дружны. Учителем тогда я была еще абсолютно никаким, но рассказать мне было о чем. И мы очень хорошо, интересно жили: читали и обсуждали не только то, что предлагала программа, но и поэзию Серебряного века, самиздат, песни и стихи Высоцкого и Галича. Вот так это все началось и уже никогда больше не кончалось, а постепенно двигалось дальше, пока не родился наш гуманитарный профиль, которому скоро исполнится 30 лет.

Наша школа всегда была островом. В ней работали люди совершенно особого рода. Когда я пришла в школу, еще были живы музыкальные классы. Что такое музыкальные классы? Это хор, это хорошие концерты, это девицы, всех завораживающие своим кручением-верчением на фоне шести математических классов. Нашу школу заканчивали по 80 человек с золотыми медалями — у нас были доски с этими бесконечными победителями и «золотыми» выпускниками. Директор придумал фантастически интересную школу: для математиков-программистов базой был вычислительный центр Академии наук и Университета (МГУ имени М.В. Ломоносова. — *Прим. ред.*), в школе работали не только учителя, но и сотрудники научно-исследовательских институтов и Университета. Тогда этого ни у кого еще не было. Это была особенность нашей 52-й школы.

Потом потихоньку задушили, задавили сверху музыкальный профиль. А он был очень интересный, некоторые из окончивших музыкальный класс нашей школы потом пошли в училище при консерватории, а затем в консерваторию, то есть музыкальный профиль давал очень приличное образование. Потом появился класс, который не

хотел идти в математики, и мы с ними заварили «гуманитарную кашу». Было совершенно непонятно, что такое гуманитарный профиль, но появились учителя, идеи, началось постепенное развитие.

ЧТО ДАЮТ УРОКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Сейчас мы часто говорим, что на литературе мы учим понимать текст, что жизнь — это текст, что надо выстроить текст своей жизни, научиться понимать текст жизни другой.

Что вообще делает литература? **Она помогает человеку прожить много жизней, помимо своей, — значит, она дает ему опыт жизни.** Она развивает эмоциональную сферу человека не хуже живописи, музыки, наравне с ними. Она обращена к уму и душе, к разуму и сердцу — по-разному. Люди разные, и литература разная. Она учит, расширяет сознание, раскрывает глаза, открывает внутренний слух. Она развивает творческие способности человека, потому что текст, как говорит Лотман[1], это не машина по выработке смыслов. Литература прежде и литература сейчас — это два разных предмета. **Раньше в изучении литературы важен был знаниевый уровень, и, по сути, у нас был историко-литературный курс. Все это важно и сегодня для будущего филолога, у которого все должно быть упорядочено, но акценты сместились — сегодня важнее проживание собственного опыта, развитие мотивации к тому, чтобы понимать, чувствовать, думать.** Мы даем основы литературоведения, но опосредованно, так, чтобы дети могли пользоваться этим, как ключами, которые открывают закрытые двери в сложные художественные тексты. И они испытывают изумление перед тем, что в этом тексте, как в доме, есть фасад, можно зайти с крыльца, а можно открыть окошко и заглянуть в него, а можно войти туда и там освоиться, в этом доме. Как говорил Маршак, в одном возрасте мы видим одно, потом

[1] Юрий Михайлович Лотман (1922–1993) — русский литературовед, культуролог и семиотик.

нам открывается другое. Но мы знаем, каким ключом это можно открыть. Это выработка вкуса и навыка различения подлинного и мнимого в литературе.

ИЗУЧЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ НЕВОЗМОЖНО БЕЗ ДОВЕРИЯ

Это не самый и не единственно правильный ход, но моя коллега говорила: «Пусть они полюбят меня, а я уже их научу любить все, что люблю я». Учитель литературы без непосредственного живого человеческого и любовно-уважительного контакта с детьми вообще, на мой взгляд, не может работать, хотя и учитель математики, видимо, тоже. **Но у литературы есть особая специфика: учитель не может содержательно говорить с детьми о любви, или о дружбе, или о Боге, или о жизненных смыслах, если у него нет определенной степени доверия и контакта с ребенком.**

В пятом, шестом, седьмом классах мы исподволь даем хорошие литературоведческие знания: понимание сюжета и композиции, системы образов, способов выражения авторской позиции, — все это заложено в нашу программу. И это средство для того, чтобы ученики к восьмому классу, когда они уйдут от нас в математики или в другие профили, могли открывать книги этими ключиками, и мы могли бы им напомнить, для чего нужна композиция или какой здесь работает главный прием в организации художественного пространства и времени.

Недавно у нас был открытый урок. Его провела молодой педагог — наша выпускница. Сам урок, его содержательная сторона и то, на что были сделаны акценты, мне не были близки, но все отметили, как легко, свободно, дружественно общаются учитель и ученики, какой у них хороший контакт и как открыто дети говорят и делятся своим мнением, даже когда в классе сидят чужие люди. И один наш учитель с опытом, который все делает совершенно по-другому, сказал: «Это совсем не мой урок, но я внутренне завидую этой атмосфере, готовности детей к разговору, открытости

и чувствую, что у меня этого нет. И понимаю, чему надо учиться». И это говорит учитель в высшей степени добросовестный и эмоциональный. Он, живой и честный человек, чувствует, что его работа не складывается идеально, что ему надо совершенствовать приемы и работать над собой, чтобы получалось устанавливать доверительные отношения с детьми.

Мы ведь учим не науке филологии и не читаем лекции, когда доверительные отношения не столь важны, может быть. Хотя я не могу себе представить университетские лекции Евгения Александровича Бонди или занятия с Владимиром Марковичем Марковичем[1] без того обаяния и магнетизма, которые исходили от всего, что они делали и говорили, без их дружеского и доверительного общения с молодыми слушателями.

На моей кухне выросли поколения моих учеников, начиная где-то с моих 30 лет, потому что до этого возраста я очень держала барьер в силу молодости и воспитания. Когда я уже что-то про себя поняла, когда уже в моей семье росли двое детей, на эту кухню приходили мои ученики и коллеги (я живу рядом со школой). Мои дети выросли вместе с моими учениками. И сейчас на эту кухню выпускники приезжают со всех стран мира, и наше общение в высшей степени дружественное, а с единицами оно стало родственным. Моя выпускница Ира Дмитриева, которой уже за 40 и которая живет в Венгрии (я неоднократно бывала у нее в гостях), всю жизнь вспоминает свою тройку. Я поставила ее за итоговое сочинение в конце года, потому что ждала от нее другого, она была самая сильная, самая умная. Но дружба никогда не была поводом для того, чтобы ученик получал какие-то поблажки — наоборот, это была высочайшая ответственность. С самого близкого больше спрашиваешь.

---

[1] Евгений Александрович Бонди (1923–2006) — профессор, заведующий кафедрой иностранных языков исторического факультета МГУ (1965–1983), преподаватель кафедры английского языка филологического факультета (1961–1965).
Владимир Маркович Марко́вич (1936–2016) — советский и российский литературовед, специалист по русской литературе XIX в., в частности — по творчеству И. С. Тургенева. Профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Антон Алексеевич Скулачев, наш учитель, мой ученик, когда-то впитал фразу, с которой мы начали урок в восьмом классе: «И море, и Гомер — все движется любовью». Она его пронзила, эта фраза, и он живет с тем, что она в себе несет. В комнате, где собираются на перемене филологи, висит доска, на которой она всегда написана.

«И море, и Гомер — все движется любовью» — это определяющее начало нашей работы.

После уроков перед факультативом я всегда угощаю детей, мы пьем чай. Это пришло не сразу, а тогда, когда я поняла, что голодные они хуже соображают. Как-то одна мама, видевшая, как я готовлю факультатив и накрываю на стол, сказала: «Господи, если бы моего ребенка хоть один раз накормили, он на всю жизнь был бы ваш». Мои ученики привыкли, что это так. Постепенно дети начинают понимать, что они и сами должны что-то принести к столу. Со временем у них появляется навык вместе создавать домашнюю, располагающую к доверительному разговору атмосферу. И такое делают многие учителя в нашей школе. Если материальные возможности учителя скромны, то это будут сухарики, сушки — не это главное, все равно будет чай, скромное застолье, а значит, обязательно дружественная, человеческая история.

Среди учителей литературы в нашей школе есть и более сдержанные в отношениях с учениками, но чтобы вообще не было тепла в разговоре о литературе и она была формализована до уровня знания, — такого точно нет, потому что это полная гибель школьной литературы.

КАК ОТУЧИТЬ ДЕТЕЙ РУГАТЬСЯ МАТОМ

Мы меняемся, дети меняются, жизнь меняется, меняется контингент родителей, меняется стиль наших отношений с родителями. И такого количества конфликтов и недопонимания, как сейчас,

у нас раньше не было. Всегда были родители, с которыми невозможно не конфликтовать, вокруг которых везде, где бы и по какому поводу они ни появлялись, возникают конфликты. Но за 44 года работы у меня было всего четыре недоговоренные, неразрешенные ситуации, которые я иногда вспоминаю, как в страшном сне, которые меня гнетут, и я все никак не решу, кто был прав, кто виноват. А теперь это все совершенно иначе. Родители хотят, чтобы дети пошли в эту школу, потому что с хорошими школами проблема, их очень мало. И эти родители готовы пойти на любой конфликт, лишь бы их ребенок здесь учился — даже если он «не тянет», если это школа явно не для него. Родители нам в открытую говорят: мы от вас все равно не уйдем, потому что проблемы, которые есть у нашего ребенка здесь, не сравнятся с теми, которые у него будут в другой школе.

Когда был конкурсный набор, к нам попадали другие дети. Был другой уровень культуры и детей, и родителей. Сегодня у нас такие проблемы, о которых мы раньше даже не задумывались. Например, приходится вести ученика за тряпкой, чтобы он помыл унитаз, на котором стоял ногами. И это теперь каждодневная упорная работа. А поведенческая неадекватность детей возникает, когда их запрягают в телегу, которую они не могут везти. Они очень быстро устают, не могут выдержать урок, напряжение серьезной учебной деятельности.

Или проблема мата. Сейчас это актуальный вопрос. Я специально занималась изучением обсценной лексики, ее местом и ролью в жизни общества и искусства, проводила в гуманитарном лагере занятия. Сейчас думаю, как провести на эту тему занятия с шестым классом, чтобы объяснить детям историю происхождения этих слов, их сакральный смысл, как сделать это на самом высочайшем научном уровне, чтобы их удивить, чтобы они поняли, что происходит, когда они произносят эти слова, где это употребимо, а где нет и почему.

ЗАПОМИНАЕТСЯ НЕЗАПЛАНИРОВАННОЕ И ПРЕКРАСНОЕ

Я много возила детей на теплоходе, и один раз у нас была невероятная поездка. Ее организовала жена поэта Дмитрия Пригова, с которой нас свела судьба на летнем пароходе: она везла матерей и детей из онкологического центра. А потом оказалось, что она зафрахтовала пароход на сентябрь, а он простаивает, и у нее была возможность повезти нас и другие школы куда-нибудь по себестоимости. И я сказала нашему директору Любови Мироновне Плаховой: «Есть возможность, если я наберу детей и деньги, поехать на неделю на пароходе». Она ответила: «Найдешь деньги — езжай». Мы вывезли 90 человек. С нами были наши физик, математик, географ. Стояла золотая осень. Мы вели на открытой палубе уроки для всех школ, которые ехали с нами. Прочитали всего Тютчева и Фета. Экскурсии, бесконечные разговоры, споры. Физик изучал с ними, как устроен пароход, математик готовил к контрольной работе...

Дети помнят всю жизнь именно такие вещи, — строго говоря, нарушение нормы, проявление чего-то совершенно незапланированного, но такого важного, нужного, человечного.

А как сейчас продолжает эти традиции наша учительская молодежь, это поразительно: как они готовят эти поездки, сколько вкладывают в них души, какие издают книги по итогам поездок — это целые образовательные проекты. Так и наш гуманитарный лагерь родился, и наши практики, которые естественники проводят в Архангельской области. А наше Ферапонтово? Там был домик, который мы купили за какие-то гроши, обустроили силами родителей и выпускников под жизнь детей на этом выезде. Там с нашей Ириной Филипповной (учитель МХК в гимназии №1514. — *Прим. ред.*) можно и антифоном петь, и учиться делать фрески... Это все организовано ею, одной родительницей-искусствоведом, нашими коллегами в сотрудничестве с Ферапонтовским монастырем.

Мне стало так страшно в прошлом году, когда стали писать, что кто-то сверху может это запретить, начать контролировать и уничтожать эти удивительные огоньки жизни. Это же неповторимые вещи, это лучшее и самое яркое, что только может быть во внешкольной работе гимназии.

ЛИТЕРАТУРА ВМЕСТО УРОКОВ ПАТРИОТИЗМА

Когда мы в седьмом классе изучаем «Капитанскую дочку» (это у нас в школе и в нашей программе важнейший текст), мы становимся героями этого текста и вместе с Петрушей Гриневым проходим путь от недоросля через инициацию, испытания и открываем для себя главные смыслы. В нашей литературоцентричной стране картина мира складывается из книг, из образов. Изучение русской литературы, произведений великих русских писателей — вот правильный способ воспитания патриотизма. **Когда ребенок идет вслед за пушкинским текстом под руководством учителя, он без всякого морализаторства, без нравоучения приходит к пониманию того, что такое честь, совесть, патриотизм. Изучая «Войну и мир» Толстого, произведения о Великой Отечественной войне, лирику Лермонтова, Блока, Есенина, разве мы не воспитываем чувство любви к Родине?**

Для меня смешны разговоры о том, что дети не доросли до Достоевского или не могут освоить четыре тома Толстого. Вся подростковая и юношеская проблематика поставлена в романах Достоевского, в вопросах, которые мучают его «мальчиков», и проблемах, которые они решают, в их религиозных исканиях, во всех их «можно-нельзя», переступать-не переступать... Ничего более острого, более современного, более актуального нет и быть не может. Поэтому представляется дикостью то, что каждый раз пытаются убрать из школьной программы самое важное или что-то сократить, придумывая при этом новые предметы.

НУЖНЫ ЛИ В ШКОЛЕ УРОКИ ТРУДА?

Вообще, многие инициативы сверху представляются мне странными или избыточными. Например, разговоры о том, чтобы вернуть уроки труда, чтобы дети сами мыли школу. Мы с нашими любимыми учителями, с нашими корифеями (у нас были особенно яркие математики, слава богу, живые, но уже не работающие в школе — Лилия Марковна Тютюник, Татьяна Викторовна Смирнова, Валентина Афраимовна Симановская) в конце года сдавали школу, мыли ее собственными руками — и унитазы, и стены, и окна. Мы учили и детей мыть окна и полы и вообще любить школу и ее беречь. **И сейчас сохраняются наши генеральные уборки и субботники, потому что, если ты уберешься в своем родном классе, ты в нем потом не захочешь нагадить.** Но чтобы для этого были специальные уроки труда! Кто-нибудь, кто предлагает ввести уроки труда и убирать кабинеты, представляет, как работает нормальная школа? Во сколько дети уходят из нее, во сколько мы, учителя? Я заканчиваю в полседьмого занятия на кружках дополнительного образования. Когда именно ребенок должен убрать этот кабинет? Какие-то странные, абсолютно архаичные, дикие, нелепые идеи.

В советское время мы ездили в трудовые лагеря, в Липецкую область, и это, конечно, была совершенно особенная радость и жизнь, особое явление, когда учителя и дети в режиме трудового лагеря собирали ягоды, параллельно дружили, играли в футбол, общались... Это было из года в год и происходило по-семейному и трогательно. Все это носило здоровый, живой, творческий, человеческий характер. Плохо, что это куда-то ушло, но в нашей школе оно перешло в другие формы.

У нас всегда было принято, чтобы дети многое делали своими руками. И это была не нагрузка от школы, а их собственная потребность. В театральной студии дети сами делают декорации, это всегда было традицией школы. Ученики Ольги Владимировны Латышевой сделали ей подарок, потому что им этого хотелось:

оформить самим химический кабинет. Выпускники красили, рисовали таблицу Менделеева, все делали своими руками — не родители, а сами дети.

А вот практики у нас стали совершенно новыми. Учителя стали больше обращать внимания на новые возможности образовательных путешествий. Если наши ученики едут куда-то в путешествие, они обязательно сами готовят, даже в Риме. Они живут в наиболее дешевых условиях, потому что должны поехать все, кто хочет, а не только те, у кого есть деньги, и очень часто дети сами продумывают экскурсионную программу, готовятся, очень много интеллектуально работают.

Есть в нашей гимназии опыт и волонтерской деятельности, традицией стало и оказание гуманитарной помощи нуждающимся в ней. Вообще, все, что связано с волонтерством разного типа, у нас возможно, открыто, просто не надо заставлять это делать всех учителей подряд, потому что у одного человека один интерес, один навык, одно направление мысли, и он может много дать детям в этом направлении, а другой — в каком-то другом. И в нормальной школе, где люди не зажаты и где поддерживают их творческие начинания, идеи, идет живая плодотворная работа.

Десять лет я делала с детьми газету. Оглядываюсь на эти 85 номеров: они же должны были выходить к определенному моменту и быть нужными и содержательно интересными. А дети были серьезные — выполняли курсовые в виде газетного номера, то есть осваивали все навыки, необходимые для рождения печатного издания, включая корректуру и верстку. Так же создавались и наши литературные альманахи.

Или наши предметные события, посвященные поэзии, космосу, химии... Кто это все делает, кто готовит? Это делают старшеклассники для младших. Это готовится посреди учебного процесса, организуется учителями и детьми. И нет недели, на которой бы что-нибудь не происходило.

Есть человек, есть его идея, есть дело, и все это существует и работает. Например, у нас есть в школе человек, который умеет

создавать яркие, творческие, запоминающиеся вечера — историк Анна Сергеевна Баландина, и практически нет кафедр, которые бы не принимали участие вместе с детьми в подготовке ее «Старых киносеансов». Берется какой-то значимый в истории нашего кино фильм, его обсуждают, перед показом в «кинозале» создается особая атмосфера: продают то, что продавали в то время, угощают тем, что пили и ели в те времена, танцуют то, что тогда танцевали, демонстрируют одежду эпохи, фрагменты кинохроники. И для детей это незабываемо — участие в такого рода событии. В прошлом году у нас «Старого киносеанса» не было, а в предыдущий год он был посвящен фильму «Раба любви». Лена Соловей училась у нас в школе, закончила ее — это было случайностью, но получилось фантастически. А в этом году мы смотрели и вместе с детьми, учителями и родителями проживали фильм «Вам и не снилось».

Моя бабушка говорила: «Рыба гниет с головы». Перефразируем и скажем, что вообще все начинается с головы. Но есть школы, где голова — директор — определяет, кто и как должен участвовать в жизни школы, а есть школы, в которых директор не мешает учителям осуществлять их собственные идеи и помогает им. У нас в школе всегда был дух свободы. Свободы, которая предполагает ответственность за каждое принятое тобой решение или взятое на себя дело. Ты делаешь это не потому, что тебе заплатят, но потому, что тебя поддержат — и морально, и материально, и взглядом, и дадут тебе возможность реализовывать то, чем тебе интересно заниматься с детьми.

Учитель математики в лицее «Физико-техническая школа». Преподавал математику в школе №239. Учитель высшей категории. Народный учитель Российской Федерации. Кандидат педагогических наук. Стипендиат Алферовского фонда с 2001 года. Лауреат Корчаковской премии. Лауреат премий «Учитель-исследователь», «Учитель, воспитавший ученика», «За выдающиеся заслуги в образовании в сфере естествознания» фонда «Династия». Соавтор множества учебников по геометрии для математических и общеобразовательных школ. Автор более десяти методических изданий для общеобразовательной и профильной школы. Создатель туристического клуба «Шаги» в 239-й школе. Руководитель шахматного движения в ФТШ.

ВАЛЕРИЙ АДОЛЬФОВИЧ РЫЖИК

УЧИТЕЛЬ-ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

Учителем я стал по необходимости — я был единственным кормильцем в довольно большой семье. Мама работала на очень скромной должности, бабушка была инвалидом, никогда не работала, и был младший брат, который только начал ходить в школу.

Я окончил педвуз, потом работал три года по распределению в школе №253, в которой учился сам и проходил практику. В 1962 году, когда кончились три года, полагающихся согласно распределению после института, мне предложили работать в вузе (где я работал по совместительству), но к тому времени я уже наметил себе тему исследований — математические способности. К тому моменту уже была монография Крутецкого, которая так и называлась: «Психология математических способностей». Я в это дело влез, почитал книжки и понял, что там непочатый край работы, потому что структура, развитие способностей существенны, интересны и абсолютно не разработаны. Я был соискателем, и мне казалось, что вся моя будущая карьера будет так или иначе связана со школой и с теми детьми, которые интересуются математикой. В этом же году меня пригласили работать в 239-ю школу, к тому времени создавшую математические классы. От такого предложения было трудно отказаться, и я перешел в 239-ю.

После этого у меня осталось времени только на то, чтобы сдать кандидатские экзамены, и больше я уже ни на что не был способен — была абсолютная занятость работой, ни минуты свободного времени. Но тем не менее как раз в школе я нашел и разработал тему своей будущей диссертации, придумывая, как можно образовывать способных к математике ребят, и защищался по методике преподавания математики.

ЕСЛИ ЕСТЬ ДАР, ОН ДОЛЖЕН РАЗВИВАТЬСЯ

У любого ребенка есть определенные задатки. Они могут быть физиологического свойства — память, реакция, другое, а могут быть

на уровне специальных способностей — способность к абстрактному мышлению, например. И, конечно, это все можно развить, можно тренировать — этим занимаются педагоги, которые готовят ребят к выступлениям на олимпиадах. **Олимпиады — это как спорт высокого уровня: должен быть отбор и тренировки.**

Математика, конечно, не спорт, но там есть решение задач. А если есть решение задач, то кто-то решает лучше, кто-то хуже, кто-то быстрее, кто-то медленнее. А раз так, то, значит, есть и спорт. Еще, конечно, немаловажен вопрос мотивации: есть дети, которые вполне успешно решают задачки, но больше их интересуют другие вещи. У нас в ФТШ был ребенок с великолепными способностями по физике, он был кандидатом на международную олимпиаду, но он сказал: «Мне это не надо» — и не поехал.

Когда я вижу ребенка с математическими способностями (например, в области пространственного мышления), я, конечно, хочу, чтобы он их развивал. **Я и детям говорю: если у вас есть дар, он должен развиваться, надо давать ему пищу. Объясняю им, что, если они заглушат в себе какую-то способность, это сделает их жизнь надолго некомфортной, они будут чувствовать, что что-то в их жизни не так, хотя могут и сами не понимать почему.** Часто бывает, что люди обладают способностями, о которых даже не подозревают, — например, писать стихи или рисовать картины. Знаменитый пример — это Шервуд Андерсон, американский писатель, один из основоположников американской литературы. Он начал писать, когда ему было 40 лет, до этого был бизнесменом. А сколько людей загубили свой талант, потому что не имели возможности его развить?

ЗАЧЕМ НУЖНА МАТЕМАТИКА?

Моя миссия — открыть перед ребятами поразительный мир математики. Я уже столько лет этому отдал и до сих пор не устаю удивляться тому, что люди когда-то открыли, доказали, придумали, это просто фантастика. Но, к сожалению, школьная математика

практически не дает представления о том, что такое мир математики. **Школьная математика — это введение в предмет, мы пытаемся рассказать о тех идеях, которые есть в математике. Но с математикой помимо этого связано множество важных вещей: как она используется в реальном мире, как формирует интеллект человека — страшно интересно, что происходит в мозгах у ребенка, когда он занимается математикой, как математика влияет на жизнь человека.**

Вот конкретный пример. Одна наша выпускница стала биологом. Я ее спросил: «Лариса, а что ты вынесла из школы, зачем тебе нужна была математика?» И она ответила: «Я не боюсь формул». А еще одна моя выпускница — артистка в петербургском театре. Я говорю: «А тебе-то что дала наша школа?» Она говорит: «Я единственный человек в театре, кто знает, что такое производная». Что-то от математики попадает и в обычную жизнь, и я хотел бы донести до ребят то, что математика может давать.

Кроме того, есть, конечно, нравственный аспект, потому что в математике — на каком-то уровне, конечно — все должно быть доказано. Я говорю на уроках: ребята, то, что я сказал, — это не истина в последней инстанции, вы можете проверить, посмотреть справочник, книгу, можете задать мне вопрос, можете подвергнуть сомнению то, что я говорю. И это **одна из задач математики — воспитать в ребенке возможность подвергать сомнению все, что ему говорится с амвона, по радио, по телевизору, в споре, пишется в газетах; воспитать желание задавать вопрос — простите, а где доказательства?** Ведь сегодня то, что происходит порой в телевизоре — патология, невозможно слушать. Начинают говорить, употребляется некое слово, но в каком смысле оно употребляется, никого не интересует. Как говорил, кажется, Оскар Уайльд, спор становится особенно оживленным, когда спорящие перестают понимать, о чем они говорят.

Поэтому на математике мы говорим детям: если вы хотите заявлять что-то ответственно, если вы за это готовы пойти на костер, как это сделал Джордано Бруно, то вы должны точно знать, за что

идете, а не просто говорить какие-то слова по какому-то поводу. Нравственный аспект есть в преподавании любого предмета, а в математике особенно, потому что мы приучаем детей ориентироваться только на то, что доказано.

Сейчас у меня был урок в девятом классе, мы говорили про эллипс. Даем одно определение эллипса, второе, третье... И я объясняю детям: «Я говорю слово эллипс», ты думаешь одно, Вася другое, я — третье. Мы говорим об одном и том же или нет?» Есть три разных определения, и нам надо доказать их эквивалентность, чтобы быть уверенными, что если мы имеем дело с эллипсом в вашем смысле, то и в моем тоже.

Классический пример из жизни — это счастье. Все говорят о счастье, но для одного счастье — это одно, для другого — другое, для третьего — третье. Просто так говорить о счастье можно до бесконечности, давайте попытаемся уточнить, о чем мы говорим: то ли это идея, то ли это состояние, то ли еще что-то. Так же и с другими понятиями.

Я на вопрос «зачем нужна математика?» (который, конечно, мне задали не в нашей школе, а в общеобразовательной) отвечал очень просто: «Если к вам придет ваш собственный ребенок-первоклассник и попросит: “Папа, реши задачку”, что вы ему будете говорить? Каким образом будете поддерживать родительский авторитет, если не сможете ответить на его самые простые вопросы?»

У меня был ученик-вундеркинд — он поступил в университет в 14 лет. Я спросил у его папы: «Как вы это сделали?» Он сказал: «Очень просто: я отвечал на любой его вопрос. Если чего-то не знал, лез в энциклопедию. И никакого сюсюканья. Искал ответ, пытался понять и всерьез все рассказывал ребенку». Так получился вундеркинд.

Сегодня, конечно, любой может открыть интернет и найти ответ на каждый вопрос. Но тут есть один момент: в интернете нет ничего, что связано с пониманием того, что написано. Одно дело — что-то знать, и другое — понимать. Все читали и знают

сказку «Курочка Ряба», но понимаем ли мы, что там написано? Ведь на самом деле это Даль сочинил, и это совершенно нетривиальная и удивительная история. А в гугл можно залезть, прочитать какую-то информацию, но вообще не понять то, что прочитано. Более того — **понимание ни в каком гугле не содержится, оно содержится только в голове человека. Поэтому если я, учитель, над чем-то и ломаю голову, то над тем, как мое понимание перетащить в мозг ученика.**

НАШИМ ДЕТЯМ ИНТЕРЕСНО НЕИЗВЕСТНОЕ

Задача школы — это, в первую очередь, социализация. **Это как эстафета: мы передаем будущему поколению эстафетную палочку в виде культуры предыдущего поколения, знаний, достижений, вкусов, симпатий, пристрастий; она должна быть как-то передана, чтобы те люди, которые придут нам на смену, попадали не на чистую землю, а на то, что уже сделано.** Это миссия школы как таковая: окультурить ребенка, познакомить его с тем, что было сделано до него. Дети в этом смысле уникальны — для них что гражданская война, что Пуническая — все одно и то же, я могу на эту тему рассказать кучу анекдотов из своего общения с учениками. Поэтому их надо вести, говорить, что, мол, вы молодые, эгоистичные, это закон жизни, но вместе с тем есть предыдущие поколения, которые что-то наработали, и вам надо это знать, чтобы развивать дальше.

Но у нашего лицея другая ситуация, у нас есть и другая цель. У нас в задачах школы написано: «Формирование исследователя». Это в каком-то смысле специализация. Есть люди, которым комфортно жить, когда все вокруг известно, а бывают люди, которым интересно прийти в неизвестное: «А где тут что?» Но у этих людей часто присутствует и чувство неуверенности — они же не знают, как надо. Когда ребенок начинает развиваться, он все время спрашивает: «Папа, мама, скажите, как надо, что это?» И это необходимый

период, потому что иначе он подожжет квартиру, играя со спичками. Но жить только в атмосфере «как надо» нравится не всем, у части людей возникает вопрос: а как можно? Это уже другой аспект отношения к жизни, это исследовательский параметр в интеллекте человека. Что такое путешествие? Зачем люди стремились попасть на полюс, зачем Ливингстон отправился на поиски истоков Нила? А им просто было интересно погрузиться в неизвестность. И мы хотели бы, чтобы среди наших выпускников были такие ребята, которым интересно неведомое. Выращивание таких исследователей — то, для чего создан наш лицей.

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ КАМЕНСКИЙ

Директор лицея № 590. Доктор педагогических наук. Один из авторов концепции индивидуального развития школьника. Отличник народного просвещения. Награжден знаком «За гуманизацию школ Санкт-Петербурга», премией Президента «За успехи в воспитании молодого поколения — будущего России». Заслуженный учитель России. Победитель конкурса «Лучший руководитель государственного образовательного учреждения Санкт-Петербурга». Лауреат Всероссийского конкурса рефератов «Инновационная школа-2012» в номинации «Инновации в образовательном процессе». Призер Всероссийского конкурса «Управление современной школой». Лауреат Всероссийского конкурса научно-методических практико-ориентированных разработок по актуальным направлениям деятельности исполнительных органов власти в сфере образования.

Механика
ХРЕСТОМАТИЯ ПО ФИЗИКЕ
ФИЗИКА-ЯДРА
ФИЗИКА 9

ШКОЛА БЕЗ ОТБОРА И С ПРОФИЛЯМИ

Наша школа должна была открыться в 1990-м году. В это время в Петербурге (тогда еще Ленинграде) строились 15 школ, а достроились в результате только две — моя и еще одна, потому что время было специфическое. У меня до этого уже был опыт управления — я работал директором сиротского интерната. Работа просто ад: в восемь утра в интернате подъем, а мне там надо быть, естественно, хотя бы минут за сорок до подъема, в десять отбой, и надо побыть хотя бы полчасика после отбоя. После этого я думал, что уже никогда никаких начальнических функций исполнять не буду. У нас с детьми были замечательные отношения, я возил их на зимнюю рыбалку, в ресторан водил, они же вообще ничего про деньги не понимали, ничего не знали о жизни, и у меня, с одной стороны, очень теплые воспоминания об этом времени, но, с другой стороны, это был, конечно, кошмар полный.

Я думал, что получил прививку на всю жизнь. А тут, когда наступили гласность и перестройка, наша заведующая РОНО мне говорит: «Леша, бери школу-новостройку». И я ответил: «Только при условии, если дадите сделать что-нибудь эксклюзивное». Она сказала: «Ну давай, дерзай».

У меня тогда была дикая идея, я ее вычитал в иностранных журналах. В Америке в то время делали школы при крупных предприятиях, концернах и фирмах, решили, что надо не только в вузы идти, но и спускаться ниже. И я, молодой, наглый, пошел на Кировский завод, в комитет комсомола, потом в партком: «Давайте делать школу при Кировском заводе». А Кировский завод — это махина, 80 000 рабочих. У них все свое — больница, дворец культуры, лагеря, дома отдыха, газета, сады, а школы не было. Я говорю: «Будет здорово, будем готовить вам персонал». Здесь как раз было много домов молодежного жилищного кооператива, когда инженеров на три года отправляли на стройку, и они сами себе строили дома. Хорошие ребята, вложили свои деньги, и мы достроились. И в течение 15 лет мы были самой молодой школой Петербурга, потому что после нас школы вообще не строились.

Идея с Кировским заводом не осуществилась, потому что наступило новое время, и завод быстро развалился. Мы стали реализовывать другую, очень простую, но на тот момент она была суперреволюционной — то, что сейчас называется «профильность»: в одной школе сделать много разных направлений. До этого обычно на район была одна английская школа, в городе три-четыре физико-математических (я сам такую 30-ю заканчивал), где-то химическая, одна на город литературная, и все. А так, чтобы все в одной школе, — тогда это казалось очень чудны́м.

Моя принципиальная позиция была в том, чтобы не делать никакого отбора детей, никаких тестов «вот этих берем, этих не берем». Если воспринимать школу как институт социализации, подготовки к будущей жизни, то я уверен, что в этой будущей жизни человеку очень трудно будет решить — вот с этими общаюсь, с этими не общаюсь, с глупыми не встречаюсь, а с умными встречаюсь, ведь у нас все вокруг намешано: бедные, богатые, глупые, добрые, злые, умные...

Если ребенка к этому не готовить, то он будет не сильно защищенным в дальнейшем. Поэтому и у нас в школе сборная солянка.

Я знаю очень много хороших селективных школ, где сортируют детей. Та же физматшкола, которую я заканчивал и с большой благодарностью о ней вспоминаю, — нас было 45 человек в классе, а заканчивали только 30. Остальным говорили: «Ты не тянешь, иди отсюда». У нас этого нет. Все, кто пришел, здесь учатся. Это своя специфика и своя сложность, есть и плюсы, и минусы.

Когда мы делали специализации, мы отрабатывали много разных вариантов. Одна из интересных находок — это так называемые предпрофильные курсы. В пятых классах мы давали курсы занимательных наук такой «вертушкой»: допустим, 5 «А» на первую четверть объявляется физмат классом, на вторую — гуманитарным, на третью — естественнонаучным. Это не раннее изучение физики, а мотивационный курс. Для нас это принципиально важно, потому что **талантливых людей гораздо больше, чем**

принято считать, — я встречал разные цифры — от оптимистичного 1 процента до пессимистичной 0,01 процента, а я думаю, что в реальности талантливы 99 процентов детей. Весь вопрос в том, что считать талантом. Это до сих пор один из самых спорных вопросов в педагогике, в психологии. Есть множество определений таланта, мне одно очень понравилось: «Умение делать какое-либо дело или учиться этому делу лучше и быстрее, чем другие». Нас на планете около семи миллиардов человек. Я уверен, что занятий, где у человека может открыться талант, можно придумать еще больше, и весь вопрос в том, чтобы найти среди этих миллиардов то, для чего ты лично пригоден. И для этого не существует никаких тестов, есть только один способ это понять — попробовать. Начал заниматься и у тебя получается лучше, быстрее, чем у других, тебе нравится — делай дальше, нет — ищи для себя что-то другое. Может, в вас дремлет великий дайвер, но чтобы понять, способны вы нырнуть на 150 метров или нет, нужно надеть акваланг. И пока вы акваланг не надели, никакой психолог вам не скажет, будете ли вы хорошо погружаться или нет.

И мне кажется, что чем разнообразнее в школе будет этот «бульон», тем интереснее, тем больше шансов, что человека что-то «зацепит». **В нашей школе мы достигаем широты через вариативность, разнообразие форм, целей и методов обучения, темпов, условий.** В течение почти 20 лет я открывал маленькие классы — не по 25 человек, а по 12, то есть мы просто делили класс на две части. Психологи считают 8–12 человек самым эффективным количеством людей в группе — при этом работают свои технологии обучения, в чем-то с таким классом сложнее работать, но эффект и спрос были замечательными. И родители, естественно, за это деление доплачивали. А когда в закон об образовании в правила о предоставлении платных услуг внесли изменения, что, мол, за комфортность обучения собирать деньги нельзя, все это пришлось прикрыть — к большому сожалению для всех. Почему это изменение так назад и не вернули, мне непонятно. **Сейчас школам не хватает денег — так вот они, лежат на поверхности. Проведи**

опрос родителей — половина из них будет счастлива доплатить за малокомплектный класс. Я сам учил своего ребенка — а он у меня был очень непростой мальчик — в малокомплектном классе, с удовольствием платил за это и знал, что у него каждый раз хотя бы домашнее задание спросят. При этом не возникает социального неравенства — все эти классы регулярно были вперемешку, их учили те же учителя, они ели одно и то же в столовой, пользовались вместе библиотекой и всем остальным.

ШКОЛА СВОБОДЫ ВЫБОРА

Свобода выбора достигается через общую демократическую атмосферу в школе. Об этом можно бесконечно долго рассказывать. У меня в Уставе написано — «общественно-государственное управление», хотя принято говорить — государственно-общественное. Государственно-общественное управление строится сверху государством, а общественно-государственное — обществом.

Методолог Акбашев говорил, что школа находится на приграничной территории: с одной стороны — общество, с другой стороны — государство. Интересы того и другого отнюдь не всегда совпадают, а очень часто диаметрально противоположны. В советское время я вынужден был загонять детей в ПТУ, потому что у нас была разнарядка — 50 процентов отправлять туда, а они отнюдь не все хотели в ПТУ. До революции последний купчик за счастье почитал войти в попечительский совет гимназии, потому что он, в том числе, получал право ношения мундира, а отсюда и право на дворянство. Царская семья только процентов пять личных средств тратила на себя, их дети донашивали вещи друг за другом, а остальное они тратили на благотворительность, и великие князья так же, и дальше ниже, ниже... Это была система благотворительности, построенная государством сверху. А как сейчас попечительские советы организовываются в школах? Сейчас все школы обязаны создать свой совет. Сама иди найди себе

спонсора. Я недавно был в Китае, меня туда пригласило общество Сухомлинского, посмотрел 40 школ. У них, как у нас раньше назначали школе шефов, попечителями школ назначают китайских миллиардеров. Дают миллиардеру пять школ, и те горя не знают, сделали себе замечательный кабинет робототехники, он миллион долларов стоит. У них вообще очень развита идея шефства — городские школы шефствуют над сельскими, например.

Наша школа была самой первой школой в Петербурге, в которой был создан попечительский совет. У меня было пять учредителей — те самые молодежно-жилищные кооперативы. Потом, когда изменилось законодательство и написали, что учредителем может быть только государство, естественно, совет распался. У нас с того 1991 года у одних из первых в Петербурге был открыт расчетный счет и была самостоятельная бухгалтерия, была очень большая внебюджетная деятельность, в том числе за счет малокомплектных классов. Когда-то, в девяностых, когда все рушилось и была полная нищета, мы выжили именно благодаря этому. Но я думаю, что так должно быть даже не из-за нищеты. **Государство всегда дает только норму, какой бы она хорошей ни была, и представление о норме у каждого государства свое. А если мы хотим отличаться друг от друга в школах, то мы должны придумывать что-то еще.**

Но сама по себе идея платных образовательных услуг в том виде, в каком она реализуется у нас, диковатая. Если я не ошибаюсь, мы единственные в мире, кто их так оказывает. Есть платные школы, есть платные больницы, но так, чтобы Ньютон положен бесплатно, а за теорию относительности надо уже заплатить — это очень странно. Как школы на Западе зарабатывают деньги? Фонды выпускников — я просчитывал — мало-мальски эффективны, если их целевой капитал от 100 миллионов, не каждая школа может себе это позволить, мягко говоря. Но есть элементарные вещи: какая-нибудь благотворительная лотерея, концерт силами учащихся или детские поделки, родители их и покупают. У нас же все это незаконно. Я проведу лотерею — меня посадят. Давно надо вывести это из тени, да и детям это полезно.

ШКОЛА-ГОРОД

Был такой замечательный человек Юрий Васильевич Непомнящий, он долго возглавлял спецшколу для трудных подростков — детей, совершивших преступление и по возрасту еще не подлежащих уголовной ответственности. Я многократно бывал у него там. Заборчик — метра три без колючки, и за ним 300 малолетних преступников. И бывали дни, когда в этой школе не было ни одного взрослого — все, и он в том числе, уходили. Так у него там все было построено на системе соцсоревнования: стенды, звездочки, отряды. И я, когда только получил свою школу в 1991 году, сразу всю ее увешал стендами. Не сработало, через два месяца мы стенды сняли.

Стали ломать голову, чем детей заинтересовать и объединить, и придумали — тогда как раз пошла мода на всякие экономические игры, — раздали детям на руки игрушечные деньги, экю. И дети быстро сообразили, что зарабатывать легче, объединившись. В хорошие времена в нашей школе было до 100 детских фирмочек — с самыми разными услугами, изделиями. Например, была фирма «Все для Барби»: кукла в магазинах только-только появилась, аксессуаров в продаже не было. И дети все делали своими руками, подключили бабушек и дедушек, делали поистине ювелирную работу. Их человек 70 было в этой фирме. Спрос был огромный! Ко мне подходили взрослые бизнесмены, говорили: «Мы готовы это все скупить». А я им отвечал: «У вас экю нет»...

Реализовывать экю можно на аукционах и ярмарках, которые мы проводим каждую четверть. Ярмарки для тех, кто победнее, аукционы — для тех, кто побогаче, на ярмарках всякая мелочевка, а на аукционах уже сто́ящие вещи. Но нам важно обеспечить возврат этих денег в школьный банк, потому что если этого не сделать, то игра завязнет: у тебя денег много, а ты ничего не купил, и на следующем этапе тебе играть неинтересно. Поэтому школа тоже кое-что продает на этих аукционах, и самый популярный лот — дополнительный день каникул. Но его можно купить только коллективно,

классом. Они скидываются, там идут такие баталии: 7 «Б» против 8 «Б», 7500 экю! 7800 экю! 9000! Продано! Можно купить право 5 минут посидеть в директорском кресле, или день без домашних заданий, или индульгенцию на двойку. И каждый раз надо придумывать что-то новое, чтобы игра не тормозилась, потому что интересы меняются, старое надоедает.

У нас потрясающий преподаватель экономики Нина Федоровна Гудкова, она занимается экономическими играми в школе еще с девяностых годов. Мы с ней быстро поняли, что эта школьная игра (мы ее тогда называли ВКДС — внутришкольная кредитно-денежная система) требует большего: невольно появилась налоговая инспекция, биржа труда для тех, кто сам не может сориентироваться, в какую фирму идти работать, появились фирмы, финансируемые из школьного банка (например, я очень горжусь тем, что в нашу школьную оранжерею не купил ни одного цветочка — все выращено детьми, они сами ухаживают, фирма «Аленький цветочек»).

Уже третий год мы полностью отказались от бумажных денег, перешли на электронные. Все в компьютере, деньги перекидываются со счета на счет. Это все делает наша замечательная Нина Федоровна. В общем, все это росло, росло, и сейчас у нас игра «Наш город».

В течение целого сентября идет предвыборная кампания, затем тайное голосование, выборы губернатора (раньше мы выбирали президента, сейчас решили поскромнее), депутатов думы. А дальше очень важно, чтобы этим депутатам и представителям исполнительной власти было чем управлять, чтобы они не просто так себя начальниками считали. **В чем отчасти была ошибка советской школы? Там было разделение на актив и пассив. Актив — это комсомол и пионерия, а пассив — это все остальные. И это неправильно.** Поэтому очень важно развивать и школьное, и классное, они должны идти в смычке: если у нас есть школьный банкир, то должен быть и классный банкир, если есть школьная газета, то в классе должны быть корреспонденты. И все должно быть построено на этом принципе.

Мы не стали брать в эту игру начальную школу. Мы пробовали, но им сложно, они очень расстраиваются, когда теряют деньги, поэтому они у нас время от времени участвуют — например, в дни бизнеса, когда раз в четверть перед аукционом одновременно работают все фирмы, малыши ходят туда как экскурсанты, им выдается какое-то количество денег, и они ходят по этим фирмочкам, радуются, приобщаются. Самый эффективный возраст для этой игры — с пятого по восьмой-девятый классы, старшие себя уже больше видят начальниками, директорами банка, заместителем председателя думы, им интереснее в таком формате.

Мы, по сути, построили модель города. У нас есть свой театр, выставочная галерея, экскурсионное бюро, фабрика сувениров, почта (особенно активно работает в день святого Валентина). Это и есть настоящая профориентация: не водить по заводам-фабрикам, а давать попробовать себя в одной игровой роли, в другой, поработать в школьном банке, в школьной газете... И пока ты все не перепробовал, сложно сказать, кто ты есть. Поэтому слава богу, что они меняют увлечения и ищут себя.

У нас есть арбитраж. Я специально избегаю слова «суд», потому что это по сути не суд. Суд — когда тащат и судят, а арбитраж — это когда решают спор, ищут правду. Как таковой карательной системы у нас нет. Я вдалбливаю это в учительские головы, особенно возрастным людям, которым кажется, что надо кого-то наказать и будет счастье. У нас есть только выговор. И это у нас крайняя мера, потому что иначе это обесценивается. Я интересовался системами наказания в Смольном институте — самой суровой мерой у них было публичное увещевание. Публично у нас не принято, если я увещеваю, то один на один. И если наш арбитраж обнаруживает какой-то недобрый умысел в действиях одного из спорщиков, то мы виновника отчитываем. Вообще, тема наказаний — одна из самых запретных и темных, начиная со времен Макаренко. Откройте любой учебник педагогики, и вы не найдете в нем главу про наказания, хотя педагогам было бы в десять раз легче, если бы наказания существовали. И оно бы, может быть, было и правильно.

В большинстве школ мира есть меры дисциплинарного воздействия — например, отстранение от занятий, есть система наказаний, соответствующих проступкам, потому что без наказаний, увы, возникает волюнтаризм, когда каждый ведет себя в меру своих способностей. Наказать же можно и словом, это еще больнее.

ПЕДАГОГИКА АВТОРИТЕТА И ТЕОРИЯ СОЛЕНОГО ОГУРЦА

Я стараюсь как можно активнее везде хвалить своих педагогов, потому что считаю, что мой собственный имидж — это арифметическая сумма имиджей моих учителей. У нас действительно замечательный коллектив. Но чем талантливее, чем эксклюзивнее и уникальнее люди, тем сложнее создать коллектив, потому что каждый со своими особенностями. Коллектив — это совокупная индивидуальность, и он разный. И школы в этом смысле, конечно, должны отличаться друг от друга. Я верю, что в школе может не быть никакой специальной воспитательной работы, но если там есть турклуб, куда ходит полшколы, то больше ничего не надо — скаутское движение на 90 процентов основано на туризме. Или пусть не ходят в походы, но есть замечательный школьный театр, все увлечены, ставят спектакли. А у кого-то поисковое движение... Не так важно, что именно, пусть цветут все цветы.

Но перед коллективом надо ставить общие цели, чтобы коллектив что-то делал, а не так, что директор что-то себе придумывает и сам начинает внедрять.

У меня есть несколько идей, которые мне кажутся педагогически эффективными. Одну из них я называю «педагогикой авторитета», которая в моем представлении антипод авторитарной педагогики. У нас немножко извращенное представление о деятельностном подходе, с 1930-х годов существует большая философская психологическая школа по этому подходу, а свелось все к упрощенной и очень неверной мысли о том, что если ребенка

заставить выполнять какую-то добрую, хорошую деятельность, то он от этого станет добрым и хорошим. Это глубоко неправильно. Ребенок — не собака Павлова, и рефлексы на доброе и хорошее у него не вырабатываются. Если он будет организовывать тимуровское движение и рубить старушкам дрова, но при этом пионервожатая, которая с ним этим занимается, стерва, то в результате он будет ненавидеть пионервожатую, старушек, дрова и все на свете. А если у него в авторитете дворник дядя Вася, то, когда дядя Вася ненароком упомянет импрессионистов, он заинтересуется импрессионистами. Со мной такое было, я до знакомства с дядей Васей, как любой нормальный мальчик, бежал в Эрмитаже к мумиям и в Рыцарский зал мимо импрессионистов, а тут зацепило, и я остановился перед импрессионистами. Дворники же были эпическими фигурами, художниками. От авторитетного человека мы впитываем случайные вещи и живем с этим потом всю жизнь. Поэтому я считаю, что для ребенка очень важна хорошая компания. В педагогических тусовках это принято называть «теорией соленого огурца»: ребенок как огурчик — положишь в банку с рассолом, и он просолится, средовый подход. Я подхожу к этой теории по-своему. Все-таки дети — не огурцы, и просто так их опускать в среду — дело, конечно, хорошее, но бесполезное, потому что, когда ты его оттуда вынешь, еще неизвестно, что получится. Задача гораздо более высокого порядка — научить его самому эту среду конструировать, выстраивать и подбирать компанию, круг общения. И мы предоставляем ему такие возможности. Поэтому наша школа открытая.

У нас в образовании сильно недооценен потенциал творческих сообществ. Они — художники, писатели, ученые, спортсмены, политики — рвутся в бой, все это на некоммерческой основе, — вот этим я и пытаюсь насытить школу. Мне кажется, что тогда не надо будет проводить никаких специальных классных часов, тем более что современные дети трудновоспитуемы в том смысле, что, если их посадить и им вещать, что делать надо и чего не надо, — эффективность будет нулевая или даже отрицательная: из подростковой

вредности будут делать наоборот. А воспитание педагогикой авторитета куда действеннее: одна встреча, одна фраза останется с ними на всю жизнь, а уж если удастся в каком-то проекте долговременное общение — это высший пилотаж. Когда я писал свой выпускной реферат по акмеологии[1], то знакомился с судьбами знаменитых людей и сделал для себя открытие: все эти знаменитые люди были друг с другом знакомы, причем они познакомились до того, как стали знаменитыми. Значит, у кого-то дома собирались интересные люди, проходили творческие вечера, создавалась такая «заразная» атмосфера... В Царскосельском лицее в пушкинские времена был, говоря современным языком, ужасный бардак: к программам очень большие вопросы, к организации дела и к порядку — тем более: половина преподавателей — студенты, мы-то с вами догадываемся, что они могли напреподавать. Через полгода после начала обучения выяснилось, что пушкинский дядька — убийца, беглый каторжник. И при всем при этом из 30 выпускников — что ни имя, то страница русской истории, что подтверждает мою версию о том, что каждый талантлив в чем-то своем. Думаю, что ключевым было это лицейское братство, которое потом стало святым и для самого Пушкина, и для всех лицеистов. Если появляется ощущение братства, то талант передается воздушно-капельным путем, как грипп, — но только если эта среда возникла естественным путем, а не была создана искусственно.

ПРОЕКТЫ, ИНТЕРЕСНЫЕ И ДЕТЯМ, И ВЗРОСЛЫМ

Я нашел способ, как заинтересовать тех, кто к нам приходит, — я стараюсь выстраивать проекты, которые были бы интересны обеим сторонам. Вот проект «Добрая лира». Это литературные альманахи

[1] Акмеология (греч. acme — вершина, logos — учение) — раздел психологии развития, который изучает высшую ступень индивидуального развития личности и механизмы, сопутствующие ее достижению. В центре изучения акмеологии — взрослый субъект, который реализует деятельность по достижению «акме» — высшей ступени зрелости человека.

произведений взрослых писателей, уже вышли девять томов, они бесплатно поставляются в школьные библиотеки города. Вообще, литературных проектов море, и нормальные взрослые авторы не рвутся участвовать в каких-то проектах, так же как и мы, — мне приходит в день по 10–15 писем с приглашениями принять участие в каких-нибудь конкурсах. Но у нас есть одна идея, которая позволила в этом году привлечь уже более 500 авторов из 35 регионов России. Идея вот какая: мы обещаем автору-победителю то, чего ни один другой конкурс в мире не обещает — не денежный приз и не издание книги, — мы обещаем обеспечить вдумчивое прочтение его произведений. Их читают наши дети, родители, педагоги из нашей школы и 20 партнерских школ только по Питеру. На первом этапе читатели выбирают лучших, а дальше работает жюри из профессиональных авторов, нам помогают Союз писателей России и Союз писателей Санкт-Петербурга. Они читают, формируют шорт-лист, и из произведений победителей и лауреатов делается книжка.

Но самый интересный этап наступает потом. Дальше, когда книжка лауреатов готова, все это висит в интернете, можно читать в любой точке мира. В течение года в разных номинациях наши дети выполняют конкурсные задания по этим произведениям, от самых простеньких для малышей — сделать иллюстрацию, поделку к прочитанному, — до сложных: инсценировать, написать эссе (сложный жанр, у нас не учат его писать), письмо автору. Здорово же, когда ребенку оценку по литературе ставит не учитель словесности, а сам автор. Ведь большинство детей относятся к книгам как к чему-то мертвому, давно почившему. В рекомендуемых списках современной литературы совершенно замечательные авторы — Шукшин, Астафьев, Распутин, но эти книги написаны 40, 50, 60 лет тому назад, и для ребенка это все равно, что Сумароков и Державин. А тут школьник сам может спросить, выразителем чего был автор, что он хотел сказать: вот этот человек, который сейчас здесь рядом живет, пишет, рассуждает, думает, — разговаривай с ним, общайся. Мне кажется, это хороший проект.

Другой конкурс, в котором мы участвуем, — «Школьный патент», посвященный поддержке детского изобретательства. Конкурсов таких сейчас полно, но у этого есть несколько уникальных черт. Во-первых, его проводит наш Институт точной механики и оптики. Руководитель и автор конкурса Елена Леонардовна Богданова занимает руководящую должность в Роспатенте. Так вот, по итогам конкурса Роспатент оформляет ребенку авторское свидетельство. Представляете — в седьмом классе иметь патент на изобретение? Еще одна важная вещь — организаторы помогают внедрять изобретения. И еще: обычно, когда говорят про изобретательские конкурсы, то имеется в виду, что там техническое творчество, а в «Школьном патенте» множество гуманитарных номинаций — сочинение, школа будущего, рисунок, и для организаторов важно не столько умение рисовать, сколько идея, заложенная в поданном на конкурс произведении.

Еще один хороший наш проект — «Южнобережные олимпийские игры». У меня особое отношение к спорту, много друзей-спортсменов, и как-то мы в этом кабинете сидели, говорили, я жаловался, что у нас в школах много спортивных соревнований, но они все проходят как-то неправильно. Посмотрите какое-нибудь зарубежное кино — там школьные команды, за них болеют и взрослые, и дети... А у нас как проходит соревнование? Предположим, баскетбол. Мои съездили в соседнюю школу, выиграли, проиграли, потом к нам еще кто-то приехал, и к концу года на совещании директоров объявляют: «Твои заняли первое место, вот тебе грамота». В сентябре я эту грамоту отдам учителю физкультуры, и все. А школьный детский спорт должен быть праздником, феерией, им это нужно даже больше, чем взрослым. Вот мы и придумали эту идею южнобережных спортивных игр. Взяли только те виды спорта, которые реально профилируются в школах Петербурга: футбол, баскетбол, волейбол, настольный теннис, шашки, шахматы, пневматическая стрельба, для малышей всякие «Веселые старты», сейчас плавание ввели, потому что в нескольких школах построили бассейны. Сначала все это было на базе только нашей школы, потом присоединились

близлежащие, потом весь район, а сейчас участвуют три района на Южном берегу Финского залива: Кировский район, Красносельский и Петродворцовый, суммарно больше миллиона жителей. Дым коромыслом, зовем известных спортсменов, ни один ребенок не уходит без подарка, их получают все, даже зрители. Куча всяких творческих площадок, спортивная выставка, конкурсы, сами игры. На мой взгляд, отличная идея, и хорошо бы, чтобы она и дальше развивалась.

Учитель и заведующая кафедрой информатики в Специализированном учебно-научном центре им. Колмогорова (СУНЦ МГУ). Учитель информатики в школе «Интеллектуал». Кандидат физико-математических наук. Тренер призеров и победителей Всероссийской и Международной олимпиад по информатике. Председатель жюри московских олимпиад по информатике, член жюри Всероссийской олимпиады по информатике, автор олимпиадных заданий. Методист, разработчик учебных программ и курсов. Автор популярных книг, учебников и методических пособий по информатике. Неоднократный лауреат гранта правительства Москвы в сфере образования.

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА АНДРЕЕВА

ПРЯМОЙ ПУТЬ В ПРОФЕССИЮ

Я всю жизнь хотела стать учителем и собиралась в пединститут, но меня не пустила мама. Она сама вузовский преподаватель, но сказала: «Нет, школа — это ужасно». При этом я проявляла педагогическую активность уже в школьные годы — например, перед последним классом работала в летнем лагере вожатой с младшими школьниками, то есть мне всегда хотелось этим заниматься. Но поскольку мама сказала «нет», я поехала попробовать поступить в Московский государственный университет на факультет вычислительной математики и кибернетики (ВМиК). Я из уральского рабочего города Магнитогорска, даже не из матшколы, но, ко всеобщему удивлению, поступила, в отличие от многих московских школьников после репетиторов. Мама тоже очень удивилась — она думала, что я не поступлю, вернусь и пойду в какой-нибудь местный технический вуз — она мне советовала учиться на бухгалтера. Наверное, тоже в чем-то была права, потому что сейчас это, может, было бы экономически выгодно.

Я поступила в университет, с отличием закончила — у меня всего одна четверка, пошла в аспирантуру, защитилась, — то есть у меня была достаточно гладкая карьера. Там же, в университете, я работала в вечерних школах для школьников и ездила в лагерь МГУ вожатой, то есть все равно пыталась как-то удовлетворить свою страсть к работе с детьми.

Когда я училась последний год в аспирантуре, школа-интернат имени А.Н. Колмогорова преобразовалась в подразделение Московского университета — Специализированный учебно-научный центр им. Колмогорова (СУНЦ) МГУ, и наш факультет попросили предоставить преподавателя информатики. Меня даже не сразу направили, можно сказать, я напросилась: в наше время еще было распределение, и я это оформила себе как распределение. Это было мое первое официальное место работы, и оно осталось на всю жизнь.

Я пришла сюда в 1990 году и 27 лет работаю в этой школе, с 2000 года возглавляю кафедру информатики. То есть весь процесс становления информатики в этой школе происходил на моих

глазах. И в отличие от моих коллег, которые пришли прямо из университета, я раньше работала со школьниками, учила их программированию в тех же вечерних школах, у меня было много мыслей и идей, что и как надо делать, поэтому я сразу заняла активную позицию, и она воплотилась в руководство этим процессом.

ОЛИМПИАДНОЕ ДВИЖЕНИЕ

В начале 1990-х годов заведующий кафедрой математики нашей школы Валерий Васильевич Вавилов возглавлял сборную Советского Союза по математике на Международной олимпиаде. И он ввел меня во Всероссийскую олимпиаду по информатике. Возможно, если бы не он, у меня бы с этим не сложилось. Но тогда этот процесс, можно сказать, только начинался, он идет с 1988 года, и с 1991 года я занимаюсь олимпиадами по информатике, много лет состою в жюри Всероссийской олимпиады, вхожу в центральную предметно-методическую комиссию по Всероссийским олимпиадам по информатике, и у меня уже более 20 призеров Международной олимпиады. Причем Университет не дал мне почти никаких знаний, которые были нужны для этой области, соответственно, приходилось учиться на ходу, самосовершенствоваться.

Подготовка к олимпиадам — это отдельная область знаний. Олимпиады очень высокого уровня требуют отдельной работы, и когда учителя говорят: «Мы не можем научить этому в школе» — это действительно так. Пример — это физкультура и спорт: есть физкультура в школе, а есть школьники, которые ездят на международные соревнования, и они для этого очень много занимаются и формируют умения, которые в школе никак невозможно получить. Здесь то же самое. Всероссийская олимпиада ориентируется на Международную, и это не вложить в школьную программу, это отдельный вид деятельности — кружки, летние школы. В школах, где много талантливых детей, возможна систематическая подготовка в течение учебного года.

И мне вместе с другими моими коллегами, которые начали этим заниматься, приходилось все это изучать. Сейчас мои коллеги — в основном молодежь: те, кто сами были призерами олимпиад, вырастают и начинают учить других.

КАЖДОГО НАУЧИТЬ НЕЛЬЗЯ, НО МОЖНО ДАТЬ ПОПРОБОВАТЬ

Программы для обучения в школе мы составляли тоже самостоятельно. Информатика — очень сложный в этом плане предмет, в нем до сих пор нет ничего сложившегося. Если по большинству предметов учителям примерно понятно, что изучают в седьмом классе, что в восьмом, что в девятом, у нас есть только примерные программы. Есть школы, например, где вообще нет программирования, есть школы, близкие нашей, где почти одно программирование. И, по сути, кроме как ЕГЭ, который задает какое-то направление, никто не диктует учителю, как это должно быть.

Новый министр образования хочет все ввести в жесткие рамки. Не знаю, как у нее получится с информатикой. Самое главное, на мой взгляд, это то, что разным детям нужно разное. Я не считаю, что можно каждого научить программированию, хотя это очень востребованная и нужная для общества специальность. Мы с коллегами из современных IT-отраслей (ABBYY, Яндекс и др.) даже немножко меняли программу основной школы, чтобы там обязательно было программирование. Они говорят так: «Мы понимаем, что каждого ребенка научить этому нельзя, но нужно каждого познакомить с таким видом деятельности, чтобы все те, кто талантлив в этой сфере, поняли, что это такое, и, возможно, захотели этим заниматься, иначе это может просто пройти мимо ребенка и он не узнает, что это его». Поэтому у них мысль такая, что программирование надо показать каждому даже в сельской школе. А уж если кого-то не научили, то не научили; информатика, слава богу, является экзаменом по выбору, поэтому школьный аттестат ребенок все равно получит.

О ПЛЮСАХ И МИНУСАХ ЕГЭ

Еще одно направление моей деятельности — это учебники и учебные пособия. К сожалению, ввиду сильной занятости мы так и не собрались написать стационарный учебник и написали только для нашей школы, на федеральном уровне он выходит как учебное пособие «Математические основы информатики». Для нашей школы он годится, а для массовой школы — только для того, чтобы образовывать учителя. Ведь **знания передового учителя, на мой взгляд, должны походить на айсберг: он рассказывает «вершину айсберга», а знает гораздо больше — и для того, чтобы отвечать на вопросы учеников, и чтобы вообще нечаянно не сморозить глупость в самых обычных вещах.** Когда он умеет только пересказывать учебник, вряд ли из этого получится что-то хорошее. Поэтому наши учебники могут рассматриваться как источник более подробных знаний для учителя информатики или преподавателя педвуза.

Само собой, поскольку я уже занималась этой методической деятельностью, когда стали делать ЕГЭ по информатике, пригласили меня и туда, я вхожу в экспертную комиссию разработчиков этого экзамена.

Я считаю, что большого вреда в ЕГЭ нет. Если говорить о поступлении в вуз, то ЕГЭ упрощает жизнь абсолютно всем. Единственный, кто пострадал с введением ЕГЭ, — это небольшой пласт вузовских репетиторов, против которых это и было направлено и которые готовили к экзамену именно в свой вуз. Но многие из них успешно переквалифицировались в репетиторов к ЕГЭ.

ЕГЭ в целом справедлив и действительно дает более широкие возможности. До ЕГЭ выпускник не понимал, насколько он конкурентоспособен, ехать ему поступать в вуз или нет, теперь он знает свои баллы, примерно представляет, что нужно вузу. Сейчас около 60 процентов школьников поступают в вузы, а в мое время их было от 17 до 30 процентов, поэтому сегодня вряд ли кто-то ущемлен, кроме, возможно, небольшого объема выбирающих гуманитарные

специальности. В технических, в математических специальностях реально нет конкурса — практически любой ребенок, сдавший ЕГЭ по физике, сможет поступить на бюджетное место. Другой вопрос, что поступить-то он поступит, а учиться не сможет. В МИФИ (Московский инженерно-физический институт. — *Прим. ред.*) в 2011 году на ядерную физику проходной балл по трем ЕГЭ был 171. То есть туда мог пойти фактически любой ребенок, сдавший ЕГЭ на уровне тройки, но как он сможет там учиться? Никак. Мой родной факультет ВМиК МГУ сейчас ввел в первом семестре курс элементарной математики — они повторяют школьную математику, потому что такой у поступивших уровень.

Как справедливая система отбора в вузы и аттестация за школу ЕГЭ неплох. Плохо то, что предметы, которые сдаются на ЕГЭ, сильно сузили свое содержание, потому что теперь в школах учат только то, что нужно сдавать. Даже матшколы, где математическое образование в целом гораздо шире, чем это нужно для сдачи единого государственного экзамена, вынуждены немного сужать программу. И мои коллеги-математики считают единственным вредом от ЕГЭ то, что произошло вынужденное изменение в содержании программ старших классов, где теперь акцент ставится не на то, на что можно было бы его поставить. Например, в ЕГЭ очень мало геометрии, следовательно, зачем ребенку изучать весь курс геометрии, если у него будет ровно две геометрических задачи в ЕГЭ? Давайте просто писать тренировочные варианты. Порочность только в этом. Но ведь министерские нормативы не говорят — перестаньте учить детей и тренируйте их к ЕГЭ, — эти перегибы случаются уже на местах.

В нашей школе так не делают (не знаю, хорошо это или плохо), тренировок к ЕГЭ у нас сильно меньше, чем в других, и часть из них сугубо добровольная, не на уроках, а после них, поэтому и результаты по ЕГЭ, возможно, хуже, чем могли бы быть, если бы мы работали только на ЕГЭ.

ДРУГИЕ СИСТЕМЫ, ДРУГИЕ ПРОБЛЕМЫ

Я видела разные школы в разных частях мира. В странах Азии стараются копировать лучшее из всех систем образования, очень много ездят, приезжают и к нам, и в Америку. Корейцы, например, помешаны на развитии креативности, считая, что у них некреативная нация, то есть они не могут изобретать что-то новое, а только хорошо воспроизводить, и потому изучают это повсюду.

Но у них тоже есть перегибы. К примеру, в той же корейской школе строгая ротация учителей — учитель не может больше скольких-то лет работать в одной школе, их просто административно тасуют между школами, в том числе переводят из углубленной в обычную, из обычной в профильную. Видимо, их администрация не понимает, что не каждый учитель может работать с детьми на высоком уровне и не каждый учитель, работающий с одаренными, может преподавать в обычной школе. Число мест в вузах фиксировано государством, в том числе во всех частных вузах, и у родителей огромное желание учить своего ребенка так, чтобы он поступил в вуз, поэтому они тратят огромные силы и средства на допобразование, дети учатся с раннего утра до поздней ночи.

В Китае огромные школы, которые мало того, что устроены по принципу пирамиды, но там есть еще 100 лучших школ города, 100 лучших школ области, 100 лучших школ страны, и между ними перетасовывают детей. Кроме того, у них по 40, а то и 60 учеников в классе и огромное количество детей в одной параллели. И каждый год экзамены, и каждый год по этим экзаменам их перетасовывают в классах — в средней школе по силам, а в старшей — по профилю. Именно перетасовывают, и никакое желание ни учеников, ни родителей не учитывается.

Американская школа — это в каком-то смысле противоположность школам Востока. Возможно, главное достижение американской школы — там нет потогонной системы, есть выбор учеником курсов, много спорта, любой может взять музыку как предмет и овладеть инструментом не в музыкальной школе, а именно на

школьном уроке, и многие интересы ребенка могут быть учтены внутри школы. В тех регионах, где муниципалитет решил много давать своей школе, много чего делается для развития детей и удовлетворения всех их потребностей. И главная задача американских школ — не напихать в ребенка знаний, как у нас, а не отбить у него интерес к учебе. Возможно, это миф, потому что наши учителя, которые работают в американской школе, рассказывают про нее всякие страсти, особенно про школы для черных, слабых и так далее. Но то, что во главе угла стоит концепция «не нервировать ребенка», — это факт. В американских школах никогда не оглашаются публично двойки за контрольные работы, не комментируется результат перед другими, там не может быть такого, чтобы учитель выговаривал ученику перед всем классом за что-то. Может быть, с нашей точки зрения, иногда это и перегиб, но в этом есть свой смысл, ведь у детей действительно не отбивают желание учиться.

Коллеги из западноевропейских стран на международных соревнованиях часто жалуются, что им запрещают школы для одаренных. Они считают — мы очень счастливые, что у нас есть школы для отобранных детей. А там концепция, что школа должна быть для всех единой.

ДЕТИ ИЗМЕНИЛИСЬ, ОБРАЗОВАНИЕ НЕТ

На мой взгляд, **за последние пять–семь лет дети очень изменились и продолжают меняться, и это стало заметно в том числе и в школах для одаренных. Я это связываю с компьютеризацией общества — именно в последние годы появились дети, которые с дошкольного возраста росли в компьютере или в гаджетах.** Во-первых, у них все общение виртуальное, то есть они живут в виртуальном мире. Они на уроках между собой предпочитают уже не переговариваться, не перебрасываться записками — никаких записок уже давно нет, — а общаются в социальных сетях. Иногда

это выглядит ровно так, как показывают в «Ералаше»: навстречу друг другу идут мальчик с девочкой, общаются через гаджет, сходятся, а говорить им не о чем. Повздыхают, развернутся и опять идут, с наслаждением общаясь друг с другом через социальную сеть. И, во-вторых, есть дети, которым вообще ничего не надо. Это сказалось даже на профильной школе. **Мы в нашей школе видим, что дети перестали делать домашние задания, которые требуют работы и усилий. Если задано что-то, что можно быстро сделать, он еще сделает, если же надо сидеть со сложными задачами, думать, работать, у них на это нет времени и желания.**

В вузах сейчас еще бóльшая катастрофа, чем в школе.

Огромное количество способных детей, и моих учеников в том числе, начиная учиться в вузе, к сожалению, не заканчивают его. Они не способны к учебе как большому труду.

Я поступила в университет, не имея за плечами матшколы, и на первом курсе каждый день до ночи сидела сначала в библиотеке, а когда она закрывалась, в общежитии делала домашние задания. Они к такому строю жизни вообще не способны. Те, кто не играет, все равно смотрят фильмы, общаются, тратят на все это безумное количество времени. Я думаю, что мы ничего не сможем этому противопоставить, если не изменим формы преподавания.

ПОРА МЕНЯТЬ СИСТЕМУ

Уход детей в виртуальную реальность — большая проблема, но еще хуже то, что учительское сообщество, может, и фиксирует эту проблему, но не очень хочет решать ее новыми способами. **Один из моих коллег правильно сказал, что дети ушли в виртуальный мир, и наша задача их там встретить.** Я считаю, что такая возможность у нас есть. Но для этого надо предлагать им что-то новое, а не навязывать наши старые подходы к образованию, пытаясь убедить их,

что это хорошо, что надо читать бумажные книжки, вы без этого безграмотные... Для них это голые слова, которые ничего им не говорят.

Есть исследования психологов, которые показывают, что современные дети в силу того, что они не читают книг, а живут в основном в виртуальном мире и читают там странные, на наш взгляд, произведения, для нас не имеющие никакой ценности, приобретают так называемое клиповое мышление, которое позволяет им удерживать внимание только на небольших кусках информации. А наша классно-урочная система на это никак не рассчитана. У нас есть 45 минут урока, когда ребенок должен непрерывно в едином ритме работать. Я, кстати, недавно узнала, что когда-то это тоже было прогрессивным достижением педагогической мысли — созданная Коменским[1] система «45 + 15 минут». До него не было классно-урочной системы, он это как-то обосновывал, и это было революцией и невероятным новшеством. Но современный мир уже давно пытается найти новые формы, а наше российское образование, к сожалению, считает действующую систему идеальной и единственно возможной.

ЧТО ЖДЕТ НАС ВПЕРЕДИ

На мой взгляд, в ближайшие годы или, по крайней мере, точно на протяжении нашей жизни отомрет ручное письмо. Мы все перестанем писать ручкой и будем печатать. И пока учителя русского и литературы смириться с этим не могут. На мой взгляд, это абсурд — заставлять учеников средних и старших классов писать сочинение ручкой, я не понимаю, почему нужно разбирать их каракули. Если говорить о старшеклассниках, то заботиться об их мелкой моторике уже поздно, мелкая моторика — это начальная школа. Я не буду спорить с психологами, считающими, что ручное письмо важно для

[1] Ян Амос Коменский (1592–1670) — чешский педагог-гуманист, писатель и общественный деятель, основоположник научной педагогики, изобретатель классно-урочной системы.

развития мозга в целом, но даже в начальных классах эту мелкую моторику может заменить, наверное, «Лего» или еще какие-нибудь другие виды деятельности. Более того, я даже не хочу сказать, что все будет набираться вручную на компьютере, — наверное, очень скоро произойдут еще более революционные изменения: в последнее время голосовой набор текста стал уже неплох. Поэтому, возможно, и набирать-то не придется, и то же самое сочинение можно будет наговаривать, а оно будет выводиться на экран устройства в напечатанном виде.

Западное образование идет вперед в этом направлении, но в Калифорнии попытка убрать ручное письмо столкнулась с бунтом родителей. У них был единственный контраргумент: «А как дети будут расписываться?» Это абсолютная ерунда, понятно, что будет электронная подпись. Но начальная школа в Калифорнии уже переходит на планшетное образование — у каждого ребенка в школе есть планшет с огромным количеством программ, в которых он работает на уроке, выполняет различные задания, решает тесты и так далее. К этому постепенно приходят другие штаты и страны. Финляндия собирается отменить письмо рукой, а она считается одной из передовых стран в области образования. Финны уже давно учат детей только печатным буквам, а не ручной скорописи. Это говорит о том, что процесс скоро завершится полным отказом от обучения ручному письму. Это первое, что нас ждет. И к этому надо быть готовыми. Те учителя, которые к этому не привыкли, должны думать в этом направлении и как-то совершенствоваться.

Учителям предметов, где письма не так много (география, биология), вообще надо как можно быстрее интегрироваться в современные технологии и связывать с ними как можно больше заданий по своему предмету, делать то, что могут позволить эти новые технологии, — осваивать те же 3D-принтеры и много чего другого.

Например, мы вчера обсуждали в школе, кто и как может использовать имеющиеся у нас 3D-принтеры: можно моделировать на биологии самые разные объекты, например кости. Да что угодно, но чтобы ребенок тут же все это сам делал, потому что это ему

будет интересно. На геометрии можно делать многогранники, которые у нас долгие годы лепили, их нужно было правильно раскроить, был практикум. Понятно, что сейчас правильнее переводить такие практикумы в другое русло. Можно делать модели молекул на химии, можно использовать это на физике и так далее.

Я считаю, что школа как место, куда ребенок ходит каждый день, отомрет, может быть, не так быстро, но тем не менее. Многие социальные явления исчезают у нас на глазах. Например, у детей уже вообще нет понятия «выйти во двор», они не ходят по вечерам гонять мяч в компании. Да, может быть, в школе они общаются и играют, но вырасти во дворе с друзьями и детскими играми — такого уже просто нет. Многие привычные нам вещи утеряны, хотя мы этого можем и не замечать. Так и ежедневное посещение школы должно претерпеть кардинальные изменения. Я не говорю, хорошо это или плохо, а констатирую факт. И передовые учителя должны как можно раньше продумать смешанные формы учебы, которые были бы наготове.

Руководитель экономико-математического профиля и учитель экономики в Пятьдесят седьмой школе. Учитель экономики в лицее №1535. Победитель конкурса «Учитель года» 2003 г. в предметной номинации «Экономика». Тренер команды Москвы по экономике. Лауреат грантов Москвы в сфере образования за подготовку победителей и призеров Всероссийских олимпиад 2009, 2012, 2015 и 2016 годов. Победитель конкурса методических разработок в рамках «Школьного конкурса РЭШ». Победитель приоритетного национального проекта «Образование».

ДМИТРИЙ ЛЕОНИДОВИЧ БЛИДМАН

ПРИШЕЛ ДОКАЗАТЬ И ОСТАЛСЯ

Как говорил Михаил Геннадьевич Мокринский, наш директор (бывший директор лицея №1535. — *Прим. ред.*), ребенку психологическую травму наносят трижды: сначала в семье, потом в детском саду, потом в школе.

У меня была среднестатистическая советская семья, естественно, со всеми «нельзя», «я боюсь за тебя, поэтому ты этого не делай» и так далее. Садик я плохо помню, но думаю, что это был тоже обычный советский садик. Я тут посмотрел, как моя дочка в вальдорфском садике[1] выковыривает пальцем червяка из земли и как воспитательница все видит, но ничего не говорит, и порадовался за дочку. В садике нашего детства надо было бы положить червяка на место, помыть руки, и вообще: «ты, Блидман, иди», а не «Машенька, я тебя люблю».

В школе меня хорошо приложили: лет в десять я по глупости решил бороться за права одноклассников — объяснить учительнице, что с детьми так нельзя, при том, что ко мне она относилась хорошо. И тут я, такой наглый, прихожу и рассказываю, что нельзя детей унижать, да еще и говорю про последствия, которые могут быть. Сам случай я помню, а эмоциональные последствия — нет. Однако были и практические: у меня засела мысль, что я приду и переверну эту систему образования изнутри, причем в юности я думал о том, как буду министром и все поменяю, потом — как буду директором школы, ну и в итоге дошел до учителя. Я про себя думал: стану учителем, причем крутым, у меня будут высокие результаты, буду делать все, что захочу, и ничего «они» мне не сделают. В результате я, конечно, неплохой учитель, и говорят, что я даю хорошие результаты, но только «им» это неинтересно.

---

[1] Вальдорфская педагогика — система образования, включающая в себя детские сады и школы, цель которой — развивать природные способности каждого ребенка и укреплять его веру в собственные силы. Вальдорфская система образования основана на уважении к детству и работает по принципу «неопережения», т.е. предоставляет ребенку возможность развиваться в собственном темпе. Во главу угла эта школа ставит не передачу знаний, а воспитание. Вальдорфская система делает акцент на приобщении детей к народной культуре, творчестве и духовном развитии.

То, что пришел в школу, — это чистая случайность, хоть я и хотел этого: у меня была небогатая семья, компьютера дома не было, а в школе был, и мне нравилось с ним возиться, я постоянно торчал в кабинете информатики. И когда я закончил школу, то поступил в МЭСИ (Московский экономико-статистический институт, с 1996 года — Московский государственный университет экономики, статистики и информатики. — *Прим. ред.*) и начал работать учителем в своей школе. С первыми учениками я от неопытности совершал ошибки, не криминальные, но нежелательные. Например, у меня с учениками были явно панибратские отношения, потому что когда тебе 19, а те, кого ты учишь, всего на два года моложе, то избежать этого достаточно трудно. Это для меня был учебный полигон, и спасибо, что меня вытерпели. Но, может быть, если бы я начал не там, где сам учился, то совершенно по-другому бы все делал. Хотя опять же вопрос: захотел бы я тогда начинать... Я же пришел в школу не детей учить, а что-то доказать.

ПОЧЕМУ МАЛО УЧИТЕЛЕЙ ПО ЭКОНОМИКЕ

Экономика — очень интересный предмет, она интересна как наука. Она очень сложная, потому что, с одной стороны, в ней можно говорить много красивых слов, а с другой — она модельно во многом похожа на естественные науки типа физики, поэтому в ней можно формулировать аккуратные, строгие математические модели и доказывать то, что есть. С третьей стороны, экономика намного сложнее той же физики. На физике можно сказать: «Ребята, смотрите, есть такой процесс, сейчас я его вам покажу. Если хотите, я вам его еще раз покажу...» — и показать, и этот процесс всегда будет одним и тем же: у нас есть объект, и мы знаем, что с этим объектом происходит. С экономикой это не работает, потому что там не объект, а субъект. То есть мы его замоделировали, а с ним завтра все уже совсем по-другому происходит. Экономика сложнее для восприятия еще и потому, что она вроде как гуманитарная. Нормальный человек

говорит про физику: «Я ее не понимаю, там же процессы, формулы, еще что-то», а тут — «Все понятно, это же гуманитарная вещь». Но когда начинается изучение настоящей экономики с моделями, то это становится очень сложным. А большинство думает, что гуманитарное — это какое-то бла-бла-бла. Я вообще считаю, что гуманитарии — это те, кому в жизни не повезло с учителем математики.

Экономика — это предмет, по которому нет ЕГЭ, и поэтому он вроде бы не востребован у большого количества детей. Когда-то, когда экономика только появилась в школе, она была достаточно модной, но тогда не было ЕГЭ ни по какому предмету. И школы, которые хотели быть более продвинутыми, вводили у себя экономику. А поскольку тогда не надо было сдавать обществознание на ЕГЭ, можно было сделать отдельно курс экономики и, например, права.

Когда появился ЕГЭ, стало понятно, что из всех предметов, которые в достаточно большом количестве школ преподавались как отдельные, два предмета остались без ЕГЭ и, следовательно, без этой относительной массовости — это экономика и право. Они по-прежнему являются частью обществознания, при этом 20–25 процентов в ЕГЭ по обществознанию — экономика, примерно столько же, наверное, — право, плюс еще есть социология, политология, философия. И поэтому в школах очень мало учителей, которые хоть как-то знают экономику за рамками учебника по обществознанию. Про «спрос-предложение» они что-то знают, а видят график — пугаются. А уж задачу решить — вообще нереально сложно. Таких учителей достаточно много.

Учителей экономики сейчас мало, потому что предмет был, а потом его не стало, и сегодня в школах экономика — это экзотика. **Одна из причин, по которой не сделали ЕГЭ по экономике, как я слышал, — потому что не было учителей достаточного уровня компетентности. Почему не было учителей? Потому что, если у человека есть приличное экономическое образование, он не пойдет в школу, он найдет, где его применить.** И в итоге оказалось, что тех, кто действительно может преподавать экономику на более или менее приличном уровне, в школе единицы. А значит,

если ввести такой экзамен, то поначалу будет немного детей, которые смогут его сдать. И раз ЕГЭ по экономике нет, значит, ее особо и не надо. А экономическуюй часть обществознания надо не понимать, а «тупо выучить». Вот такой замкнутый круг получается.

КТО УЧИТСЯ ЭКОНОМИКЕ

Допустим, что ребенок сам приходит изучать экономику (а не его приводят родители). Откуда у него это желание? Возможно, он что-то прочитал, услышал, пришел, посмотрел, стало любопытно — это вполне возможно, потому что в экономике очень интересно. Это первый тип детей — которые пришли изучать экономику для развития.

Второй тип — дети, которые хотят на Всероссийскую олимпиаду. Я недавно смотрел список призеров Московской олимпиады школьников за девятый класс и понял, что пять-шесть фамилий из этого списка были потом и на Всеросе. Это говорит о том, что есть дети, которые уже в девятом классе сказали: «Я хочу результатов, я хочу, используя этот механизм, поступить в хороший вуз». Дальше они прикладывали усилия и шли, шли, шли, участвовали, побеждали и так далее.

И третий вариант — это дети, которые у себя в школе выбрали экономический профиль.

Какие бывают школьные профили? Первый профиль — гуманитарный, он часто называется историко-филологический, исторический. Туда обычно попадают две категории детей: те, кому действительно интересны история, литература и другое гуманитурное, и те, кому не повезло с учителем математики.

Второй тип профиля — физико-математический. Туда идут те, кому даются физика с математикой, кому нужна математика в первую очередь, возможно, еще информатика.

В названии третьего профиля есть слово «экономика», например, социально-экономический, «соцэк». Как правило, это означает следующее: «Ребята, мы понимаем, что вы не знаете математики, но

она вам все-таки нужна для поступления, поэтому вы хотите, чтобы в учебном плане было некоторое количество математики, но это не должен быть физмат». И те, кто понимает математику не как решение текстовых задач, а как набор формул, часто идут в этот самый соцэк. Чаще всего, если в школе есть все три профиля, то соцэк самый слабый. Это беда многих школ. И поскольку соцэк — это те, кто не знает математики, то приходится им и экономику давать на уровне «поговорить», без строгой аналитики, потому что адекватно проанализировать ситуацию без цифр все равно не получится.

Наш лицей изначально был спрофилирован на Институт стран Азии и Африки МГУ и другие гуманитарные факультеты типа ист-фака, в и нем было два профиля: историко-филологический и социально-экономический. Соцэк в лицее был классом, из которого дети шли в основном в ИСАА на социально-экономическое отделение, про которое, как я понимаю, тоже нельзя сказать, что оно является суперматематическим — там изучают чуть больше экономики и чуть меньше политологии, но в первую очередь языки. И лицейский социально-экономический профиль изначально был ориентирован не на математику. А в середине «нулевых» Михаил Геннадьевич, наш директор, понял, что нужно дополнительное развитие, что надо расширять траекторию, посмотрел, куда идут дети после школы. А многие дети шли в Высшую школу экономики, она к тому моменту раскрутилась и искала сильные школы. И так в лицее №1535 появились профильные классы, ориентированные на Высшую школу экономики, причем сразу два направления: социально-гуманитарное, ориентированное на факультеты социологии и политологии, и экономико-математическое, ориентированное на экономические факультеты Высшей школы экономики.

Я пришел в лицей как раз в это время, и задача была совершенно понятная: сделать так, чтобы дети хотели идти в экономико-математический класс. Первый набор был не суперсильный, как и любой первый набор, хотя и в нем были очень яркие дети, большинство поступило, двое детей участвовали во Всероссийской олимпиаде по экономике, один из них стал призером. То есть это были первые

результаты. Буквально через год-другой у этого экономико-математического профиля лицея появилась своя репутация, пришли коллеги — хорошие учителя математики. И стало так: если ты хочешь совсем гуманитарное — это историко-филологическое направление, если ты хочешь более политологическое и менее филологическое — это социально-гуманитарное, если ты хочешь нечто более универсальное, но с математикой — это социально-экономическое, и если ты хочешь больше математики с усиленной экономикой — это экономико-математическое. В экмат приходили дети с приличным знанием математики, с желанием ее учить. А потом в лицее появился физмат, и произошло дальнейшее разветвление, разделение детей.

ОЛИМПИАДЫ ПО ЭКОНОМИКЕ СТАНОВЯТСЯ МАТЕМАТИЧЕСКИМИ

Олимпиадам по экономике в линейке всероссийских олимпиад около 20 лет. Но еще лет пять–семь назад в них было много нематематического — например, было такое задание, которое условно называлось «эссе», и в нем требовалось знание макроэкономики и умение ее анализировать без использования математического аппарата. Были задания с графиками, логическими цепочками и прочими подобными вещами, которые надо было понимать и знать, но не нужно было ничего вычислять и аккуратненько подставлять данные на место. С 2010 года это изменилось, математика появилась, но задания по макроэкономике остались, а они как раз на понимание, знание и интерес, на умение объяснить, показать, преподать. В последние же годы олимпиады по экономике все больше и больше превращаются в олимпиады по экономической математике. В результате призерами теперь могут стать дети, которые учатся в сильной физматшколе, вообще не знают экономику, зато хорошо решают математические задачи. И говорят потом: «С одной стороны, конечно, прикольно получить еще один дипломчик, но это нечестно. Мы, — говорят они, эти математики и физики, — чтобы выиграть олимпиаду по физике,

должны много вкалывать и учить. А на олимпиаде по экономике мы получаем дипломы, мало что зная из экономики». Это же дети, для многих из них честность — это важно. Они, конечно, бравируют: «Мама, я таки получил этот кусочек картона...» — с этого года отменили правительственные, федеральные гранты, и я своими ушами слышал, как мальчик из региона звонил с этими словами маме. Мы с ним потом разговаривали, и он говорил, что его диплом — это бред, потому что задачки он решать умеет, а там, где нужны знания экономики, у него 6 баллов из 60. И при этом он призер. Конечно, он не совсем прав, но истина в его словах прослеживается.

В итоге часть детей, которые становятся победителями и призерами этих олимпиад, фактически не знают экономику и не планируют этим заниматься как минимум в ближайшие четыре-пять лет. Они пойдут на физические, математические, программистские и какие-нибудь аэрокосмические факультеты. Потом, возможно, они придут в магистратуру или аспирантуру в экономические вузы, такое вполне вероятно, но сейчас экономика — это точно не их. А те дети, которые чуть-чуть не дотягивают до их уровня математики, но знают экономику, в итоге неконкурентоспособны. Причем все понимают, что это конкурентное преимущество исчезнет после двух-трех полугодовых курсов математики в университете. Но сейчас это преимущество у «матшкольников» есть.

ЧЕМ НА САМОМ ДЕЛЕ ЗАНИМАЕТСЯ ЭКОНОМИКА

Экономика очень интересная наука, потому что она о людях, реальной жизни, поведении, это анализ конкретных действий и их последствий. У многих экономика ассоциируется с деньгами, с бизнесом, с банкингом, а на самом деле она о навыках логического мышления.

Вот самый простой пример задачи по экономике. Есть два средневековых рыцаря — рыцарь А и рыцарь Б. У рыцаря А есть войско и замок на высоком берегу реки, в районе замка через реку переброшен обычный нераздвижной мост, и в замке сидит рыцарь А.

К нему движется огромная армия рыцаря Б с другой стороны реки. Рыцарь А знает, что его армия не такая сильная и что если рыцарь Б к нему подойдет и устроит осаду, то Б в конце концов его победит. Что делать рыцарю А, чтобы остаться целым и невредимым? Если сдаться, то его убьют. Если сбежать, то найдут в другом месте и убьют. А ответ очень простой: надо выйти с армией из замка, перейти на другой берег и сжечь мост. Тогда есть большой шанс, что рыцарь Б со своим войском уйдет. Если бы А сжег мост перед Б, оставаясь на своем берегу, он показал бы Б, что боится его. А когда он перешел к Б и сжег мост, он как бы сказал ему: «Мы будем драться до последнего, мы не пытаемся отсидеться».

А вот вам подобный пример из реальной жизни. Компания «Жилетт», известный производитель бритвенных систем, в семидесятые годы, глядя на своего потенциального конкурента, компанию «Бик», решила, что «Бик» собирается начать производить не только одноразовые станки, а бритвенные системы, как «Жилетт». Что сделал «Жилетт»? Чем он угрожал «Бику»? Очень просто: они сказали: «Бик», если ты решишь делать бритвенные системы, мы уроним рынок, и тебе станет невыгодно». И «Бик» поверил и не пошел на рынок. А «Жилетт» не опустил цены.

Вот она, экономика. Это анализ, а не «сейчас я вам расскажу, что такое спрос, берите ручки, записывайте». Это «давайте посмотрим, как оно работает, как они взаимодействуют». И такая экономика интересна тем, кто пришел поломать голову и вообще любит думать, тратить на это время и силы. Но я привел пример, в котором вообще не было денег, — это был пример о стратегическом поведении. **И Нобелевские премии по экономике в последние годы очень часто получают не за «денежные вычисления», даже не за анализ бизнес-процессов, а за анализ взаимодействия людей. Экономика стала наукой о поведении людей и стратегическом взаимодействии.**

Есть еще задача «футбол — балет» — про мужа и жену: муж любит жену, жена любит балет, муж любит футбол и жена любит мужа. Если кто-то из них идет на футбол или на балет в одиночку,

то каждый из них получает выигрыш единичку, а если вдвоем, то выигрыш будет четыре. И никто не знает решения второго, куда пойти, они не могут заранее договориться. В итоге они понимают, что надо идти вместе, потому что ты получаешь четыре за то, что пошел вместе, даже если на нелюбимый футбол или на нелюбимый балет. У них есть два наилучших решения — оба идут на футбол или оба — на балет, но проблема в том, что неизвестно, кто куда пойдет, и будет «мы оба были, я у аптеки, а я в кино искала вас». В ходе дальнейшего анализа возникает вопрос: как попробовать сделать так, чтобы они все-таки договорились и пошли вместе в одно место. И дальше мы начинаем думать об этом.

Это разве про привычный банкинг, про зарабатывание денег, про спрос и предложение? Это про принятие решений. И это интересно. Но когда ты приходишь к детям и начинаешь этим их грузить вместо того, чтобы давать им привычные деньги, банки, инфляцию, безработицу, то они говорят: «А что это такое? Куда я вообще попал?» А в старших классах, когда человек не понимает, куда он идет, все сложно. Поэтому, мне кажется, хороший выход, если говорить про школьную экономику, — начинать ее учить с класса седьмого-восьмого. Почему? Первое. Если ребенок не очень математик, но хочет результатов, то за четыре года математике его научить можно — главное, чтобы у тех, кто учит, было желание. Второе: для экономики у него тоже еще достаточно лет, и ему можно показывать разные вещи, искать, что ему интереснее, показывать, что принципы принятия решений, которые он проходит на экономике, работают и в медицине, и в образовании. И, в-третьих, у него могут быть олимпиадные медальки и в седьмом классе, но они не дают ему поступления в вуз, а значит, он пойдет на олимпиаду, только если глаза горят, потому что ему это интересно. А посоревноваться он найдет где. Например, есть Открытый чемпионат школ МГУ, куда дети идут просто поучаствовать — выиграть, порешать, а не поступить. Этот чемпионат не дает никаких бонусов, кроме поступления в МГУшную экономико-математическую школу, на бесплатные курсы, на которые ты и так можешь пойти. Это «бесконфетное» мероприятие, и тем оно привлекательнее.

О ГОРЯЩИХ ГЛАЗАХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ВЫГОРАНИИ

Для меня главное на уроке — чтобы было интересно, причем и мне, и детям. Когда у участников процесса не горят глаза, то ничего не получается. И я думаю, что это относится к любому предмету. Можно говорить про какие-то формальные результаты (и об этом важно говорить), можно говорить про олимпиадные достижения, результаты ЕГЭ и прочее, все это круто, это важно, нужно, это, во-первых, измеримо, а во-вторых, имеет четкий прикладной характер для ученика, для его родителей, оно монетизируется. Это все может работать короткий период и дать результат, но для долгосрочного эффекта нужен интерес.

Нужно, чтобы ребенок приходил к учителю, потому что он хочет с ним что-то обсудить, рассказать, поспорить, спросить. Интерес создает алгоритм взаимодействия с возможностью идти дальше, причем для обоих участников, и, кстати, для всех остальных тоже.

В экономике это называется «внешний эффект» (экстерналия), когда в сделке между агентами выгоду или издержки получают третьи лица, то есть те, кто напрямую к этой сделке отношения не имеет. И это может быть в школе, когда из взаимодействия одного ученика с одним конкретным учителем возникает выгода для других учеников, потому что учителю это становится интересно или потому что ученик получает интересное задание, растет сам и тянет за собой других.

Когда у учителя не горят глаза, когда у него другие проблемы, когда он сам не знает, зачем он это делает, ничего не получится, я по себе это знаю. Это то, что называется профессиональным выгоранием. А если приходит заинтересованный учитель, которому нравится то, что он делает, и говорит: «Ребята, сейчас вам тоже будет интересно, потому что мы поговорим об этом, посмотрим, как это здорово и как оно работает», мне кажется, всегда будет результат. Но таких, конечно, немного.

АРТУР ВИКТОРОВИЧ ЗАРУБА

Учитель музыки и мировой художественной культуры в Ломоносовской школе. Кандидат педагогических наук. Лектор Московского института образования, ведущий авторских курсов, семинаров, мастер-классов. Отличник народного просвещения. Победитель конкурса «Учитель года России-1992». Кавалер почетного знака «Общественное признание», кавалер знака «Рыцарь гуманной педагогики», лауреат гранта Москвы в сфере образования. Член оргкомитета Всероссийского конкурса «Учитель года» (1992–2005). Член редколлегии журнала «Искусство в школе». Автор и исполнитель песен к спектаклям и фильмам. Автор детских мюзиклов.

CTBO

ЧТО ИМЕЕМ — НЕ ЦЕНИМ

Для меня очень болезненным является несоответствие того места, которое Россия занимает в мировом пространстве в области культуры, и того, которое культура и искусство занимают в нашем образовании. Я убежден, что Россия могла бы только на том, что мы создали в классической музыке, выстроить всю свою культурную политику и стать чрезвычайно привлекательной для всего мира — мир и так очень хорошо знает русскую музыкальную культуру. Не существует ни одного оперного театра или концертного зала, где бы не звучала русская классическая музыка. Но если мы посмотрим на себя, то окажется, что мы сами не очень-то хорошо знаем ту музыку, которую ценят в мире и которой мы должны гордиться. И это очень обидно.

Как вы думаете, есть ли в Москве улица Чайковского? Чайковский работал в консерватории, жил в Московской области, здесь постоянно звучала его музыка — в Большом театре, в Большом зале Московской Консерватории, — а улицы Чайковского в Москве нет. В Париже, кстати, есть. И Америка обожает Чайковского. Неслучайно, когда открывался Карнеги-холл, американцы пригласили его, самого известного на тот момент музыканта мира, и он открывал Карнеги-холл своим концертом, дирижировал (ему предложили быть ректором консерватории, но он, естественно, отказался, поскольку он не мог жить вне России). Америка вообще с большим уважением относится к российской классической музыке. К сожалению, в нашей стране на это не делают ставку. Если мы возьмем центральные каналы, то классическая музыка там большая редкость. Можно сказать — есть канал «Культура», пусть культурные люди туда и идут за классической музыкой, но я глубоко убежден, что мы от такого подхода намного больше проигрываем, чем выигрываем.

Если говорить про другие виды искусства, то и там то же самое. Какое произведение литературы на первом месте в мире, входит во многие топ-списки? Естественно, «Война и мир» Льва Толстого. Является ли русская литература национальным приоритетом для

наших людей? Не является. То есть где-то там нас ценят, а тут мы себя не очень.

В нашем образовании — университетском, школьном, дошкольном — колоссальная недооценка роли искусства и его потенциала в том, как сформировать человека глубокого, с интересными взглядами, человека будущего. И неважно, в какой он будет работать области. Вот лежит книжка Эйнштейна. Мало кто знает, что Эйнштейн всю жизнь играл на скрипке в квартете. Это безумно сложно, не каждый музыкант, который окончил музыкальную школу, сможет это делать. А он играл и страшно этим гордился. И когда в одной газете написали, что состоялся концерт выдающегося музыканта Эйнштейна, он вырезал эту заметку и повесил у себя на стене, потому что для него это было очень важно. И мало кто знает, что он говорил: «Достоевский дает мне больше, чем любой научный мыслитель, больше, чем Гаусс».

ПОНИМАНИЕ КРАСОТЫ НЕ ДЛЯ ИЗБРАННЫХ — ОНО ДЛЯ КАЖДОГО

Всем обычно кажется, что искусство — это для людей, которые им занимаются, а тем, кто не занимается, его нужно чуть-чуть. Но это совершенно не так. Однажды в Токио я наблюдал сценку. Сидит человек в парке и обедает — у них есть такая традиция: в обеденный перерыв часть людей берут еду и идут в парк. Он ест, и вдруг у него подхватывает ветром салфетку и она улетает. Что это для нашего человека? Полетела и полетела. А для него (ясно, что он не человек искусства, а клерк, работает где-то рядом в офисе) это немыслимо, он все бросает и летит за этой салфеткой с огромной скоростью, чтобы ее поднять, потому что его глаз не может вытерпеть того, что гармония будет нарушена этой валяющейся бумажкой. Почему так? Потому что у японцев с окончанием начальной школы ребенок должен знать 300 оттенков цветов. Потому что у них есть специальные уроки любования, когда ребенок просто садится и любуется

тем, что рядом с ним. **Они приучают человека к красоте, к тому, чтобы эта гармония была внутри, чтобы он потом ее везде воссоздавал.** А если этому не учат, как у нас, тогда можно и плюнуть, и бросить мусор прямо на улице. Когда такой человек приходит на производство, как он будет организовывать пространство вокруг себя? Как организует, такой продукт и будет получаться. У дизайнеров первый принцип: когда ты создаешь какую-то новую вещь, она должна быть красивой. А как она может быть красивой, если у тебя в глазах нет этой красоты, если ты сам ее рукой не пробовал, не смотрел, не любовался, не приучал себя понимать ее?

МУЗЫКА ВО ВСЕМ

То, что изучают на математике (за исключением арифметики, но арифметика — это не математика), никому не нужно. Ни один человек в своей обычной жизни не решает квадратные уравнения, никак ему не помогут тангенсы, котангенсы. Математика не нужна, но все ее изучают. Почему? Потому что, как сказал Ломоносов, «математика ум в порядок приводит». То же самое и с музыкой.

Музыка — это абстракция, ее вообще нет, это просто звук. Музыка — это попытка ума организовать гармонию в звуке. И человек, который это чувствует и понимает, потом переносит понятие гармонии на любую другую деятельность. Он не может ничего делать дисгармонично.

Человек, не связанный с искусством, никогда не узнает, что он все делает по законам драматургии. Он либо на это не обращает внимания и у него получается коряво, либо он использует это неосознанно. Любой разговор, если он не построен по законам драматургии, будет не очень интересным, потому что к концу ослабевает напряжение, а должно быть наоборот, нужна кульминация, а если этого нет в разговоре, то получается болтовня. И это можно увидеть в любой деятельности.

Или, например, на философии нас всех учили, что диалектика — это единство и борьба противоположностей. Очень сложно подобрать пример единства и борьбы противоположностей более наглядный, чем симфония. В симфонии есть одна тема, есть другая, и они друг с другом взаимодействуют, и одна тема подавляет другую, а другая начинает ей сопротивляться, и ты не понимаешь, какая из них победит. А в конце очень часто происходит взаимное слияние этих тем и переход в совершенно другое качество. **И симфония, на мой взгляд, объясняет философию лучше, чем сама философия может себя объяснить. Но, к сожалению, эти пласты абсолютно не востребованы.**

Я недавно вернулся из Тюменской области, в Тобольске проводил мастер-класс «Математика — музыка» для учителей: я показывал, что математика и музыка построены на одних и тех же законах: основные константы и там и там одинаковы. Те, кто профессионально занимается музыкой, знают, что музыкальная гармония — это как задача по алгебре, и задания в сольфеджио так и называются — задачи. Музыка, естественно, связана и с физикой, она вся построена по законам физики, потому что звук — это физическое явление. Я им рассказывал о том, кто был первым музыкальным ученым. Никто не догадывается, что это Пифагор, потому что он первым начал исследовать звук — взял струну, пережал посередине и удивился тому, что произошло со звуком. Музыка, физика и числа напрямую взаимосвязаны. Я уж не говорю про золотое сечение, оно есть и в музыке, и в живописи, и в геометрии, и в биологии — во всей нашей жизни, человеческое тело построено по принципу золотого сечения.

КЛАССИЧЕСКАЯ МУЗЫКА — ЭТО ЧАСТЬ ОБЫЧНОЙ ЖИЗНИ

Я работаю в обыкновенной школе и никогда не работал ни в музыкальной школе, ни в школе с музыкальным уклоном. Мне интересно, как может осуществляться музыкальное образование не в условиях, где все дети занимаются музыкой по восемь часов в неделю,

а в обычной школе. Сейчас я работаю в Москве, а до Москвы преподавал в сельских школах Самарской и Московской областей. И хочу вам сказать, дети везде отзывчивы на музыку, причем классическую. Может быть, сельские дети даже больше откликаются, чем городские, им гармония ближе, они же живут в реальной природе и видят ее. Но я не вижу принципиальной разницы между детьми в сельской школе, в городской и в столичной, разве что московские дети обладают большим количеством информации.

У меня любой урок музыки начинается с того, что я прошу детей: «Расскажите о своих встречах с классической музыкой на этой неделе». Ясно, что не все могут что-то сказать, но кто-то говорит: «Я был на концерте», а кто-то вспоминает: «А мы ходили в ресторан, и там играл квартет», а кто-то говорит: «Я ехал в машине, и у меня мама почему-то все время включает радио “Орфей”, там звучит только классическая музыка». И так далее. **И каждый урок я создаю для них эту ауру, чтобы они понимали, что классическая музыка — это часть нашей жизни, чтобы это не выглядело как нечто противоестественное, что я им навязываю.** В реальности же классическая музыка не имеет абсолютно никакого отношения к нашей жизни. А я им на каждом уроке обязательно показываю, что классическая музыка живет вместе с нами и что это нормально.

МУЗЫКА ВОСПИТЫВАЕТ НРАВСТВЕННО

Я спрашиваю учителей музыки: кто сочинил «Адажио» Альбинони? — и они в ответ смеются: ну кто мог сочинить «Адажио» Альбинони, кроме Альбинони? Так вот, он его не сочинял. Сочинил исследователь его творчества Ремо Джадзотто, который изучал творчество Альбинони всю свою жизнь и, как он сам написал, на обломках сгоревшей Дрезденской библиотеки нашел клочок бумаги, на котором было восемь тактов «Адажио» Альбинони. Но «Адажио» — это не восемь тактов, это огромное произведение для симфонического оркестра, которое Джадзотто аранжировал,

дописал. И вначале было написано: «Джадзотто–Альбинони», потом «Альбинони–Джадзотто», а теперь это просто Альбинони, и кто такой Джадзотто — никто не знает. И когда мы проходим с детьми «Адажио», я обязательно ставлю им одноименный мультфильм Гарри Бардина, написанный на эту музыку, у меня и мастер-класс для учителей по нему есть. Гарри Бардин открыл какой-то гигантский спектр правильного восприятия этой музыки. Другие, может, за всю свою жизнь такого понимания «Адажио» не знают, слышат просто красивую мелодию. А он показал, что эта музыка трагична по своей сути, и предложил свой вариант трагедии, причем оптимистической трагедии. Мне принципиально важен этот мультфильм не с точки зрения музыки (хотя прекрасно, что такая музыка звучит) — он мне важен объяснением того, какими должны быть гармоничные отношения между людьми. О чем он, с моей точки зрения? О том, как мы относимся к гадкому утенку, к непохожему, к иному. Он показывает, что мы готовы поклоняться тому, кого мы распяли, но, когда появляется еще один такой же, мы опять его распнем, к сожалению.

Я считаю, что учитель фактом своего существования должен не допускать даже тени такого подхода, чтобы на его уроке или вне урока в том общении, которое он видит, сильные третировали слабого, другого, иного. Это физиологический закон — стая всегда будет бросаться на «не такого», но этим надо управлять, и в школе это должен делать учитель, чтобы ребенок учился этой модели. И после просмотра «Адажио» я в подобной ситуации всегда могу их вернуть к этому мультфильму, напомнить, о чем мы тогда говорили.

Это воспитание — неотъемлемая часть образования, потому что для чего существует искусство? Для одной цели — сделать человека лучше. У него нет и не может быть другой цели. Та красота, которую демонстрирует искусство, — это гармония, которую ты либо принимаешь, либо не принимаешь. И то, как человек нес свое понимание гармонии несмотря ни на что, — моя любимая тема, я много говорю об этом с детьми, рассказываю о Ван Гоге, который за свою жизнь продал одну или две картины, но все равно продолжал рисовать, и о Бахе, который сочинял всю жизнь, а стал известен только

через 75 лет после смерти. Я считаю, что человек должен в своей жизни идти за мечтой, делать то, что считает нужным, если, конечно, это не направлено на разрушение, на уничтожение гармонии, неважно, в чем — в человеческих отношениях, в собственной жизни. А если у человека мысль направлена на созидание — это самое главное. И музыка этому тоже учит.

ПЕТЬ МОЖЕТ КАЖДЫЙ

Как музыкант-профессионал я могу сказать, что нет людей, которым петь «не дано». Человек не поет по двум причинам: не умеет управлять голосом или предлагаемый диапазон ему не подходит. То есть, если ему предложить спеть ту же мелодию ниже или выше, он будет петь чисто. А в предлагаемом диапазоне он не может, у него просто нет этих нот. Слух есть у любого человека, который что-то слышит, и слух можно и нужно развивать, иначе зачем нужна школа? **Пусть человек будет сначала петь фальшиво — я все равно буду просить, чтобы он пел. Я глубоко убежден в том, что неправильно поют из-за малого количества пропетого. Если кому-то сказали, что он фальшивит, он больше петь не будет, и напрасно, потому что при нарабатывании опыта у него в какой-то момент начнет получаться.**

У меня был случай, когда на заре своей педагогической деятельности я работал в детском саду музыкальным руководителем. Там был мальчик, который совсем не мог петь, но он у меня все равно негромко гудел на одной ноте. Прошел год, и я решил разучить с детьми «Тень-тень-потетень». Там разные роли, мы разбираем, выбираем, кто кем будет. Доходим до медведя, это последняя роль. Я спрашиваю: «Ребята, кто у нас будет медведем?» Они все отвечают: «Конечно, Рифкат, он же таким низким голосом говорит». И я с ужасом думаю: как же он будет петь, он же все на одной ноте исполняет, но говорю: «Ну, давай, Рифкат, попробуй». Играю ему: «Похвалялся медведь», а он чисто поет низким-низким голосом: «Могу песни я петь». И я тогда понял, что мы зря повесили на

человека ярлык, что он не способен петь. Прошел всего год занятий, но я все это время поощрял его, чтобы он участвовал, чтобы он пел, чтобы он пробовал, а не как обычно таким детям говорят: «Не пой, пожалуйста». И он запел. Для меня это было настоящее чудо.

Вот моя реальная история: я в своем родном городе пришел поступать в музыкальную школу, и меня не приняли, сказали — нет слуха. Я пошел учиться в свою общеобразовательную школу, при которой была музыкальная студия, и закончил эту студию. Конечно, в музыкальной школе сказали правильно, потому что у меня на тот момент не было слуха, который им был нужен. Но он у меня развился. Когда у нас в студии был диктант по сольфеджио — учитель что-то играет, а ученики должны записать ноты, — я садился очень близко, чтобы следить за руками учителя, и писал, видя, какие клавиши он нажимает. Однажды пришел, а все места, откуда видно клавиши, заняты, все тоже хотят на первый ряд. И я сел сзади. Учитель начинает играть, и я вдруг стал записывать, у меня начало получаться. После этого я спокойно садился сзади, мне уже не надо было смотреть на руки. То есть поначалу у меня не было этого слуха, но его надо развивать, он может быть развит. Я по своему примеру знаю, что это возможно, и верю, что у любого ребенка можно развить слух. А тем педагогам, кто на ученика ставит клеймо, потому что ему «медведь на ухо наступил», нужно давать пожизненную дисквалификацию, не допускать к детям (я не имею в виду профессиональное образование, там другие требования).

Я убежден, что каждый ребенок талантлив. Я верю, что каждый человек может сделать гораздо больше того, чем от него ожидают все, и даже он сам. Я считаю, что на учителе лежит ответственность за будущее жизни страны, поэтому повторяю вслед за Вадимом Зеландом[1]: «Вы способны на все, только вам об этом еще никто не говорил».

---

[1] Вадим Зеланд — автор книг и распространитель учения «Трансерфинг реальности». Основная мысль учения в том, что человек, установив осознанный контроль над своими намерениями и своим отношением к миру, может свободно выбирать вариант развития реальности по своему желанию. С практической точки зрения трансерфинг реальности представляет собой курс обучения целеустремленности и позитивному отношению к жизни.

Директор центра образования №548 «Царицыно». Учитель истории. Лауреат премии Президента РФ в области образования (2004 г.). Народный учитель России. Автор многочисленных публикаций по вопросам образования.

ЕФИМ ЛАЗАРЕВИЧ РАЧЕВСКИЙ

КАК МЫ СТАЛИ САМОЙ БОЛЬШОЙ ШКОЛОЙ МОСКВЫ

До 2012 года мы были самой большой школой в Москве, и объединительные процессы нас не коснулись, так как мы это проделали сами еще в 1993 году.

Когда мы делали большую школу, у нас не было такого мотива, как создание новой школьной модели, причина была одна: типовое школьное здание было рассчитано на 800 мест, а детей у нас было около 3000, и жить так дальше было просто невозможно. Поэтому мы приняли решение использовать все средства, чтобы расселиться.

Естественно, у нас возник вопрос — как расселяться? Самое простое решение, которое было на поверхности, — расселиться по возрасту: отдельно поселить малышей, отдельно подростков и отдельно старшую школу. Логика в основе этого мотива была очень простой, без всякой науки: уже тогда, в начале девяностых годов, мы с коллегами понимали, что учитель — это чрезвычайно важная фигура, но не менее важной составляющей педагогического контекста является среда, в которой учится ребенок, причем среда до малейших деталей — размер унитаза, комплектование библиотеки, информационный фон, способы коммуникаций... У детей разного возраста разные потребности и возможности. Простой пример: если посмотреть статистику по травмам в любой школе России и мира, то мы увидим, что наиболее травмоопасный возраст — это подростки 11–14 лет, по разным причинам, в основном — из-за их психосоматического статуса. У нас в «средней», подростковой, школе на каждом этаже написано: «Сбавь скорость, не больше 7 километров в час». В старшей школе это не нужно, они и так достаточно спокойные, у малышни тоже нет такого знака, потому что их всегда кто-то сопровождает — либо воспитатель, либо учитель, либо, когда они только приходят в школу, у них настолько тяжелые ранцы — дань родительскому святому желанию, чтобы всего было больше, — что они малоподвижны, как астронавты в скафандрах.

Естественным образом у нас возникло то, что в народе сейчас называется «школой ступеней», то есть первая ступень, вторая,

третья. Потом мы присоединили к себе парочку детских садов, и теперь зачисление в наш образовательный комплекс идет с трех лет.

Мы расселились и стали жить по-человечески. Потом описали этот опыт, и в 2004 году неожиданно получили премию президента в области образования за эту модель. Так и живем, но места все равно не хватает. Например, уже в день, когда начинается процедура зачисления в пятый класс, на 70 свободных мест у нас претендует примерно 400 желающих. В наши сады дети зачисляются через портал госуслуг, и, конечно, **когда мы принимаем трехлетнего ребенка, который потом автоматически переходит в первый класс и идет дальше, мы ничего не можем сказать ни о его психологическом статусе, ни об интеллектуальных возможностях, поэтому все его дальнейшие успехи или неудачи — дело наших усилий.** Добираем мы по конкурсу в пятые классы, обеспечиваем приток «свежей крови».

По окончании начальной школы у наших детей есть выбор. Профилем это назвать нельзя, но есть усиленные направления подготовки — например, китайская школа, художественная, квазиинженерная школа с пятого класса. И есть так называемые универсальные классы — как правило, их выбирают семьи, где еще не определились с направлением обучения ребенка (у них есть вторая возможность определиться после окончания седьмого класса, там опять происходит перекомплектование), или туда идут те, кто усиленно занимается спортом, музыкой, балетом и им нужно свободное время вне школы. Они учатся, приглядываются и потом могут опять сделать выбор. Правда, в китайскую школу они уже не попадут — ну и не надо, потому что только 20 процентов выпускников нашей китайской школы продолжают образование, связанное с Востоком, — в ИСАА или еще где-нибудь, а остальные идут в медицину, инженерию, экономику, математику со знанием китайского языка. У них очень хороший язык — мы стартовали лет 14 тому назад, и это была абсолютно не моя инициатива: на одном из родительских собраний какая-то мама подняла руку и сказала: «Давайте преподавать китайский язык». Я сказал: «Давайте». Нашли хороших, умных, молодых учителей в Благовещенске — там же через речку Китай, — так и пошло.

ОБЪЕДИНЕНИЕ — ШАНС ДЛЯ СЛАБЫХ

В Москве объединение школ не было одномоментным: процесс стартовал в 2011 году и еще не завершен. Сначала все это воспринимали в штыки: «Мы же такая эксклюзивная школа № X, а к нам присоединят № Z, которая совсем другая...». Но с юридической точки зрения учредитель — департамент образования — был вправе это делать, и он повел себя, на мой взгляд, политически разумно: проводил очень тонкую и непростую работу — общение с родителями. Где-то все прошло гладко, а где-то сложно, и тогда заработало то, о чем многие мечтали, — общественно-государственное управление (управляющие советы), которое на протяжении многих лет носило условный характер: они были, но не имели никакого веса и никакой власти. Тогда учредитель предложил, чтобы управляющие советы имели решающее слово в процессе объединения.

Какие есть иллюзии в связи с объединением? Иллюзия первая — что должен быть моментальный результат. Это невозможно. Иллюзия вторая — что это кончится каким-нибудь крахом. Да, может кончиться крахом в случае непрофессионального управления. Но существенные изменения в Москве начались, если я не ошибаюсь, в ноябре 2010 года, когда школу № 847 в районе Очаково лишили аккредитации. Это был беспрецедентный случай в истории российского образования — до этого ни одну школу аккредитации не лишали. Лишили по одной простой причине: там плохо учили детей, и поэтому у школы отобрали право быть школой. Чтобы что-то закончилось крахом, необязательно школы объединять.

О каких-то результатах слияния уже сегодня можно сделать выводы, например о количественных. Количественные — это успешность выпускников по тем или иным показателям. Возьмем самый простой показатель — ЕГЭ: да, количество баллов выросло. Есть хорошие результаты и по другому показателю. У нас году в 1996-м были коррекционно-развивающие классы, но я встретил хорошего психолога, который меня убедил в том, что так называемое горизонтальное общение детей друг с другом — тех, кто нуждается

в коррекции с теми, кто не нуждается, — дает колоссальный эффект. Мы тогда не знали слова «инклюзия», но эти классы разрушили, а детей раскидали по успешным группам. Эффект был потрясающий. С тех пор у нас не было классов коррекционно-развивающего обучения, хотя какая-то часть детей и нуждалась, и нуждается в этом. И я снова повторю мысль о том, что **учителя принято наделять сверхчеловеческими способностями, считается, что он за все отвечает и все определяет; но учитель не решает всех проблем. Очень важна среда: кто рядом с тобой, с кем ты общаешься, с кем играешь и так далее.**

Когда мы сможем судить об эффективности объединения со всей определенностью? Я очень люблю Майкла Фуллана, это такой канадский ученый-практик. Он говорит, что для того, чтобы изменения в начальной школе дали эффект, должно пройти три-четыре года, в средней школе — пять-шесть лет, а в такой большой системе целиком — я думаю, должно пройти лет восемь. То есть к 2020 году уже будет понятно, насколько объединение школ имело смысл. И я думаю, что московская система образования должна будет вносить коррективы.

Да, бывает, что что-то сложилось не так, обычно это зависит от фигуры руководителя, директора. **От директора очень многое зависит, практически все. Существенное сегодняшнее требование к московскому директору — это самостоятельность в принятии решений. И учредитель дает свободу в обмен на результат.** Если мы выполнили государственное задание и продемонстрировали позитивные тенденции — неплохо выступили там, сям, у нас не убили учительницу, завхоз не украл последний мел и так далее, — то мы освобождены от избыточных проверок. Всю информацию, которая нужна учредителю, он берет сам, он все видит и ему все понятно, даже годовой бюджет, поскольку мы работаем в облачных технологиях. То есть ему не надо опекать тех, кто нормально работает. Тогда у учредителя появляются новые возможности — концентрировать свои ресурсы на слабых школах. Если взять карту Москвы и разместить на ней школы первой двадцатки по рейтингу, то мы увидим: одна-две есть на

северо-западе, а в основном они в центре, на западе и на юго-западе. Если взять школы юго-востока, то там процент детей, для которых русский не является родным, значительно выше, чем в других районах Москвы. Значит, этим школам нужно дополнительное внимание, включая дополнительные финансовые ресурсы и прочее.

Я хорошо помню диалог с директором одной сильной школы, к которой «привязали» совсем слабенькую, «маргинальную» школу. Прошло три года, я с ним встречался несколько дней назад, спросил: «Как дела?» Он сказал: «Процесс пошел активно, те стали подтягиваться». Стало ли от этого хуже «этим», сильным? Сначала родители были в шоке — кого это к нам, белой кости, присоединили? Но здесь все зависит от директора и его команды. У консалтинговой компании McKinsey есть исследование случая, когда в Соединенных Штатах потратили немереное количество денег на школу, сделали невероятные компьютерные классы, а уровень успешности детей не изменился. Пустили примерно четвертую часть этих ресурсов на повышение квалификации учителей — и уровень успешности детей пошел на 16 пунктов вверх. **Кадры — это ключевой ресурс, и я нахожусь в постоянном состоянии охоты за хорошим учителем. Если я вижу, что идет мужчина с хорошими глазами, я его спрашиваю: «Ты не учитель, нет?»**

КАК ШКОЛА РЕКУЛЬТИВИРОВАЛА СВОЙ РАЙОН

Мы находимся в окраинном, спальном районе, но мы его немножко «подтянули». У нас в школе нет ни одной пьющей семьи, хотя учатся две с половиной тысячи детей. Среди такого количества родителей, возможно, есть проблемные семьи, но это не критичная масса. А я хорошо помню, как на родительские собрания в середине восьмидесятых приходили пьяные мужики. Их сейчас просто нет.

Это наша политика. Мы, конечно, никого не выгоняли. Мы здесь находимся с 1985 года, 32 года. Раньше тут практиковалась традиционная русская игра «стенка на стенку». Когда эта территория

заселялась, семьи приезжали из разных точек — где-то ликвидировались коммуналки, начали переселять из пятиэтажек, нужна была социальная самоидентификация. По национальному признаку это было сделать невозможно, тогда почти не было гастарбайтеров. По территориальному тоже: кто-то переехал с Арбата, а кто-то из Измайлово. По половому признаку тоже нет, и оставалось только одно — по новому территориальному признаку: правая сторона Каширского шоссе против левой стороны Каширского шоссе. Ребенку, живущему на правой стороне Каширки, было довольно опасно проходить через вражескую территорию. Но у моих детей была выигрышная ситуация, потому что наша школа стоит на правой стороне, а я жил на левой. Никогда не забуду 1990 год, когда мы заранее были извещены о предстоящей драке (в ней должны были принять участие человек 400), я провел с ними мирный митинг, и драка не состоялась.

Дети этих сложных семей, пьющих родителей прошли через нашу школу. Я тогда был молодым тридцати-с чем-то-летним директором, и кадровую политику проводил не формально жесткую, а ориентируясь исключительно на вкус. Если я брал на работу учительницу, то, конечно, смотрел, какая у нее внешность, как она говорит. Красота и эмпатия с тупостью не уживаются, это совершенно точно. Возраст роли не играл — у меня была учительница латыни Регина Максовна Романова, ей было за 80, но она была из тех античников, кто помнит еще те, царские, гимназии. Была учительница начальной школы Светлана Николаевна Астахова, она вообще окончила только педучилище, но надо было видеть ту доброжелательность, которая от них обеих исходила, и общую культуру, которая была во всем, что они делали с детьми.

Эти дети выросли и родили своих детей. И те, кто у нас вырос, уже не пьют, они все пошли учиться куда-нибудь дальше, мы их выучили. Они родили других детей, и сейчас к нам приходят внуки наших первых учеников. Таким образом произошла регенерация населения. Конечно, это в какой-то степени гипербола, тем не менее школа действительно провела рекультивацию территории, я бы так сказал.

Работать с неотобранными детьми в чем-то сложнее, в чем-то проще. Если мы возьмем родителей, чьих детей отобрали в школу для одаренных, и родителей, чьи дети ходят в соседнюю школу, то у последних будет меньше претензий и больше доверия к школе, потому что школа и учитель ими рассматриваются либо как равные, либо как более высокая социальная страта. А если мы возьмем контингент родителей из школы с отбором, то для них учитель — это представитель массовой профессии, человек из сферы услуг, которым можно пренебречь. В этом сложность работы в селективной школе, которой нет у нас.

ШКОЛА БЕЗ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТУПИКОВ

Мы называемся школой без образовательных тупиков — это значит, что если у ребенка тупиковая ситуация, допустим, в алгебре или физике, то он может найти себя в чем-нибудь другом — в футболе, музыке, конструировании, литературе, социальной активности. У нас есть, например, так называемая тусовочная комната, там сидят дети, которые все время что-то рисуют, сочиняют, разговаривают, готовят какие-нибудь вечера, социальные проекты, работают на этих вечерах ди-джеями и так далее. Так они проявляют себя.

Мы ищем причину, по которой у ребенка не складывается с учебой, и пытаемся помочь ему найти себя в том, что у него получается. Сейчас часто встречаются «неудобные» дети, которые плохо учатся, неусидчивы, провоцируют учителя, могут срывать урок, потому что им скучно. Далеко не все дети, которых приводят сегодня в школу, вписываются в психосоматическую норму. Значит, нужны учителя, обладающие новыми компетенциями, нужны люди, которые будут понимать причину того, что происходит с ребенком, и придумывать, как ему помочь. У нас был мальчик, у которого была одна страсть — вырезать что-нибудь из бумаги, ко всему остальному в школе он был равнодушен. Мы взяли и в художественной школе сделали его персональную выставку — показали там все фигуры,

которые он вырезал. Человек изменился сразу. Второй ход: нужна диагностика, чтобы понять, в чем причина. У нас был мальчик-истерик, всех заводил. Сначала им занимались наши психологи. Для психолога важно понять — органика это или не органика. Отравили к психоневрологу, тот сказал: «Все нормально». Тогда отправили к хорошему психоневрологу. Тот предложил сделать комплексную диагностику, и у ребенка выявили воспаление надпочечников. Вылечили. Теперь его не узнать, ведь надпочечники — это эндокринная система, гормоны.

Скажу честно: есть дети, которых учителя не очень хотят видеть в классе, — это небольшая часть выпускников девятых классов. Ведь учителя хотят максимально комфортных условий, им хочется, чтобы из 25 душ в классе все 25 мотивированно работали. А выпускники девятых классов — это часто дети, которые просто не хотят учиться. В Германии только 20 процентов выпускников идут в университет. **А одна из российских болезней — почти стопроцентное не очень качественное высшее образование.** Для многих школьников идеальный вариант — закончить девять классов, найти ремесло, зарабатывать деньги, а потом поступить дальше учиться. У меня дочка закончила, правда, 11 классов, но потом два года никуда не поступала, работала, а в 19 лет решила пойти учиться, закончила университет и теперь занимается совершенно другим делом. К 21 году она стала менеджером серьезного проекта на Первом канале, а сейчас успешно работает дизайнером интерьеров. Проблема очевидна: между 45-летним и 52-летним мужчинами большой разницы нет, а между 17-летним и 19-летним человеком разница колоссальная. В Европе заканчивают школу в 19–20 лет, у нас — в 17–18, и в этом возрасте они еще во многом дети. На рынке труда они никому не нужны — никто не хочет брать на работу 17-летних, поэтому институт или университет для них — это способ отсроченной социализации, возможность немного подрасти и быть кем-нибудь опекаемым (хотя все большее количество ребят параллельно и учатся, и работают). Система образования только сейчас стала искать оптимальный фактор влияния рынка труда на

образовательные программы. А семьи намного быстрее реагируют, чем школа, поэтому у них разные запросы. И если пять-шесть лет назад главная проблема была — куда поступить, то теперь доминирующая проблема — где этот человек будет работать после окончания того вуза, куда он поступает.

ОБРАЗОВАНИЕ БЕЗ НАСИЛИЯ НЕВОЗМОЖНО

Я считаю, что вообще обойтись без насилия в образовании невозможно. Без насилия, добровольно мы делаем только то, что сопровождается высокой мотивацией. Может ли все, что происходит в школе, проходить с высокой мотивацией? Нет, потому что здесь нет выбора субъекта. В школе, как и в любой другой массовой системе, есть вещи, которые для многих людей неприемлемы, есть разные предметы, разные учителя. Ну не могу я учиться на пять у учительницы, которая плохо говорит, или у того учителя, которого я явно раздражаю. Я помню свое отвращение к химии до седьмого класса, пока не пришел другой учитель, Борис Николаевич, и не объяснил мне все быстро. Тогда я понял и полюбил химию.

У меня несчастная школа в отношении отличников — мы всегда выпускали больше всех детей в Москве, и у нас всегда было меньше всех медалистов. Мне стоило большого труда убедить родителей в том, что невозможно ребенку быть успешным во всех требованиях, которые предъявляет ему система. Это очень тяжело. Если мы возьмем старшую школу, то в ней сегодня от 12 до 19 предметов (я не беру новые стандарты — беру действующие.) Но все это нереально освоить, потому что в сутках всего 24 часа. То есть мешает фактор времени, мешает фактор привлекательности. **Какая должна быть сила воли, чтобы осваивать то, что я не люблю, что мне противно?** Быть круглым пятерочником возможно, если в этом есть необходимость, но это необходимость из прошлого, сейчас этого уже нет. Чтобы было больше баллов по ЕГЭ, надо иметь пятерки по четырем предметам, а не по 19, а на медаль уже никто не смотрит.

Разве что ребенок заботится о среднем балле, потому что хочет учиться в Великобритании или еще где-то, где на это смотрят.

Желательно быть успешным по основным и выбранным тобою предметам. А что касается высокого балла, то сейчас актуален тот балл, который ставится независимой внешней оценкой, а не самим учителем.

ПРИЗНАКИ УСПЕШНОСТИ

Был у нас мальчик Дима, троечник, прогульщик и все такое, учителя жаловались на него. Он пришел ко мне и спросил: «Можно мне не сдавать ЕГЭ по четырем предметам?» Я сказал: «Воля твоя». Он умел сказать «нет», когда все остальные говорили «да». Он не хотел идти в вуз. Он уже тогда знал, чего он хочет. В десятом классе я предложил Диме: «Напиши мне свой персональный учебный план, по которому ты бы хотел заниматься». Он написал. Мы его утвердили. Его родители были в панике — они хотели, чтобы он был, как все, учителя хотели, чтобы он был, как все. А это был один из тех нечастых случаев, когда все говорят «да» и «ура», а он говорит — «нет, я пойду по другому пути». И когда он закончил школу, он открыл свою фирму переводов с редких языков, накопил капитал, купил себе хорошую квартиру, уехал от родителей.

Это успех? Уроки не посещал, ЕГЭ сдал значительно позже. Но **для меня успешность — это сочетание удовлетворенности своим статусом с известной долей неудовлетворенности, потому что ты хочешь развития. Следовательно, успешный человек должен обладать способностью к критическому мышлению. Все остальное вторично, и остальное можно на это нанизать.**

Или вот еще пример того, что успешность необязательно является академической. У меня был двоечник и безобразник Женя, а потом он стал прекрасным футболистом, какая-то из европейских команд его пригласила, годовой доход под полтора-два миллиона долларов. Он успешный?

Еще один фактор успешности — это толерантность как способность взаимодействия с чужим или с так называемым чужим. Был такой граф Игнатьев, сначала царский генерал, потом советский, и он писал в мемуарах, что, когда была русско-японская война и КВЖД была отрезана японцами (Русско-японская война 1904–1905 гг., КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога. — *Прим. ред.*), наши войска оказались на территории Кореи, продовольствия не получали. Как думаете, кому сложнее было выживать — офицерам или солдатам? Конечно, солдатам. Они говорили: «Щи да каша — пища наша», и отказывались есть местную корейскую еду. А офицеры, которые были на другом культурном уровне, ели и такую еду, и сякую, и местный гаолян, и пили местную корейскую водку, и ничего с ними не случилось. Они принимали чужое.

Один из признаков успешности — это возможность взаимодействия с чужими, с чужой культурой, с чужой едой, с чужим образом жизни. Это способствует умению видеть себя в новых предлагаемых обстоятельствах. Если эта база есть, то можно овладеть и математикой, и профессией программиста. Роль школы — содействовать этому формированию. Но это умеет делать редкая школа: не мешать и помогать.

ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Б

Благотворительность, волонтерство
в школе, 133, 170

Д

Дети, социально-личностное развитие, 61, 166, 240
причины изменений в нем, 50, 51, 72, 73, 145, 204
Дисциплина, приучение к ней, 42
Домашнее задание, помощь родителей в выполнении, 105

Е

ЕГЭ
мнения о важности результатов, 47, 60, 147, 221
о плюсах и минусах, 201

И

Игровая среда, о необходимости создания, 74
Иностранный язык, об уроках, 130
Информатика, о программе по ней, 200
Искусство, роль в образовании, 225, 226

К

Коллектив педагогический, кадровая политика директора, 154, 171, 190, 238, 239
Критическое мышление, обучение ему, 99

Л

Литература
об уроках, 144, 145, 162, 163, 168
предметные компетенции учащихся, 163

М

Математика
повседневный аспект, 176
нравственный аспект, 114, 176
Музыка
как инструмент нравственного воспитания, 229
классическая, об уроках ее, 227
о способностях к ней, 230

Н

Навыки современного человека, необходимые, 83, 120

О

Образовательный результат, его особенности в начальной школе, 102
Объединение школ, мнение о нем, 236
Олимпиады
мнения о них, 87, 124, 175
по экономике, особенности, 217
подготовка к ним, 199
Отбор детей в школу по конкурсу, 153, 166, 235, 240
отказ от него, 183

П

Педагогика авторитета, 190
Платные образовательные услуги, мнение о них, 184, 186
Профиль обучения
его выбор, 42
разнообразие профилей, 215

Р
Расписание уроков, 66, 140
Родители
взаимодействие со школой, 51, 60, 62, 63, 103, 123, 137, 139, 147, 155, 165
отношения с ребенком, 38, 78, 104, 105, 106, 128, 129, 137, 138
Русский язык
предметные компетенции учащихся, 39

С
Система образования
критика ее, 83, 84, 88, 205, 241
особенности ее
в Азии, 55, 203
в США, 203
в Эстонии, 67
Система оценивания, 67
безотметочное обучение, 68
критериальное оценивание, 68

У
Ученик
мнения об успешности его, 128, 243
умение учиться, 53, 83, 120, 122
Учитель
взаимодействие с учениками, 40, 52, 97, 122, 164, 165
доверие к нему, 62
нагрузка, 131
приоритетные задачи, 44, 221
результат работы, 43
хороший, необходимые качества, 46, 82, 154

Ф
Физкультура, об уроках, 74

Ш
Школа
атмосфера в ней, 56, 115, 121, 123, 148, 156, 185
будущего, 206
внеурочная деятельность, 156, 167, 169, 170, 187, 192
внутренняя среда, 55, 64, 234
выбор ее для ребенка, 43, 89
как институт социализации, 53, 61, 146, 178, 183
начальная
выбор ее для ребенка, 64
инструменты и методики обучения, 107
особенности, 102, 109
проблема границ ответственности, 136
работа с родителями, 77, 124, 130, 156
цели и задачи, 52, 54, 113, 146, 178, 191, 221

Э
Экономика, особенности школьного предмета, 213, 220

Ксения Кнорре Дмитриева

«Учителя — родителям»

Сборник интервью

Издатель *Микаэл Горский*

Редактор *Лидия Бурова*
Корректор *Ирина Астапкина*
Дизайнер *Федор Кондраков*
Верстка *Артак Саргсян*
Фотограф *Галина Индрупская*
(фото А. Бабетова и М. Калужской *Алеся Стариченко*)

Подписано в печать 15.11.2017
Формат 60x90 1/16

Издательская группа «Точка»

Напечатано в России

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.) 0+